

НОВЫЙ АДРЕС НИНЫ СТРЕШНЕВОЙ

С. БАГУЗДИН

СЕРГЕЙ БАГУЗДИН

**НОВЫЙ
АДРЕС
НИНЫ
СТРЕШНЕВОЙ**

54 коп.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ · 1969

СЕРГЕЙ БАРУЗДИН

**ЛАСТОЧКИН-МЛАДШИЙ
И ЛАСТОЧКИН-СТАРШИЙ**

П О В Е С Т И

**НОВЫЙ
АДРЕС
НИНЫ
СТРЕШНЕВОЙ**

**МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ
1969**

Автор этой книги писатель Сергей Баруздин — москвич. И, наверно, потому повести его «Ласточкин-младший и Ласточкин-старший» и «Новый адрес Нины Стрешневой» посвящены Москве и Подмосковию. Вернее, они написаны на материале этих дорогих автору мест.

А посвящены они...

Повесть «Ласточкин-младший и Ласточкин-старший» рассказывает о жизни больших и маленьких в семье, их ученье в школе и ремесленном училище, о нелегком деле — выборе профессии. И, пожалуй, еще о более важном: о том, как ныне, в наше время живут и растут молодые рабочие.

Вторая повесть называется «Новый адрес Нины Стрешневой». Это повесть о пионерской дружбе и товариществе, о честности настоящей и мнимой, о борьбе со злом, в том числе и злом, которое скрывается под маской веры в бога.

А, впрочем, обе эти повести о жизни, о наших современниках, о том, что волнует нас сегодня.

Писатель Сергей Баруздин родился в Москве в 1926 году. До войны учился в школе и занимался в литературной студии Московского городского Дома пионеров, куда его направила Надежда Константиновна Крупская, бывшая в те годы заместителем наркома просвещения.

Пятнадцатилетним комсомольцем Сергей Баруздин участвовал в обороне Москвы. Он был рабочим, а позже солдатом-разведчиком, который прошел путь до Берлина и Праги. После завершения Отечественной войны экстерном сдал экзамены за среднюю школу и с отличием окончил Литературный институт имени Горького.

Перу Сергея Баруздина принадлежит более семидесяти книг, изданных на многих языках народов СССР и зарубежных стран, а также два ставших широко известными романа о минувшей войне — «Повторение пройденного» и «Повести о женщинах».

**ЛАСТОЧКИН-
МЛАДШИЙ
И ЛАСТОЧКИН-
СТАРШИЙ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАГАДОЧНЫЕ БУКВЫ

Хмурый декабрьский день висел над городом. Декабрьский — одно название: ни мороза, ни снега не было и в помине. Только дождь. То ли осень на этот раз так и не кончится, то ли зима так и не начнется.

Серое небо лежало прямо на крышах домов. Даже заводских труб почти не было видно. Скрытые где-то в тумане, они выбрасывали клубы дыма вниз, на город.

По такой погодке не погуляешь. Зато дома было тепло и хорошо. Петр Иванович открыл форточку, зябко поежился и сел за стол.

В комнате приятно пахло супом, сырым воздухом и заводским дымом.

— Леонид Петрович, а Леонид Петрович! Может быть, вы сядете за стол? Суп стынет.

— Сейчас... Вот только найду...

Последние слова, несомненно, принадлежали тому самому Леониду Петровичу, чьи ноги в потрепанных, с бахромой брючках и порядком побитых ботинках торчали из-под стола. Внешний вид этих ботинок красноречиво говорил о том, что обладатель их не бережет обуви и гоняет по улице не только футбольный мяч, а и консервные банки.

— Нашел!.. Вот он...

— Ну, ладно. Вылезай скорей! — сказал отец, переходя на «ты», и это означало, что он уже не сердится.

Леонид Петрович, или просто Ленька, несмотря на свои десять с небольшим хвостиком лет, как ему казалось, хорошо знал характер отца. Когда отец о чем-нибудь думал или был расстроен — он часто курил, становясь молчаливым и рассеянным. Именно в такие

минуты он то ли в шутку, то ли всерьез называл сына Леонидом Петровичем и обязательно на «вы».

Ленька не в отца — мал ростом («За лето даже на сантиметр не вырос!») и, как говорит старший брат, «еще совсем глуп». Ленька не спорит с братом и не говорит Николаю, что тот сам глуп.

Но Ленька действительно еще многого не понимает в жизни. Зачем люди курят, если это вредно? И почему в соседнем переулке стоит церковь, если нет бога? По субботам и воскресеньям в церкви чуть свет звонят колокола и мешают людям спать. И наконец, почему он, Ленька, похож не на мать, не на отца, а на бабушку?

— Вылитая бабушка! — говорит про Леньку мать. — И неаккуратный такой же! Серьезно!

«Серьезно» — любимое мамино слово. Оно присутствует почти в каждой ее фразе, даже когда мама явно шутит.

Ленька не понимает, почему он «вылитая бабушка». Он не помнит своей бабушки, которая жила давным-давно, когда Леньки, может быть, даже не было на свете.

А вот то, что Ленька неаккуратный,— это, пожалуй, верно. Пальцы у него всегда в чернилах, и их приходится оттирать одеколоном. Мылом они никак не отмываются.

— Ручка мажется,— обычно объясняет Ленька.— Что я могу сделать?

— Купи себе новую и будь аккуратней,— советует отец.

Ленька покупает новую ручку, но оказывается, что и она мажется. Наверно, поэтому на страницах Ленькиных учебников видны чернильные отпечатки пальцев. Концы его пионерского галстука тоже в кляксах, словно он специально опускал их в чернильницу.

Вещи свои Ленька разбрасывает по комнате так, что потом с трудом находит их. В комнате тесно, и попробуй разберись, где Ленька положил учебник по арифметике, а где оставил цветные карандаши. Может, их мама убрала куда-нибудь, когда делала очередную перестановку в комнате?

И еще одна беда. Ленька без конца теряет ключи от входной двери. До звонка Ленька не достает, и ему приходится стучать.

Соседки ругаются. «Надо свой ключ иметь!» — говорят они. Их дети уже давно повзростали и ключи не теряют. Ленька и сам знает, что надо иметь свой ключ, но разве он виноват, что ключи теряются!

Особенно Ленька не любит, когда дверь ему открывает Нина Семеновна. А она, как назло, открывает чаще всех.

— Ах, это ты,— каждый раз разочарованно говорит Нина Семеновна, увидев Леньку.

Нина Семеновна выбегает на все звонки и стуки. Она жалуется, что ей очень некогда и что она ничего не успевает делать. Весь день дребезжащий голос Нины Семеновны звучит в разных концах длинного, словно

беговая дорожка, коридора. Нина Семеновна должна знать, кто к кому приходит. Даже когда входную дверь открывают другие, она выглядывает из своей комнаты.

Но Леньке достается за свою неаккуратность не только от соседок. Чаще достается от матери.

Отец обычно просто напоминает Леньке: «Вымой руки», «Положи на место», «Причеши волосы», «Подними промокашку».

Мать к этому всегда добавляет, что Ленька «самый неаккуратный человек, поросенок и грязнуля, каких свет не видывал».

Ленька замечает, что мать сердится тогда, когда у нее плохое настроение. В эти минуты она даже почему-то тяжело дышит. Но почему у нее плохое настроение? Ленька и этого не знает. Правда, когда у мамы настроение хорошее — она добрая и Леньке от нее не попадает.

Замечает Ленька и другое: у отца дома почти никогда не бывает плохого настроения. Вернее, когда отец приходит домой, настроение у него становится хорошим. Так бывает всегда.

Так было, например, и несколько дней назад, когда Ленька встретил отца возле булочной. Петр Иванович возвращался с завода почему-то очень сердитый, сказал только: «Ага! Это ты!» — и, чиркнув спичкой, закурил. Ленька молча пошел рядом с отцом. Но вот они свернули на свою улицу, и, чем ближе приближались к дому, тем разговорчивее становился отец. А почти около дома отец неожиданно остановился возле мороженщицы и взял Леньке порцию шоколадного.

— На, бери! — сказал он. — А вот Неводову я не купил бы мороженого...

Ленька не знал, кто такой Неводов и почему он не заслужил мороженого, но он понял: раз отец шутит, значит, настроение у него исправилось.

Так было и сейчас.

И вот они уже сидят с отцом, обедают. Обычно Ленька не любит, когда молчит отец. Сегодня почему-то молчит Ленька, и, оказывается, Петру Ивановичу это тоже не нравится.

— Может, двойку схватил? — спрашивает Петр Иванович, хотя только что встретил на улице Ленькину учительницу Людмилу Васильевну и получил полный отчет об учении сына.

— Ну что ты, пап!

— А ты опять, я смотрю, не подстригся, — вспомнил Петр Иванович. — Мне даже твоя учительница сказала...

— Подстригусь...

Казалось, Ленька всецело был поглощен супом. Он даже не поинтересовался, откуда отец знает про напоминание учительницы. Ложка за ложкой он выбирал из тарелки бульон, оставляя напоследок любимые клецки. На самом же деле Ленька думал: «Спросить или не спросить?»

И наконец он спросил, но совсем не про то, про что хотел:

— Пап, а куда ты ходил? Ведь ты же болен.

— На завод. Отправляли наших новичков в испытательный...

— Холодильники... в испытательный?

Слова отца так поразили Леньку, что он отвлекся от своих мыслей.

— Да нет, зачем же холодильники? Автобусы новые, туристские. Как-никак нашего завода продукция. Разве можно пропустить такое?

Леньке было искренне жаль своего отца. Работает на таком заводе, а что делает! Холодильники, обычные холодильники! На заводе выпускают лучшие машины: грузовые, легковые, автобусы. А отец? Ну, хотя бы ве-

лосипеды делал — все лучше. А то холодильники! Даже должность отца и то смешно звучит: «Начальник цеха домашних холодильников».

Наверно, поэтому Ленька сам никогда не рассказывал приятелям про отца, а если спрашивали, отвечал коротко: «На автозаводе работает».

— Пап, а они, автобусы эти, только для иностранцев?

Про новые автобусы, которые вот-вот выйдут из заводских ворот, Ленька слышал давно, уже несколько месяцев. О них не раз говорили дома отец и даже мать, которая не очень-то разбирается в технике, о них много говорили в школе. О новых автобусах можно было слышать даже на улице.

Взрослые обсуждали достоинства новых машин, ребята спорили о их внешнем виде, вычерчивая на школьных досках и просто на земле контуры автобусов. Жизнь большого завода, равного целому городу, так или иначе волновала всех жителей рабочего района, который хотя и не назывался автозаводским, на самом деле был именно таким.

— Ну, пока для иностранцев, а потом и для всех, — объяснил Петр Иванович, доставая папироску и собираясь выйти покурить в коридор. — Построим много таких автобусов, всем хватит.

Ленька был равнодушен к автомобилям. До сих пор берег он свои игрушечные машины: красную трехтонку с пожарной лестницей, «Победу» из целого куса дерева, несколько грузовиков неопределенных марок — предметы своих давних дошкольных увлечений. Может быть, он и теперь играл бы в них, если бы не мальчишеская гордость: так уж повелось среди ребят считать, что игрушки созданы только для самых маленьких. А жаль...

Зато Ленька давным-давно в совершенстве изучил

все марки автомобилей, по крайней мере наших, советских. Знал он и некоторые иностранные: «форд», «шевроле», который долгое время называл «шевролетом», ну, конечно, «виллис», «додж», «мерседес», «оппель», «Татра»... Казалось, названия эти Ленька стал произносить значительно раньше, чем свою фамилию и адрес. Во всяком случае, так считала его мать Мария Михайловна: сама она не только не знала ни одной иностранной марки, но и путала «Москвич» с «Волгой».

А Ленька! Ленька мог часами простаивать на углу улицы, завидуя проезжавшим мимо шоферам. А потом, возвращаясь домой, он видел чудесные сны: его руки лежат на баранке, ноги нажимают педаль, и вот уже вся огромная, сглаженная асфальтом улица мчится ему навстречу. Баранка, стартер да еще механический дворник — вот, пожалуй, все детали машины, известные Леньке. Но и этих знаний было вполне достаточно для мечты стать шофером.

— Пап! А у тебя... энциклопедия есть? — как бы невзначай поинтересовался Ленька, улучив, как ему показалось, самый подходящий момент: суп и макароны съедены полностью, и, значит, у отца не должно быть к нему никаких претензий.

— Энциклопедия, сынок? Да нет пока...

Сам того не ведая, Ленька задел отца за самое больное место.

У каждого человека есть своя заветная мечта. Один всю жизнь мечтает приобрести машину, другой — получить новую квартиру, третий — поехать в кругосветное путешествие... Петр Иванович всю жизнь мечтал приобрести энциклопедию. Он начал учиться поздно и потому всегда жалел о нехватке знаний. Петр Иванович считал, что и жена умнее его: медицину в совершенстве знает да и читает много... А что он сам? Только техника одна на уме да свои заводские дела. А до

остального руки не доходят. А может быть, просто не очень тянет? Как говорится, кругозор узок?

«Вот выпишу энциклопедию и буду читать том за томом,— мечтал Петр Иванович.— Глядишь, и поумнею чуть-чуть».

Но пока мечта эта так и оставалась мечтой. В свое время Петр Иванович прозевал подписку: некогда было стоять в очереди. Позже, когда с подпиской стало легче, не оказалось свободных денег, чтобы получить сразу десять вышедших томов. А сейчас и подавно: поди уже томов пятьдесят вышло.

Да и не только в деньгах дело. Некуда было ставить энциклопедию. В комнате и так тесно. Единственный книжный шкафчик забит до отказа. Книги лежат даже в кушетке, и до них трудно добраться.

Конечно, жена права: он сам виноват. Многие давно уже получили новые квартиры. После войны завод построил не один дом. Но что поделать? Не умеет Петр Иванович просить. Сам он не раз принимал участие в распределении жилья, другим помогал, но говорить о себе не мог. Такой уж у него характер. Впрочем, и у жены не лучше. Это она его упрекать умеет, а сама? Сколько раз распределяли в поликлинике жилье, сколько врачей переехали в новые дома, а она, видно, и не заикалась ни разу! Да и есть люди, которые пока больше нуждаются. Вон Неводову дали недавно квартиру, так у него семья в пять человек, а комната была еще меньше, чем у них. Когда-нибудь дойдет очередь, тогда и дадут. Сами предложат!

Петр Иванович закурил.

— А зачем тебе энциклопедия, сынок? — спросил он.

Такого поворота Ленька не ожидал. Что же придумать? Как объяснить отцу, зачем ему нужна энциклопедия? Не рассказывать же про все!

— Да так просто... Хотел посмотреть там...

На самом деле энциклопедия потребовалась Леньке не случайно. И причиной всему старший брат Николай. Это он задал Леньке задачу, которую никак нельзя решить. И вообще он, Николай, в последнее время непонятный какой-то.

Ленька тянулся к брату, тянулся уже хотя бы потому, что Николай старший. Он не знал, любит он Николая или нет, он просто хотел дружить с ним, как равный с равным.

Но отношения между Николаем и Ленькой были непонятно сложными.

Ленька все чаще слышал слова матери о том, что у старшего сына тяжелый характер и с ним прямо беда. Отец говорил, что у Николая переходной возраст и это, мол, скоро пройдет. Другой отец, может быть, выдрал бы его, и все тут. А он нет. Вообще, почему-то отец очень хорошо к брату относится. Даже ему, Леньке, не раз доставалось от отца, а Николаю ни разу! Может, потому, что Николай уже взрослый?

Короче говоря, Ленька просто не мог понять своего старшего брата.

Ну и что ж, что переходный возраст?! И ему, Леньке, тоже когда-нибудь будет четырнадцать, так разве он станет таким, как Николай?

Нет, конечно, Ленькин брат не хулиганит, как некоторые, но он как будто все время чем-то недоволен. И разговоры его все состоят из одних и тех же слов: «да», «нет», «хочу», «не хочу», «буду», «не буду».

При отце Николай вообще чаще молчит. Леньке даже кажется, что в последнее время брат почему-то сторонится отца. Раньше так не было.

Раньше Николай ездил с отцом на футбол, и на демонстрацию они ходили вместе. Теперь нет. На Первое мая Ленька ходил на демонстрацию вдвоем с отцом,

Николай ходил со школой. А в октябрьские праздники вовсе не ходил.

Летом, когда начались футбольные игры, отец несколько раз предлагал Николаю съездить на стадион, но все выходило, что брат был занят. Теперь уже осень, и не только первенство, а и кубок разыгран, а Николай так ни разу и не побывал с отцом на стадионе.

А уж с Ленькой Николай вел себя совсем странно. На людях к нему лучше не подходи: «Отстань! Не мешай!» И вид у Николая такой: мол, я взрослый и нечего мне с тобой, мелюзгой, дело иметь. Можно подумать, что он чем-то недоволен и злится на все на свете!

Зато, если никого нет, Николай становится совсем другим. Тут он с Ленькой не стесняется разговаривать — и про школу его расспросит, и про отметки, а вчера даже подарил Леньке подшипник.

— Второй достану, — сказал, — самокат тебе сделаю.

Именно этот подаренный братом подшипник и доставал сейчас Ленька из-под стола. Но теперь, найдя его, Ленька думал не столько о самокате, сколько о другом. Вчера, когда Николай сам заговорил с ним о самокате, а потом о школе, Ленька решил спросить у брата про училище. Вот тут-то Николай и сообщил Леньке важную новость.

— Мы скоро уже к комплексным работам приступаем, — сказал он.

— А что вы будете делать? — спросил Ленька, для которого слова «комплексные работы» были такими же непонятными, как какая-нибудь кибернетика.

— Да так, штуку одну. ТВС называется, — равнодушно сказал Николай, и в этот момент он уже совсем не был похож на старшего брата.

— А что это?

— Да так, одна важная вещьца... Впрочем, это не твоего ума дело! Смотри только не болтай никому, а

то я знаю, как ты умеешь хранить секреты,— добавил Николай, вновь становясь взрослым: в комнату вошла мать.

Возможно, Ленька и не обратил бы особого внимания на сказанное, если бы не это случайно обретенное братом слово «секрет». Ленькино сердце не устояло.

Весь вечер три загадочные буквы не выходили у него из головы, но понять их смысл он не мог.

«Буду думать всю ночь,— решил Ленька.— Великие люди всегда по ночам думали и делали всякие открытия».

К удивлению родителей, он уже в половине девятого собрался спать.

Ленька спал на раскладушке. Ее ставили между столом и кушеткой, на которой спали родители.

Мария Михайловна жаловалась:

— Когда же кончится эта теснота! Большой мальчик, а своей кровати не имеет.

Леньку раскладушка вполне устраивала — ему нравилось лежать на ней, словно в желобке, прижиматься щекой к холодным алюминиевым трубкам, трогать рукой туго натянутые, чуть скрипящие пружины. Ложась в постель, Ленька любил слушать, что делается за столом: разговоры родителей, шелест газеты, которую мать читала по вечерам во время чая, вздохи старшего брата, готовящего домашние задания, позвякивание чашек.

Временами в комнате заменяли и переставляли мебель. Марии Михайловне казалось, что с перестановкой мебели станет свободнее. Постепенно кровати родителей и старшего брата сменили на кушетки, четырехугольный дубовый стол на толстых ножках без перекладин (мать спалила их во время войны в печке) — на более легкий, круглый.

В комнате становилось уютнее, но не свободнее. Ленька продолжал спать на раскладушке. Но вчера вечером, забравшись в постель, Ленька уже не прислушивался к разговорам. Он лег спиной к столу и целиком погрузился в мысли о загадочных буквах.

И действительно, стоило Леньке закрыть глаза, как его сразу осенило первое гениальное открытие: «Наверно, это начальные буквы каких-нибудь трех слов. Вот здорово!»

Но тут же Леньке пришлось убедиться, что открытие его недостаточно гениально: «А каких слов? Как их узнать?»

Он стал мучительно подбирать слова. Как назло, у него получались самые необыкновенные сочетания:

«Тимур вез сметану...»

«Трактор воблу сеял...»

«Товарный вагон смеялся...»

Слов было много, но ни одно не подходило.

Ленька повернулся лицом к столу и тяжело вздохнул. Он привык спать на правом боку.

«Трудно, видно, сразу», — подумал он и вдруг сообразил, что теперь все его мысли начинаются с трех загадочных букв.

— Тебе время спать, — сказал Петр Иванович, услышав бормотание сына.

Ленька машинально заметил: «Тебе — «т», время — «в», спать — «с», ТВС. Не то!»

— Теленок всегда сопит, — неожиданно изрек он, не понимая глупости сказанного.

— Какой теленок, сынок? — спросила Мария Михайловна, встав из-за стола. — Спи, родненький... Спи!

— Он во сне, — успокоил ее Петр Иванович, ничуть не удивившись.

Отец часто работал по ночам и привык, что Ленька разговаривает во сне, возится, а иногда и вскакивает,

будто и ночью продолжая заниматься какими-то своими дневными делами.

Так и не разгадав секрета, Ленька уснул.

Это было вчера. А сегодня в четвертом классе «Г» не было более внимательного и тихого ученика, чем Леня Ласточкин.

Обычно Ленька, прыгавший даже во сне, не отличался на уроках выдержкой. У него было значительно меньше терпения, чем требуется ученику для сорокапятиминутного пребывания за партой. И если уж Ленька не мог не болтать во время урока, не драться с соседом и не приставать к сидящим впереди девочкам, то сидеть весь урок на одном месте он тоже не мог.

Но просто без конца вертеться и ерзать на парте было нельзя. Ленька знал это и потому вольно или невольно пускался на всякие хитрости.

Когда он учился еще в первом классе, все было довольно просто. Почти на каждом уроке Ленька тянул руку и просил у Людмилы Васильевны разрешения... выйти на минутку.

Отказов не было. Для первоклассников такой предлог считался благовидным. Путь к цели ухода и обратно занимал куда больше «минутки», и Ленька вполне успевал встряхнуться.

Но уже со второго класса этот предлог принимался Людмилой Васильевной во внимание значительно реже. Ленька начал упорно искать выход. Он ронял на пол ручку или резинку. Появлялось законное основание, чтобы встать из-за парты и поднять их. Ленька пробовал пользоваться чужой чернильницей, для чего нужно было поворачиваться к задним соседям. На вопрос Людмилы Васильевны, почему Ласточкин вертится, Ленька отвечал: «У нас чернила пересохли».

Кроме того, появилась возможность задавать вопросы. Это было, с одной стороны, удобно, ибо вопросы

всегда задаются стоя, а с другой — похвально. Сам того не ведая, Ленька прослыл в глазах Людмилы Васильевны «любопытным мальчиком».

Леньку даже ставили в пример другим.

— Смотрите на Ласточкина, — говорила Людмила Васильевна. — Он всегда, когда что-нибудь не понимает, спрашивает.

При этом Людмила Васильевна, человек серьезный и строгий, не скрывала улыбки. Она была сама еще настолько молода, что прекрасно понимала причину любопытности Ласточкина и не осуждала его. В душе она больше всего не любила слишком спокойных детей.

Наконец теперь учительница чаще вызывала ребят к доске или спрашивала с места, что также устраивало Леньку.

Уж лучше отвечать урок у доски, чем сидеть на одном месте и скучать!

Но сегодня Ленька был действительно на редкость внимателен. И на русском, и на арифметике, и на естествознании, и на географии он старался не пропустить ни одного слова Людмилы Васильевны. Ленька наивно думал, что учительница может невзначай заговорить о непонятном для него ТВС.

Однако за четыре урока Ленька так и не услышал из уст Людмилы Васильевны объяснения загадочных букв.

«Жаль, вожатой нет, Гали, — подумал Ленька. — Она наверняка знает. Ведь сама в ремесленном...»

После окончания занятий Ленька не выдержал и подошел к учительнице.

— Людмила Васильевна, а что такое ТВС? — спросил он подчеркнуто равнодушным голосом.

— ТВЧ, Ласточкин, — это токи высокой частоты, — объяснила Людмила Васильевна. — Вы этого еще не

проходили. Вот когда в старших классах будете изучать физику...

— Нет, не ТВЧ, а ТВС? — повторил Ленька, делая ударение на последнюю букву. — ТВС!

— ТВС? Я что-то такого не слышала. Может быть, ты что-нибудь перепутал? — спросила Людмила Васильевна.

Ленька решил не продолжать этого разговора.

— Ну, тогда не надо. Я ведь просто так... Перепутал... До свиданья! — поспешил он попрощаться, боясь, как бы Людмила Васильевна не спросила, откуда он узнал о ТВС.

— А ты, Ласточкин, в энциклопедию посмотри, — посоветовал Леньке в коридоре Саша Перегудов. — Там про все можно узнать. Я, например, когда что...

Саша слыл в классе всезнайкой. Он без запинки давал ответы на все вопросы и советы на все случаи жизни. Он знал, например, почему изменился климат в Москве («Атомные бомбы взрывают? Взрывают! Вот потому...»), почему есть церкви, хотя нет бога («В них против войны молятся!»), и ничуть не смущался, когда уверял, что Наполеон — это всего лишь пирожное и ничто другое, а дроби не имеют никакого отношения к арифметике потому, что они «то, чем стреляют из ружья». Впрочем, убедить в этом многих четвероклассников было нетрудно: по арифметике они не дошли еще до дробей, а по истории — до Наполеона.

— А где я ее возьму, эн-цик-ло-пе-дию? — удивился Ленька. По правде говоря, он впервые слышал такое слово — «энциклопедия».

— Дома у отца возьми, — сказал Саша. — Энциклопедия в каждом доме есть. Я, например, когда что...

Возвращаясь из школы, Ленька взбежал по лестнице к себе на четвертый этаж и, запыхавшись, остановился возле входной двери. Чтобы не выслушивать

лишний раз упреки соседок, он выждал минуту, пока за дверью раздались шаги, и лишь тогда постучал.

— А, это ты...

Хитрость не удалась. Дверь открыла Нина Семеновна.

— Спасибо,— пробормотал Ленька.

Дома он застал только мать. Сегодня Мария Михайловна шла к себе в поликлинику к двум часам: вечером у нее было дежурство.

— А папы нет? — поинтересовался Ленька, бросив портфель на кушетку Николая.

Утром, когда Ленька уходил в школу, Петр Иванович был дома: он простудился и второй день бюллетенил.

— Папа верен себе: сказал, что к врачу пошел, а сам, конечно, на завод направился.

Мария Михайловна, безнадежно вздохнув, переложила брошенный сыном портфель.

— Лицо умой, у тебя чернила на подбородке! Серьезно!..

Ленька разделся и на этот раз сам повесил пальто на вешалку: ему хотелось быть хорошим.

— Папа придет — обедайте. Суп на столе, под бабой, второе — в духовке. В школе-то как? Не спрашивали?

— Не спрашивали...

Мария Михайловна торопилась. Наскоро переодевшись, она, как всегда, протерла руки одеколоном («Чтоб кухней не пахли!») и чмокнула Леньку в заросший затылок.

— Сделаешь уроки, сходи в парикмахерскую. Тебе подстричься надо. Слышишь? Ну, а я побежала. Будь умницей.

Ленька хотел быть умницей. Он накрыл на стол, потом долго плескался в умывальнике, отмывая лицо

и руки и размышляя о том, что, как только придет отец, он спросит энциклопедию...

Теперь и этот план рушился. Заговорив с отцом про энциклопедию, Ленька вовсе не ожидал вопроса, зачем она ему.

— Да просто так,— снова пробормотал он.— Слово одно непонятное...

— А какое слово? — поинтересовался Петр Иванович.— Может, я и так смогу объяснить?

— Слово? — Ленька явно смутился. «Какое же назвать слово? Трактор, трамвай, такси, телефон? Нет, все это не годится...»

— Тепаревт,— наконец нашелся он, вспомнив слово, не раз слышанное от матери.

— Не тепаревт, а терапевт,— поправил Леньку отец.— Ну, это совсем просто. Терапевт — врач, который лечит внутренние болезни. Простуду, например, сердце, легкие... Понял? Вот наша мама — терапевт.

— Понял... Спасибо,— поблагодарил Ленька. Ему было совершенно все равно: терапевт или тепаревт.

— А слово это греческое,— продолжал Петр Иванович,— и означает оно, кажется, «ухаживать». Ну, значит, ухаживать за больным.

— Спасибо, пап! — повторил Ленька.— Я уже понял... Можно мне к Саше Перегудову сходить? Тетрадку отдать... по арифметике. И потом подстричься...

— Конечно, сходи,— разрешил Петр Иванович.— И подстригись. Деньги у тебя есть?

— Нет,— сказал Ленька.

— Как же ты без денег собираешься стричься? — сказал Петр Иванович, протягивая сыну рубль.— На, бери...

Он закурил и направился в коридор.

Саша Перегудов жил недалеко от Ленькиного дома, около бани. Путь к нему лежал мимо завода.

Выйдя из ворот, Ленька ступил на мокрый тротуар и направился влево. Серое небо моросило водяной пылью, не похожей ни на дождь, ни на снег. Возле луж вяло прыгали серые нахохлившиеся воробьи. Им, как и людям, хотелось в такую погоду спать.

Впереди виднелись огромные корпуса завода. Там под стеклянными крышами люди строят много-много автомобилей и автобусов.

Вот бы ему, Леньке, попасть туда и хоть одним глазком посмотреть, как делают машины! А потом сесть в новую машину, в такую, как он видел на выставке, ЗИЛ-111, и самому вывести ее из заводских ворот. Вот было бы здорово!

Ленька так ясно представил себе эту картину, что забормотал слова какой-то песни. Петь он не умел и все же очень любил — правда, все песни в его исполнении отличались друг от друга только словами. Мелодия была одна. Но это даже лучше: так легче петь.

— Ты куда?

Неожиданно около автобусной остановки Ленька столкнулся с братом. Николай возвращался из училища. Ворот его гимнастерки был расстегнут, пряжка на ремне чуть съехала набок: буквы РУ попали как раз под левый ряд светлых, с молоточками пуговиц. Через плечо на бечевке болтался потрепанный школьный портфель. От нового, купленного матерью, Николай отказался: «Что я, маленький, с новым портфельчиком ходить?»

«И верно, мама права. Вид у него разболтанный», — подумал Ленька, взглянув на брата.

— Да так, к Саше Перегудову, из нашего класса, задачку спросить, — ответил он и тут же, вспомнив, добавил: — А, знаешь, автобусы уже в испытательный пошли... Папа на заводе был.

— А сейчас он где? Дома?

— Дома, а мама на работу ушла...

— Ну, ладно, топай,— сказал Николай, застегнув ворот гимнастерки и поправив ремень.

«Отца боится»,— отметил про себя Ленька и направился дальше.

Возле перекрестка он остановился и несколько минут с грустью смотрел на встречные машины и автобусы, старательно объезжавшие лужи.

«Эх, если б я!..» — Ленька с восторгом представил, как разлетались бы во все стороны брызги из-под колес его машины.

Дождь усилился. На тротуар хлынули потоки из водосточных труб, и Леньке пришлось прервать свои наблюдения: иначе совсем промокнешь.

Он ускорил шаг и почти бегом помчался в сторону бани.

На третьем этаже красного кирпичного дома Ленька нажал кнопку звонка.

— Здравствуйте, Ксения Степановна,— сказал он Сашиной матери, старательно вытирая ноги.— А Саша дома?

С посторонними Ленька всегда был подчеркнуто вежлив.

— Вот бы ты и дома был таким вежливым,— сказал ему однажды отец, когда они уходили из гостей.

Но как Ленька ни старался, дома такой вежливости не получалось. Не будет же он разговаривать с родителями так, как с посторонними, на «вы»: «Здравствуйте, Петр Иванович!», «Здравствуйте, Мария Михайловна!».

А «Здравствуй, папа!», «Здравствуй, мама!» все равно не так вежливо.

— Заходи, Леня, заходи! Ох как же ты промок! — сказала Ксения Степановна.— Сашок, к тебе Ласточкин пришел! — крикнула она куда-то в комнату.

— А автобусы уже в испытательный пошли,— выпалил Ленька появившемуся навстречу Перегудову.— А ты говорил, через месяц!

— Я знаю...— протянул Перегудов, хотя на самом деле он ничего не знал. Просто так было удобнее: по крайней мере никто не скажет о его неосведомленности.

— Папа их сам сегодня отправлял,— похвалился Ленька.— А к тебе я знаешь, зачем пришел? У нас нет этой самой... энциклопедии. Вот я и решил у тебя посмотреть...

— У меня? — неожиданно растерялся Саша.— Да, понимаешь, мы... то есть мама с папой... ну, в общем, они еще не купили. Но они говорили, что купят. Так что... А ты возьми в библиотеке. Там точно есть.

— Эх ты, трепач! — разочарованно протянул Ленька.— «Не купили». А еще говорил: «Я как что, так сразу все узнаю». Ты, наверно, и что такое энциклопедия не знаешь, а говоришь!

— Не знаю?! — возмутился Перегудов, приходя в себя.— Да это книга такая, в которой все, все слова на свете объясняются. Какое хочешь слово и что значит. Я знаю.

— Все на свете? И заграничные? — засомневался Ленька.— Кто же такую книгу мог написать?

— Кто-кто! Конечно, писатели! Книжки всегда писатели пишут,— в голосе Саши прозвучал прежний апломб.— Если хочешь знать, то у мамы есть один знакомый писатель, так он про все, про все написать может. Помнишь, как Людмила Васильевна книжку читала? Это он написал. И в «Родной речи» его стих есть. Он в школу к нам обещал прийти. Мама его просила. И думаешь, не придет? Придет, раз мама просила.

— Неужели настоящий? — поинтересовался Ленька, привыкший видеть писателей только на портретах.— Прямо так и придет? И нам его покажут?

НИКОЛАЙ ВЫБИРАЕТ ДОРОГУ

Пройдут годы, и, может быть, Николай не вспомнит в мельчайших подробностях день своего поступления в училище.

Но пока он помнил все.

Вот он впервые пришел в училище. Раньше он никогда не бывал здесь, хотя не раз проходил мимо. Здание училища стояло рядом с заводом и со стороны ничем не отличалось от его цехов. Это обстоятельство обрадовало Николая, словно он поступал не в ремесленное, а прямо на завод.

Зато он удивился, столкнувшись у подъезда училища с мальчишками и девчонками, которые волновались, будто первоклассники, впервые пришедшие на школьный двор. Сам Николай ничуть не волновался и не испытывал особой гордости: он знал, зачем идет сюда, и не сомневался, что его примут.

Он спокойно вошел в училище и поднялся на второй этаж, где заседала приемная комиссия.

— Так... Что ж, вы сами желаете, гражданин хороший, в ремесленное или, может быть, семейные обстоятельства? — Маленький толстый человек с бритой головой и в пенсне внимательно окинул взглядом Николая. Затем он снял пенсне и вытер платком вспотевшую переносицу.

В комнате стояла духота. Прямо в окна пекло солнце. Макушки деревьев лишь еле-еле дотягивались до подоконников второго этажа.

— Давайте бумажки-то...

За длинным столом, покрытым кумачом со следами какого-то лозунга, сидело несколько человек, и Нико-

лай уже пожалел, что попал именно к этому лысому.

«Наверное, сам директор,— подумал он, протягивая документы.— Важный!»

— Сам хочу, и обстоятельства тоже...

— Похвально, что сами... Так, так... А что ж, с позволения сказать, за обстоятельства у сына Петра Ивановича? Папашу вашего знаю сызмала да и с мамашей знаком. На прием к ней ходил раза два, хоть и не любитель я лечиться. Люди уважаемые! А погодка-то, гражданин хороший! А? Курорт! — вдруг весело добавил он и опять, достав платок, вытер теперь уже голову.

«Нет, не директор,— решил Николай.— Разговорчивый».

— Я сам хочу! — коротко ответил он и, чтобы у члена приемной комиссии не было никаких сомнений, добавил: — Это я просто так сказал про обстоятельства...

— Что ж, гражданин хороший, бумажки у вас в порядке, характеристика приличная, согласие родителей есть. Как, Бо... то есть Борис Николаевич, я думаю, можно надеяться Ласточкину? — спросил он у своего соседа по столу, совсем еще молодого парня.

«Стиляга какой-то,— отметил Николай, взглянув на его рыжие усики и светло-серый костюм.— Разделся в жару!»

— Наверно, можно, Виктор Сергеевич,— сказал парень.— Пусть товарищ зайдет через неделю.

— Итак, в группу токарей? Ну и славно,— просто сказал Виктор Сергеевич, обращаясь уже к Николаю.— Через недельку получите ответ. А папаше кланяйтесь, скажите — от Неводова ему привет.

Документы у Николая и действительно были в порядке. В школьной характеристике говорилось, что он «при отличном поведении обнаружил хорошие знания»

по всем предметам. Отдельная бумага, написанная мелким отцовским почерком, подтверждала, что родители не возражают против поступления их сына в ремесленное училище.

Но как пятерка, поставленная школьнику за поведение, не всегда говорит о его дисциплине, так и в согласии родителей, принесенном Николаем в приемную комиссию училища, не было достаточного согласия.

Ни год назад, ни раньше Николай не думал о ремесленном училище. В первом классе он хотел быть военным, в третьем — конструктором автомобилей, в четвертом занялся авиамоделизмом и решил стать летчиком. Не было у него ни настоящей мечты о будущей профессии, ни особого влечения к каким-либо наукам. И уж тем более он не мог сказать, что ему больше нравится: алгебра или литература, физика или география.

— Коль, а Коль! Ты какие уроки больше всего любишь? — не раз спрашивал Николая младший брат. Сам Ленька без конца менял увлечения: то он любил рисование, то чтение, то «задачки решать».

— Физкультуру, — отвечал Николай.

И верно, по физкультуре Николай перегонял многих одноклассников. Зато по остальным предметам его оценки колебались: пятерки и двойки он получал чаще всего по случайности, четверки и тройки — по заслугам.

Ленька учился лучше, хотя и не был круглым отличником. Мать ставила его в пример.

— Ты бы на Леню посмотрел, — не раз советовала Мария Михайловна Николаю. — Все время из класса в класс без троек переходит. Серьезно!

Это было не совсем верно. У Леньки была тройка, и притом традиционная — по пению. Но мать не принимала эту тройку во внимание. У нее у самой не было слуха.

Вообще Николаю казалось, что мать обращает слишком много внимания на отметки. Он долгое время не мог понять, почему она так расстраивается из-за каждой тройки, полученной им или Ленькой. А стоит ей расстроиться, она начинает так дышать, словно ей не хватает воздуха.

Отец говорит, что у матери увеличена щитовидка и потому она так дышит. Дома без конца ведутся разговоры о том, что матери надо заняться своим здоровьем. Мария Михайловна обещает, но ничего не делает. Понять ее трудно: ведь сама врач и вдруг не хочет лечиться.

Петр Иванович никогда не отчитывал за отметки ни Николая, ни Леньку.

— Лишь бы людьми настоящими росли, — говорил он жене. — А отметки — это в конце концов дело случайное...

Николай не очень вдумывался в слова отца и продолжал учиться по-прежнему: четверки в его дневнике чередовались с тройками, а тройки с четверками.

Так было по крайней мере до прошлого года, когда он стал учиться в седьмом классе.

На первый взгляд в седьмом классе все было так же, как и в шестом. Те же мальчишки и девчонки, те же преподаватели, почти те же предметы. Даже класс внешне не изменился, словно ушли из него ребята не два с лишним месяца назад, в день последнего экзамена, а вчера, 30 августа.

Но бежали дни, а с ними новые разговоры все чаще слышались в классе.

Маленький, похожий на страусенка Витя Самойлов, считавшийся в классе чуть ли не самым способным учеником и, как все думали, метивший по крайней мере в академики, неожиданно объявил, что после семилетки собирается поступить в мукомольный техникум.

— Нельзя мне дальше, ребята,— объяснял он удивленным одноклассникам.— Ведь один я у мамы... Если бы отец... А вот сейчас и мама болеет. Трудно ей.

— А почему в мукомольный? — недоумевали ребята, вкладывая в этот вопрос максимум ехидства.

— Туда с семилеткой берут и попасть, говорят, легче,— простодушно объяснял Витя.— А мне специальность нужна.

— Значит, над всеми мельницами начальником будешь?

Витя улыбался насмешкам, хотя шутить не хотелось. Дома было всерьез трудно.

Витя не помнил своего отца, вернее, не мог помнить: отец, бывший капитан рыбачьего сейнера, погиб на втором году войны, всего через четыре дня после рождения сына. И все же Витя знал и, как ему казалось, ясно помнил отца, словно отец всегда продолжал жить в их семье.

Сообщение Самойлова было лишь началом. Вслед за ним оказалось, что Галка Соколова собирается поступать в ремесленное. А у нее не только отметки: она хорошо рисует и даже получает какие-то премии на детских выставках.

Весь год подобные вести будоражили класс. Каждый день выяснялось новое. Одни собирались в спецшколы, другие — в техникумы, третьи — на какие-то курсы, кто-то — в ремесленные... Говорили о профессиях, наивно спорили. Принимали и без конца меняли решения. Подсмеивались друг над другом.

Лишь немногие, вроде Коли Ласточкина, были в стороне от всего этого. Казалось, эти разговоры и переживания их не касаются: им положено учиться в школе до конца, до десятого класса, а там видно будет.

И вот неожиданно в один из февральских дней в жизни Николая все перевернулось.

Это случилось утром дома — он учился тогда во вторую смену. Николай делал уроки, а потом на минуту вышел из комнаты. Надо было добавить воды в чернила. Он направился в кухню, подошел к раковине и чуть повернул кран. Несколько капель ударилось о палец. Николай поставил под них горлышко чернильницы.

В противоположном углу кухни у плиты хозяйки готовили обед. Кто там был, Николай не видел. Их раз-

денял выступ стены. Николай услышал лишь дребезжащий голос Нины Семеновны и почти инстинктивно прислушался, поняв, что речь идет о нем.

— Они даже годовщины свадьбы не справляют, — словно во сне донеслись до него слова Нины Семеновны. — А все для того, чтобы их Коленька не догадался, не узнал, что Петр Иванович не отец ему.

Видно, Николай слишком тихо появился на кухне — его не заметили. Неужели то, что говорит Нина Семеновна, правда? Услышанное было таким неожиданным, что Николай уже ничего не понимал.

Вода капала в переполненную чернильницу. Подавленный и обескураженный, Николай продолжал стоять у раковины.

Наконец он немного пришел в себя и, боясь быть замеченным, на цыпочках вышел из кухни.

«Что значит «не отец»? Как это? Почему? Если это правда, то как же я ничего не знал? Почему от меня скрывали? И где тогда мой отец настоящий? Погиб? Живой?»

Чувства несправедливо нанесенной обиды и раздражения смешались в душе Николая.

«Но, если отец погиб, почему от меня скрывают? У многих ребят отцы погибли во время войны, но они даже гордятся этим. Да и как не гордиться, если твой отец погиб смертью героя! Значит, мой не погиб... Но что же с ним? Может, он предатель? Может, сдался врагу? А я ничего не знаю».

Тысячи непонятных «почему» лезли в голову, но оставались без ответа. Все было запутанно, неясно, сумбурно. Обидно было даже то, что Нина Семеновна назвала его так унижительно — Коленькой.

«А может быть, все это ложь? Может, кухонные сплетни? Надо только спросить маму, и все выяснится. Но тогда почему так уверенно говорила Нина Семе-

новна? Кажется, она сказала даже, что годовщины не отмечают. А ведь это правда...»

Николай взял портфель и вышел из дому. Он бродил неизвестно по каким улицам и переулкам и, лишь когда совсем стемнело, сообразил, что пошел не в школу. Это ничуть не огорчило его, даже обрадовало. Казалось, что, пропустив занятия, он хоть немного отомстит всем и вся за то, что от него скрывали...

Стрелки освещенного циферблата электрических часов на углу площади показывали десять минут седьмого. По тротуарам и мостовым вились снежные струйки. Мела метель.

Николай поднял воротник и, поеживаясь, прижал им уши. Было холодно.

«Нет, сейчас же пойду домой и спрошу,— решил он.— Наверно, мама дома уже. Пусть лучше страшная правда, чем... Да, но как же этот отец?»

До дома было не меньше получаса ходьбы. Как-то незаметно для себя Николай слишком далеко забрел.

Николай пошел пешком. Но чем ближе он подходил к дому, тем, казалось, труднее было начать неприятный разговор.

«Как я спрошу? А если Ленька дома? Да и «он», наверное, пришел с завода. Ведь смена кончается в пять...»

Николай свернул в переулок, прошел мимо церкви и через несколько минут оказался на своей улице. Она была почти безлюдна. Одинокие прохожие быстро исчезали в подворотнях и подъездах. На улице властвовали лишь ветер да снег.

Николай подошел к дому. Четырехэтажная темная коробка, зажатая с двух сторон светлыми новыми корпусами, казалась маленькой и неприятной.

Она не была самым худшим строением на этой некогда бывшей рабочей окраине. Здесь, как и всюду в

этом старом и новом, древнем и молодом городе, поразительно соседствовали только что отстроенные современные здания и деревянные, полуразвалившиеся хибарки. Новые дома вырастали прямо среди старых, и, хотя их было очень много, они никак не поспевали за временем.

Время же врывалось в этот район иначе: не только и не столько количеством новых зданий, сколько какими-то иными приметами. И, наверное, поэтому даже в старые деревянные домишки, которым вот-вот придется идти на слом, проводился газ и водопровод, возле них сажали деревья и разбивали скверы, асфальтировали тротуары и мостовые.

Николай все видел, все понимал, и все же ему было сейчас обидно, что он живет в таком старом, некрасивом доме. Да и что дом, когда в самом этом доме все складывается так неладно!

«Может быть, взять да удрать из дому? Ну хотя бы на целину или на стройку какую-нибудь? Но это глупо! Скажут, детство! А ведь я не маленький... Да и на целину надо не так ехать. Туда не бегут, а едут сознательно! Но все равно его сознательно не возьмут. Нет, это не то. Все не то!»

Николай поймал себя на мысли, что ему сейчас просто не хочется идти домой.

Но Николай пришел. Он ни о чем не спрашивал ни за обедом, ни за чаем, ни завтра, ни потом. Спрашивать не хотелось. Да и о чем спрашивать? Теперь надо было думать, и не просто думать, а решать, что-то предпринимать.

Николай понимал, что теперь он уже не тот беззаботный мальчишка, каким был раньше. Вот он учился, учился уже седьмой год, переходил из класса в класс, получал табеля... А зачем? Учение в школе всегда казалось Николаю обычным, обязательным и бесконечно

длинным делом. Долго еще до конца, а что там потом, об этом он не думал.

А многие думают уже сейчас!

Вот Самойлов уходит из школы, идет в техникум мукомольный. Вовка Чижилов — в электромеханический собрался. А Соколова, на что уж девчонка, хотя ей и пятнадцать скоро, в ремесленное решила поступить. У всех какие-то мысли, желания. Они думают о себе и о родных: Витька Самойлов — о матери, Галка Соколова — о бабушке, с которой живет...

У многих семиклассников вовсе нет родителей: у кого — отца, у кого — матери... Ведь сегодняшние тринадцатилетние и четырнадцатилетние мальчишки и девчонки родились в самое трудное время, в годы войны...

Оказывается, только он, Николай, не задумывался над этим. Что война? Это почти древняя история для него, которой он не помнит. У него есть и мама и папа...

Папа! А оказалось... Вот и получается, чем же он, Николай, лучше других? Почему его не касаются разговоры о будущих профессиях и о самостоятельности в жизни? Может быть, так и сидеть всю жизнь на чужой шее? Или он все еще маленький, как Ленька, наивно мечтающий стать шофером?

Николай стал другим. Он теперь не брал в руки книжки, на которых стояло Детгиз. «Детские. Для малышей», — думал он. Гоняя по двору с мальчишками мяч, вдруг вспоминал: «Не маленький» — и выходил из игры. В школу он стал ходить без портфеля, засунув тетрадки за пояс, — так делали старшие. Несколько раз пробовал курить. Получалось неудачно: тошнило, кружилась голова, но зато солидно. В вагоне трамвая, автобуса, метро он не садился, чтобы не приходилось уступать место. Казалось стыдным, если о нем подумают: «Вот какой вежливый мальчик». Даже модель

реактивного истребителя, над которой он трудился почти всю зиму, забросил. И это казалось несерьезным!

Дома Николай теперь словно боялся показать себя маменькиным сынком, поэтому стал сух и небрежен в разговорах. Он уже ни о чем не заговаривал сам, а только отвечал на вопросы.

Многое в семье, раньше казавшееся ему обычным, естественным, приобретало теперь в глазах Николая совершенно иной, только ему понятный смысл.

Мать журит его за отметки — ясно: она любит сына, беспокоится о нем, желает ему добра. Петр Иванович не ругает или ограничивается короткими замечаниями («Сам должен понимать») — также ясно: он не думает о нем, неродном сыне. Зато если Ленька подбегает к отцу, целует его, лезет на колени — еще бы! Ведь как-никак свой. А свой всегда ближе, дороже...

Николай стал даже замечать, что к Леньке вообще дома относятся внимательнее, чем к нему: о Леньке больше заботятся, за ним ухаживают. Понятно: его любят, любят по-настоящему.

И главное, все это ничуть не удивляло Николая. Так и должно быть. У него нет отца. Он чужой, посторонний человек Петру Ивановичу, не то что Ленька. А если ему не говорят прямо, что он чужой, то только потому, что жалеют. Как-никак сирота! Удивительно только одно: как Николай раньше ничего не видел?

Если бы Николая спросили, как он относится теперь к Леньке, он сам, наверное, не смог бы сказать. Да и не просто ему было разобраться в этом. В какой-то мере покровительственное отношение к Леньке сменилось у него некоторым холодком.

Но если ему случалось оставаться вдвоем с Ленькой, Николай преображался. Он неожиданно становился заботливым, разговорчивым, беседовал с Лень-

кой внимательным тоном старшего, почти по-отцовски поучал и наставлял его.

Особенно это здорово выходило по утрам. После сна Николай почему-то говорил хрипловатым баском и был похож на солидного взрослого мужчину.

Ленька никак не мог понять, что происходит с Николаем, но еще больше он удивлялся другому.

Раньше он привык к тому, что отец и мать никогда ни о чем не спорили, особенно если речь шла о них, ребятах. Стоило ему, Леньке, или Николаю в чем-нибудь провиниться — так уж обязательно жди нагоняя как от отца, так и от матери. Петр Иванович никогда не защищал ребят от матери, а Мария Михайловна — от отца. Можно было подумать, что они сговаривались заранее.

Но вот, когда Николай кончил седьмой класс и неожиданно сказал, что хочет идти в ремесленное училище, дома разгорелись необычные, незнакомые Леньке споры.

— В какое ремесленное? Ты с ума сошел! — возмущалась Мария Михайловна.

На первых порах казалось, что отец целиком поддерживал ее.

— Ты обдумал, что говоришь? Почему в ремесленное? Учиться надоело? — в этих словах отца чувствовалось не меньшее удивление и раздражение. Он даже закурил в комнате, чего раньше никогда не случалось.

И все же так было лишь в самом начале. Чем дальше возмущались родители, тем большую разницу в их тоне отмечал для себя Ленька.

Мария Михайловна говорила, что Николай должен обязательно кончать десятилетку, как «все люди», а потом учиться в институте, чтобы стать инженером, «как папа», или кем захочет. И Ленька соглашался с матерью — ее слова казались Леньке правильными.

В душе Мария Михайловна мечтала совсем о другом. Ей очень хотелось, чтобы сын ее был врачом, но не как она, терапевтом, а хирургом. Эта мечта родилась у нее еще в годы войны в госпитале, когда Коля был совсем маленьким. Как не хватало тогда в госпитале сильных мужских рук, крепких мужских характеров! Конечно, и они, женщины, делали свое дело не хуже других, но как трудно было им! Ох как трудно!

И вот теперь ее мечта рушилась: Николай, ее Николай собрался в какое-то ремесленное!..

Петр Иванович говорил Николаю несколько иное: мол, надо учиться, и вообще нельзя выбирать специальность, не обдумав как следует, и что надо в таких случаях советоваться с родителями. И Ленька не мог не согласиться с отцом — тот тоже был прав.

Николай молчал.

— В ремесленное? Да ты посмотри только на этих ремесленников, какие они разболтанные, грубые! Серьезно! Неужели и ты хочешь таким быть? — искренне недоумевала огорченная Мария Михайловна.

И Ленька, слушая ее, думал: «Верно, разболтанные!»

— Почему ты хочешь быть именно рабочим, а не врачом, как мама, не учителем, наконец, не конструктором — вон ведь какие модели строил! Молчишь? И сам не знаешь? А я тебе скажу: быть полезным человеком — это прежде всего любить то дело, которое выбрал, — говорил Петр Иванович.

И Ленька замечал, что отец уже не столько возражает, сколько советует Николаю подумать.

— Почему другим можно, а мне нельзя? Я работать хочу... А врачом все равно не буду. И учителем не буду. Не девчонка! Я работать хочу! — наконец вспылil Николай. Голос его чуть не сорвался. — И буду! Хочу и буду!

— И я тоже учителем не хочу быть! — решительно сказал Ленька, чтобы как-то поддержать брата.

Но Николай, видно, не оценил его порыва.

— А тебя не спрашивают, — буркнул он и при этом так глянул на Леньку, что тот решил лишний раз не высказываться о своем желании стать шофером.

Несколько дней продолжались эти разговоры. Потом, как заметил Ленька, от них все просто устали, и отец разрешил Николаю поступить в училище.

Впрочем, все это было еще в начале лета, когда Ленька не знал, поедет ли он в пионерский лагерь, когда в футбольной таблице царила полная неразбериха, а по мягкому асфальту улиц за поливальными машинами толпами бегали полуголые мальчишки, стараясь попасть под струи ненастоящего, но приятного прохладного дождика.

Давно уже и лето и лагерь были позади. Одни лишь мокрые воробьи устало перекликались на пустых трибунах большого стадиона да невесть чем довольные вороны обхаживали вскопанное бутсами футбольное поле, твердя свое постоянное «кар-р-ра-шо». До надоедливости бесконечный дождь упрямо поливал город, не щадя ни улиц, ни крыш домов, ни торчащих из-под зонтов спин прохожих.

Теперь уже никто в семье Ласточкиных не спорил о выборе старшего сына: казалось обычным, что каждое утро Николай надевает не китель школьника, а гимнастерку ремесленника и уходит в училище. Да и сам Николай сейчас стал немного другим. Правда, он по-прежнему молчалив, но теперь он не грубит родителям и ему, Леньке. Ленька не знал, хорошо это или плохо, прав Николай, что бросил школу и поступил в училище, или не прав. Но он никак не мог понять одного: почему Николай не радуется, если добился своего и поступил в ремесленное?

Ведь если бы Ленька мог сейчас уговорить папу с мамой и стать шофером, то уж наверняка он прыгал бы от радости и считал бы себя самым счастливым человеком на свете!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛЕНЬКИНЫ ЗАБОТЫ

Подстричься Ленька так и не успел. Вернее, он просто забыл про это. А потом, когда вернулся от Перегудова и вспомнил, оказалось, что запропастился куда-то рубль, который дал на стрижку отец.

Ленька обыскал все карманы и портфель, но рубля не нашел.

«Наверно, потерял где-нибудь, — безнадежно подумал он. — И почему у меня всегда так получается? Даже куда положил его и то не помню».

К счастью, дома все обошлось благополучно.

— Пойдешь завтра перед школой, — сказал отец. — Так и быть, дам тебе еще рубль. Смотри, больше не теряй.

Наутро Ленька пришел в парикмахерскую в час открытия — в половине восьмого. Но оказалось, что свободных мастеров уже нет.

Ждать пришлось недолго.

— Подстригите меня, пожалуйста, — попросил он девушку-мастера, садясь в кресло.

— Догадываюсь, что не побрить, — проворчала парикмахерша, занося над Ленькиной головой машинку.

Клиент попался невыгодный — стрижка не фасонная, одеколон не требуется. Таких клиентов мастера не любят, и девушка не скрывала досады.

Наскоро проехавшись по Ленькиной голове машинкой, она сказала «сейчас» и куда-то вышла.

От нечего делать Ленька рассматривал свое отражение в зеркале. Теперь он похож на допризывника с неизменно большими ушами на стриженной голове. Уши торчали в стороны, словно ручки на пузатой сахарнице. Ленька почесал колючий затылок и с грустью

подумал о несправедливо горькой мальчишеской судьбе. «Девчонок почему-то не стригут под машинку!»

Он ясно представил себе одноклассниц с безволосыми головами, и ему стало веселее.

Вдруг Ленька заметил в зеркале перевернутый циферблат часов и ужаснулся: без двух минут восемь.

Он сорвался с кресла и, от растерянности сунув рубль в банку с кремом, бросился к выходу.

Пока он оделся и добежал до школы, уроки уже начались. Торопиться было бессмысленно, и Ленька не спеша поднялся на третий этаж.

— Опоздал, сударик? Ну ничего, ничего,— успокоила его старушка уборщица, подметавшая коридор. В школе она всегда жалела неуспевающих и опаздывающих, а в футболе — проигравших. «Трудовые резервы» были ее любимой командой.

Ленька почесал голову и приоткрыл дверь класса:

— Можно мне войти, Людмила Васильевна? — Про себя он подумал: «Попадет!»

— Заходи, Ласточкин,— сказала учительница.

Ленька вошел в класс. Неожиданно кто-то хихикнул, и тут же дружный смех потряс весь класс. Громче всех смеялась, кажется, сама Людмила Васильевна.

— Что с тобой, Ласточкин?

— А что? — не понял Ленька, подходя к учительскому столу. — Я вот опоздал немного...

— Да нет, я не про то! Кто тебя так окромсал?

Ленькина голова, подстриженная квадратно-гнездовым способом, напоминала шахматную доску. А на его затылке, словно оселедец у Тараса Бульбы, торчал пучок волос.

— Ну что ж, садись,— сказала Людмила Васильевна, не дождавшись от Ласточкина объяснения. — Только, пожалуйста, сходи после уроков в парикмахерскую и подстригись как следует.

— А у меня денег нет,— смущенно признался Ленька, садясь за парту. — Я уже заплатил.

— Я тебе дам.

На перемене Ленька спокойно выслушивал шуточки насчет своей головы. Сам он ее не видел и думал совсем о другом. Ребята быстро отстали.

Ленька с нетерпением ожидал конца занятий. Ведь сегодня он должен во что бы то ни стало достать энциклопедию и узнать все про ТВС.

К началу третьего урока Людмила Васильевна вошла в класс вместе с отрядной вожатой Галей Соколо-

вой. Учительница улыбалась: видно, произошло что-то очень-очень хорошее.

— Сегодня у нас не будет четвертого урока,— сказала Людмила Васильевна.— Мы с вами пойдем в зал и будем слушать выступление писателя. Он придет к нам в гости и расскажет что-нибудь интересное.

Весь класс загалдел.

— Ур-ра! — без всякого стеснения закричали мальчишки, обрадованные не столько известием о писателе, сколько тем, что не будет четвертого урока. Некоторые из них, не зная, как выразить свой восторг, захлопали руками по партам.

— Ну вот! Что я говорил! — закричал Саша Перегудов.— Слышишь, Ласточкин! Ведь я говорил, что он придет.

— Тихе! Тихе! Пожалуйста, успокойтесь! — мягко попросила Людмила Васильевна.— Нам надо с вами договориться, как лучше встретить писателя, кто и какие будет задавать вопросы, кто будет выступать. Вот Галя сейчас все расскажет.

— А разве нужно заранее готовить вопросы? — спросила Галя, вместо того чтобы что-то рассказывать.

— Конечно, а как же! — убежденно произнесла Людмила Васильевна.— Разве можно без подготовки?

Галя Соколова уже второй год была отрядной вожатой в классе. В прошлом году она сама училась в школе, а теперь тоже учится, но в ремесленном.

Леньке, хотя он и не был активным пионером, нравилась Галя. Она не очень часто появлялась в школе, а когда приходила, не мучила ребят скучными сборами, как та вожатая, что была у них в начале прошлого года. Тогда сборы были каждую неделю и все про отметки. Зато в этом году, например, был только один сбор, когда совет отряда выбирали. Совет выбрали очень быстро, а потом Галя читала про Володю Дуби-

нина. Ребята даже уходить не хотели. А как-то Галя водила всех ребят в театр на «Два клена», и в парк «Сокольники» они ездили собирать желтые листья.

Были еще ребята с вожатой на художественной выставке. Это, наверное, потому, что Галя сама рисует. Она очень хорошо все объясняла, на какой картине что нарисовано и вообще как рисуют настоящие художники.

Леньке было интересно с Галей. Хорошо, что Галя учится сейчас в ремесленном, как старший брат. Она и в школу приходила в форме: в синей гимнастерке с блестящими светлыми пуговицами и широким ремнем.

Галя никогда не ругала Леньку за то, что у него тройка по пению. А однажды, когда Ленька подрался с Перегудовым и Людмила Васильевна хотела обсудить его на сборе, Галя, узнав, в чем дело, даже похвалила Леньку: «Правильно сделал, что дал сдачи!»

Вообще Галя, может, даже чуть лучше относилась к Леньке, чем ко всем остальным. Она всегда подходила к нему, спрашивала, как у него дела, что нового дома, дружит ли он со старшим братом, а иногда даже давала ему конфетку. Ленька гордился таким вниманием со стороны вожатой.

И сейчас, увидев Галю, Ленька обрадовался.

«Вот бы узнать у нее про ТВС!» — мечтал он.

Вожатая стала спрашивать, кто из ребят читал книжки писателя и какие. Ребята поднимали руки. Самым смелым поручали выступить со своими впечатлениями. Ленька не знал книг писателя, кроме одной, которую им читала Людмила Васильевна. Про верблюдов. Леньке понравилось. Но выступить ему не поручили.

Потом Людмила Васильевна стала называть вопросы, которые можно задавать писателю.

— Ты, Петухов,— говорила она,— спросишь писателя, сколько времени он писал свою первую книгу. Запиши, пожалуйста, вопрос... А ты, Кирдяшкина...

Кирдяшкиной достался вопрос о рационе верблюдов. Очкастый Женя Веселков должен был спросить гостя, в каком возрасте он написал свое первое сочинение, кому-то предложили узнать, был ли писатель в детстве пионером и как учился в школе...

Саше Перегудову, наверно, потому, что его мама была лично знакома с писателем, поручили поблагодарить гостя за увлекательное выступление и пожелать творческих успехов. Казалось, все было готово. Но вдруг вожатая спросила:

— Ленья Ласточкин, а ты хочешь задать какой-нибудь вопрос писателю?

Ленька от неожиданности растерялся.

— Я? А я не знаю, какой вопрос задать,— признался он.

— Тогда, может быть, ты спросишь писателя о его творческих планах? — предложила Галя.— Ведь всем интересно узнать, над чем он сейчас работает, какую пишет книгу.

— Я могу спросить,— неуверенно согласился Ленька.

— Тогда запиши вопрос,— сразу же вмешалась Людмила Васильевна.— Итак, ты спросишь: «Скажите, пожалуйста...»

Она не была уверена в красноречии своих учеников, да и сама никогда не встречалась с писателями.

Когда приготовления закончились, прозвенел звонок.

— Надеюсь, что все будет хорошо,— сказала Галя.— Смотрите ведите себя хорошо и слушайте Людмилу Васильевну. А я побегу на занятия.

После перемены ребят построили и привели в зал.

Здесь уже были расставлены рядами стулья и низкие физкультурные скамьи. Турник и брусья сдвинули в сторону. На сцене стоял стол, накрытый красной скатертью с чернильной кляксой. Болевшая за «Трудовые резервы» уборщица принесла графин с водой.

Ребят собралось много: все третьи и четвертые классы. Вдоль окон разместились взрослые — учителя, буфетчицы и врач в белом халате, несколько мам, которые особенно часто бывали в школе.

Наконец открылась дверь. Ребята обернулись и зашуткали. В сопровождении директора, старшей вожатой и Людмилы Васильевны в зал вошел писатель с черной папкой в руке. Вслед за ними с победоносным видом появилась Сашина мать Ксения Степановна и встала в сторонке.

Подходя к столу, директор, старшая вожатая и Людмила Васильевна дружно захлопали в ладоши, и вслед за ними захлопал весь зал.

Ленька немного удивился, что писатель похож на самого обыкновенного человека. Высокий и сутуловатый, он был в том возрасте, о котором ребята говорят «стар», а взрослые — «молод».

У стола произошла заминка. Писатель никак не хотел садиться на единственный стул и все предлагал его по очереди то вожатой, то Людмиле Васильевне, то директору. Они, в свою очередь, пытались усадить писателя. Так бы, наверно, этот спор и не кончился, но неожиданно был найден выход: кто-то принес еще три стула.

Ребята замерли в ожидании. Что-то скажет им писатель?

Но оказалось, что первой стала говорить Людмила Васильевна. Она произнесла длинную речь, в которой часто упоминались слова «любимые книги» и «любимый писатель».

Ребята чуть-чуть заерзали, но пока слушали внимательно.

— Наши дети знают и любят ваши книги,— закончила Людмила Васильевна, обращаясь в сторону писателя.— Сейчас мы предоставим слово самим ребятам. Они очень хотят поделиться впечатлениями о ваших произведениях.

Ленька разочарованно вздохнул. Он хотел послушать писателя и вовсе не хотел делиться какими-то впечатлениями. Ленька не понимал, почему писатель «любимый» и почему его книжки, о которых он почти ничего не знает, тоже «любимые». Но пришлось поверить учительнице на слово.

В зале сразу стихло. Лица многих ребят стали серьезными. Кто-то зашелестел бумагой.

На сцену вызвали девочку из третьего «Б».

— Мне очень понравилась книга,— звонким голосом сказала она, вытягивая шею,— которая повест... повест... пофест...— Девочка переступила с ноги на ногу и смутилась.— ...посфест...— пыталась продолжать она.

— Рассказывает, рассказывает,— зашептали из зала.

— ...повествует о верблюдах,— наконец произнесла девочка, и лицо ее приняло откровенно радостное выражение.— Особенно мне понравилось то место...

Последующие выступления проходили благополучно. Все они начинались со слов «мне очень понравилась...» и заканчивались словами «особенно мне понравилось то место...».

Взрослые довольно улыбались, и только писатель, кажется, был недоволен. Не решаясь взглянуть в зал, он задумчиво играл с «молнией» своей черной папки.

Ленька ерзал на стуле и с интересом смотрел на писателя, увлеченного непонятным занятием.

«Уж лучше бы ему позволили выступить и рассказать про что-нибудь», — размышлял Ленька.

Когда очередь дошла до гостя и он подошел к первому ряду скамеек, зал захлопал, затопал и завизжал одновременно. Ленька заметил на лице писателя усталую улыбку и перестал хлопать. Ему почему-то стало жаль гостя.

Но вот писатель заговорил и постепенно разошелся. Он рассказывал о жарких странах и о зверях-путешественниках, которые плавают на кораблях и летают на самолетах, как настоящие пассажиры. А потом писатель достал из папки бумажку и прочел стихи.

Ребята развеселились и зашумели. Директор хотел было успокоить зал, но писатель умоляюще посмотрел на него и попросил:

— Пусть шумят. Так интересней!

Вопросов оказалось больше, чем присутствующих. Некоторые ребята поднимали по две руки сразу.

— А правда, что верблюды живут сто лет? — спросил Женя Веселков, забыв, что ему поручили справиться у гостя, в каком возрасте он написал первое сочинение.

— А вы в войну были на фронте? — поинтересовалась Кирдяшкина, которую, видно, вовсе не волновал рацион верблюдов.

— Сколько весит слон?

— А у крокодила толстая кожа?

— А хобот у слона — это все равно что нос у человека?

Писатель ходил между рядами.

— Ну а ты? Какой у тебя вопрос? Вот ты, девочка! Теперь ты! А сосед твой? — говорил он.

«Вот бы про ТВС спросить!» — подумал Ленька, когда писатель отвечал на вопрос Петухова о погоде в Африке.

Вслед за Петуховым задал вопрос Саша Перегудов. Он вспомнил, что должен пожелать писателю творческих успехов, но вместо этого спросил:

— Слон человека может съесть или нет?

Ленька тоже поднял руку.

— А что ты хочешь узнать? — спросил писатель.

— Я? — Ленька вскочил со стула. — Я хочу узнать...

А скажите, мамонты водятся сейчас?

— Нет, мальчик! Мамонты давно вымерли. Они жили очень давно, — объяснил писатель, переходя к Ленькиной соседке.

— Ну-ка, ты!

— А мамонт больше слона?

— Конечно, больше! Раза в полтора-два!

— А кто: человек побеждал мамонта или мамонт человека?

— Чем мамонты питались?

— У мамонтов хоботы были?

— Почему они вымерли, мамонты?

Теперь по какой-то странной случайности все вопросы касались мамонтов. Писатель отвечал бойко, но в душе чувствовал некоторое смущение. Его сведения о мамонтах были крайне скудны. Конечно, когда-то он читал про мамонтов, но это было очень давно, наверное, еще в детстве.

Наконец писатель на минуту вырвался из замкнутого круга вопросов и подошел к столу. Он с завистью посмотрел на графин с водой: «Хотя бы глоточек!»

Но мечтать о воде было бесполезно. Поставить на стол стакан забыли.

На беду, ребята не унимались.

— Сколько килограммов весил взрослый мамонт?

— А чем мамонт кормил своих детенышей? Молоком?

— Мамонта можно было приручить?

— Где водились мамонты? В Индии или в Африке?
— А у нас здесь жили мамонты?

«Недостает еще теперь вопросов про ихтиозавров,— подумал писатель.— Вспомнить хотя бы внешний вид ихтиозавра».

Спасение пришло со стороны директора.

— Хватит, хватит, ребята! — сказал он, вставая из-за стола.— Вы совсем замучили человека. Большое спасибо вам! Думаю, ребята, что я выражу ваше общее мнение, если поблагодарю нашего дорогого гостя и пожелаю ему...

Директор, видимо, не знал, что выражать благодарность должен не он, а Саша Перегудов, мама которого лично знакома с писателем.

Но было поздно. Встреча окончилась.

— Ласточкин, подожди, вместе пойдем! — сказал Саша, когда ребята вернулись в класс.— Я тебя, если хочешь, и в парикмахерской подожду.

Как всегда, Саша собирался домой дольше всех. Его портфель никак не хотел вместить в себя всех учебников и тетрадок, непонятно для чего взятых хозяином. Саша мучительно перекладывал то пенал, то книги, то тетради, но портфель не запырался.

Эта сцена повторялась изо дня в день уже четвертый год. И дома и в школе не раз советовали Саше класть в портфель только то, что нужно на сегодня, но он упорно брал все учебники и все книги.

— А если расписание изменят?

Расписание менялось редко, а Сашина привычка не менялась совсем. По утрам он, как грузчик, приносил в школу свой переполненный портфель, который с трудом застегивался дома его матерью. Зато после уроков портфель вообще не застегивался. Ксении Степановны рядом не было, а сам Саша не обладал ни ее силой, ни терпением.

Обычно Ленька дожидался приятеля и даже принимал участие в бессмысленном укладывании Сашиного имущества. Домой они уходили вместе.

Но сейчас Ленька не стал ждать.

— Мне некогда, и вообще... Я не домой,— сказал он, направляясь к двери.— И потом, тебя ведь мама ждет.

С одной стороны, Ленька не мог простить Перегудову вчерашнее надувательство с энциклопедией, с другой — ему действительно было некогда. Он даже про парикмахерскую забыл, да напомнила Людмила Васильевна. Дала деньги.

— Спасибо! Я завтра вам принесу,— сказал Ленька, торопясь к выходу.

Выйдя на лестничную площадку, он побежал не вниз, как всегда, а наверх, на четвертый этаж, в библиотеку.

«Спрошу сначала «Петьку Дёрова», а потом энциклопедию,— решил Ленька,— так лучше».

Ленька не слыл книголюбом. Читать он, конечно, читал, но больше всего лишь те книги, которые покупал ему отец, да те, что оставались от старшего брата. Количество имеющихся дома книг значительно превышало Ленькину потребность в чтении.

Читать Ленька любил только тогда, когда дома никого не было. Тогда, конечно, можно взяться за книгу: все равно одному скучно. Но зачем читать, если дома кто-то есть? Уж лучше поговорить с отцом или матерью, что-нибудь спросить у них или просто поболтать среди них без дела. Ленька без конца мешал матери, когда она брала в руки книгу или газету. Ему не нравилось, что она молчит, что занята таким скучным делом, как чтение. Услугами библиотеки Ленька вообще не пользовался. Правда, он не раз бывал в библиотеке, но лишь с кем-нибудь.

Ленька знал наизусть имена библиотекарей и фамилии всех писателей, чьи портреты украшали стены библиотеки, и знакомые ему Пушкин, Некрасов и Чехов, написавший «Ваньку Жукова», были для него одинаково великими, как и вовсе незнакомые Шолохов и Федин.

И сейчас, придя в библиотеку, Ленька вновь взглянул на их портреты. Портрета писателя, выступавшего только что в зале, среди них не было, и Ленька пожалел об этом.

«Ведь он тоже любимый и книжек много написал, а портрета не повесили почему-то!»

— Нина Васильевна, дайте мне, пожалуйста, «Петьку Дёрова», — попросил Ленька тоном библиотечного завсегдатая.

Название этой книги Ленька действительно знал хорошо: как-никак не первый год она стояла у них дома на книжной полке. Николай прочел ее уже несколько раз и даже считал, что «Петька Дёров» — самая замечательная книга на свете. Ленька же все только собирался.

Но оказалось, что получить в библиотеке книгу не так-то просто. Сначала Нина Васильевна спросила у Леньки имя, фамилию, класс, домашний адрес и записала все это в какой-то формуляр. Потом она принесла знакомую Леньке книгу и, вынув из нее карточку, поставила его расписаться и поставить число.

— Даю тебе книгу на неделю, — сказала она. — Приноси в срок. У нас только три экземпляра и все на руках.

— Ладно, принесу, — пообещал Ленька и тут же попросил: — А еще дайте мне энциклопедию.

Прежде чем идти в библиотеку, он несколько раз тренировался в произнесении трудного слова и потому сейчас сказал его без запинки.

— Энциклопедию мы на руки не выдаем,— объяснила Нина Васильевна и неожиданно спросила: — А какой том тебе нужен? Что ты хочешь узнать?

«Дурак,— подумал Ленька, сраженный тем же вопросом, что и в разговоре с отцом.— Какой-то еще том!»

— Нет, Нина Васильевна, тогда не нужно, раз домой нельзя,— выкрутился он.

— Ну, как знаешь!

«Опять ничего не вышло,— с грустью размышлял Ленька, возвращаясь из школы.— И зачем я пошел? Взял книгу, которая есть дома, а то, что надо, так и не узнал. И все потому, что слушал этого Перегудова...»

Погода была отвратительная. Асфальт и небо были одинакового цвета. Между ними гулял лютый ветер. Он зло набрасывался на прохожих и, врываясь в подъезды домов, с ходу влетал по лестницам на вторые, а то и на третьи этажи.

Хорошо, что хоть дождя сегодня не было.

Сокращая путь, Ленька свернул на дорожку сквера. Схваченные кружевным ледком лужицы похрустывали под его ногами, а ветер, дувший теперь в спину, подгонял к дому.

Вот он рванул раз, еще раз, и вдруг неожиданно перед Ленькиными глазами мелькнуло что-то мелкое и светлое. Ленька на минуту зажмурился и вдруг ощутил на лице растаявшую снежинку. А когда он открыл глаза — перед ним была уже зима. Не в одиночку, а свалявшимися в долгом ожидании хлопьями опускались на город снежинки.

И Леньке показалось, что все вокруг заторопилось: машины, прохожие и он сам, словно все боялись упустить что-то хорошее.

Ветер, так легко уступивший место снегу, уже не подгонял в спину, и Ленька подумал: «Вот какой ум-

ный ветер». Книга, которую Ленька считал ненужной и поэтому даже не спрятал в портфель, а нес в свободной руке, сразу приобрела для него определенный смысл: «Вот и хорошо! Теперь обязательно прочитаю». Потом он вспомнил про встречу с писателем: «Интересно!»

Ленька даже решил привести в порядок свою голову. Нащупав в кармане рубль, он зашел в парикмахерскую, расположенную по соседству с той, где был утром. И если раньше он всегда удивлялся, зачем нужны рядом две парикмахерские, сейчас это как раз его устраивало.

— Ты никак сам стригся? — поинтересовался мастер, с удивлением рассматривая Ленькину прическу.

— Сам, — сказал Ленька, чтобы не вдаваться в подробности. Сейчас он думал уже совсем о другом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

Ремесленное училище помещалось в четырехэтажном кирпичном здании. Когда-то до войны здесь была обычная школа, потом ее превратили в госпиталь, и лишь позже, когда уже давно отгремели бои, сюда вернулись ребята. Но уже не школьники, а ремесленники.

К зданию пристроили просторные цехи и новый двухэтажный корпус с физкультурным залом, клубом и общежитием. Училище разрасталось и постепенно принимало все более приличный, обжитой вид.

И только снаружи здание выглядело по-прежнему неприветливо: потускневшие от времени и копоти кир-

пичные стены, побитые подоконники с поржавевшими кусками железа, потрескавшаяся штукатурка над входом. Все это бросалось в глаза особенно сейчас, зимой, когда оголенные деревья не прикрывали стен училища, а вокруг лежал чистый, еще не успевший закоптиться снег.

В ремесленном училище кончился последний час занятий. Звонок. Минутная тишина, и вот уже распахнулись двери кабинетов. Ребята, еще в дверях солидные и степенные, оказавшись в коридоре, моментально превращаются в обычных мальчишек. Гудит длинный коридор, гудит ровно и весело, и лишь изредка вырывается из общего шума чей-нибудь возглас и грохот: это разминается кто-то из мальчишек.

Справа доносится мягкий шепоток. У дверей с надписью: «Кабинет русского языка» — группками толпятся девочки: они не спешат домой. Девочки старше, тише и серьезнее мальчишек. Пятнадцать лет — не четырнадцать, а поэтому девочки снисходительно не замечают мальчишеских шалостей.

Впрочем, Колю Ласточкина это мало трогает. Численное превосходство мальчиков над девочками — факт, как ему кажется, достаточно убедительный. И вот только Галка Соколова...

С Соколовой Николай учился еще в школе — в шестом и седьмом, сразу после слияния мужских и женских школ. До этого она училась в другой, девчачьей школе. Два года они вместе переходили из класса в класс, вместе росли, и, видно, поэтому Николай как-то не замечал Галку, а вернее, просто не выделял ее из всех остальных девчонок.

Галка была неприметна на вид. Невысокая ростом, по-мальчишески коренастая, с круглым, чуть скуластым лицом, на котором сидел довольно курносый нос, она терялась в толпе многочисленных одноклассниц.

А их было слишком много — на двенадцать мальчишек тридцать одна девочка!

Соколова однообразно прилично училась. Не было случая, чтобы она не выучила урок или не сделала домашнее задание, но не было и случая, чтобы она не дала списать задачу или не подсказала на контрольной, если ее просили. Казалось, она все делала слишком спокойно: приходила и уходила из школы, готовила уроки, отвечала у доски, выполняла физкультурные упражнения, разговаривала с подругами. На нее никогда не жаловались и ее по крайней мере ни за что, кроме одного — Соколова хорошо рисовала, — никогда особенно не хвалили. Но в седьмом классе рисования не было, и Соколова ничем не отличалась от обычных средних учениц. Ее спокойно приняли когда-то в пионеры, а потом, в шестом классе, — в комсомол.

И все же у Соколовой была одна непонятная для окружающих страсть: она любила маленьких. На переменах к ней вечно подходили первоклассники, в раздевалке она то натягивала шубу на какого-то карпуза, то развязывала кому-то шарф, то поднимала чьи-то упавшие варежки.

Раньше, когда в классе выбирался совет отряда, когда выделяли ответственных за сбор бумаги или за помощь отстающим, назывались какие угодно фамилии, только не Соколовой: ее не считали активом. Зато год назад, когда нужно было выделить вожатую для третьего класса, случилось так, что все, не сговариваясь, назвали Галкину фамилию. С малышами никому не хотелось возиться.

Соколова попала вожатой как раз в тот класс, где учился Ленька. И сейчас она там вожатая. Ленька все хвалится: «У нас Галя хорошая. С ней интересно!»

А, собственно, почему? Николай не очень понимал, что в Соколовой может быть особенно хорошего и по-

чему с ней интересно. И вообще, зачем ей нужно быть сейчас вожатой, если она поступила в ремесленное? Ну ладно, когда училась сама в школе, а теперь? Разве мало дел в училище?

Поступив в училище, Николай на первых порах избегал Соколову. Одно дело, когда учились вместе в школе, другое — здесь. Она — в группе девочек, он — в группе мальчиков. Она учится там на какую-то шлифовщицу, он — на токаря.

Николай даже старался не показывать вида, что знаком с Соколовой. Подумаешь, удовольствие здороваться с ней каждое утро!

Но как назло Галка не только здоровалась, а и без конца приставала к Николаю с разными вопросами.

— Ну, как ты, Ласточкин, доволен, что пошел в училище? — спрашивала она Николая первый месяц.

И мало того, что сама спрашивала! Еще и через Ленку какие-то дурацкие приветы передавала. Будто они не видятся каждый день в училище!

Чудачка! Ведь она всерьез думает, что он пошел в ремесленное благодаря ей: «Я первая в классе решила!» Ну и что же, что первая! А все равно он поступил в училище совсем по другой причине. И о причине этой никто, кроме него самого, не знает.

Николай был замкнут и молчалив. Он не понимал, откуда у Соколовой появилась такая разговорчивость и что она хочет от него: ведь раньше в школе ничего подобного не было.

Николай краснел, отвечая на ее вопросы, и ему казалось, что Галка всегда была несерьезным человеком. Не случайно она вечно сосет леденцы и без конца спрашивает: «Хочешь прозрачную?»

Правда, Соколова старше его на целый год, но какое это имело значение! Девчонка как девчонка! Когда

Николай впервые узнал, что Галка хочет стать шлифовщицей, он только усмехнулся:

— Подумаешь, шлифовщица! Это же проще простого! Ты бы вот токарем попробовала, да только не выйдет из тебя!

— А я не хочу токарем,— мягко сказала Галя.— Мне нравится быть шлифовщицей. Я смотрела, как девочки работают. Это очень интересно. А тебе нравится работа токаря?

На левой щеке у Галки вырос чуть заметный бугорок. «Опять прозрачная!» — отметил про себя Николай.

— Конечно, нравится,— с раздражением говорил он,— не пошел бы в группу токарей, если бы не нравилось. Токарь — самый главный человек на заводе. Для всего на свете детали делает: и для станков, и для паровозов, и для комбайнов, и для пишущих машинок...

— И шлифовщик тоже для всех,— сказала Соколова, передвинув языком леденец под правую щеку.— Токарь вытачивает детали, а шлифовщик шлифует. Без этого нельзя. Нам Борис Николаевич рассказывал, он сам был шлифовщиком.

— Борис Николаевич токарем был, а не шлифовщиком! Он наш мастер и ведет у нас токарное дело.

Николай произнес эти слова не без гордости, хотя речь шла о мастере, которого он откровенно недолюбливал. Не понравился ему Борис Николаевич еще тогда, за столом приемной комиссии, не понравился и потом, когда оказался мастером их группы. Но в спорах с Галкой — другое дело!

— У вас токарное, а у нас шлифовальное,— улыбнулась Галя.— Ведь Борис Николаевич преподаватель по станкам.

— Ну и пусть. А все равно токарем лучше! — решительно заявил Николай.— Да и вообще, что с тобой разговаривать на серьезные темы!

Такие разговоры, хотел Николай или не хотел, происходили у бывших одноклассников не раз, особенно в первый месяц занятий в училище. Но сколько ни спорил Николай, доказывая преимущества профессии токаря перед всеми другими, сам он думал иначе.

Получилось так, что, поступив в ремесленное с твердым убеждением стать токарем, Николай вскоре поколебался.

«Подумаешь, токарь! — размышлял он. — Снимает стружку, делает самые обычные детали — винтики и шпунтики, и все. Куда лучше фрезеровщик! Самые интересные фигурные детали для машин — с насечкой, с нарезками!»

Когда же он снова сталкивался с Галкой, он опять доказывал ей превосходство токарного дела. И трудно сказать, что — то ли споры эти, то ли просто время — сделало свое: постепенно Николай и сам почувствовал, что токарь — специальность вполне приличная. Уж, во всяком случае, не сравнить токаря и шлифовщика! Не сравнить хотя бы потому, что токарем будет он, Николай, а шлифовщицей — Галка.

Но в последнее время изменилось не только отношение Николая к своей будущей специальности. Поступив в училище, он замечал, что во многом меняется и сам. И, конечно, не потому, что он стал серьезнее.

Бросив школу, Николай словно почувствовал почву под ногами. Вот он учится в ремесленном, получает специальность, а скоро будет и сам зарабатывать деньги. Значит, он уже не иждивенец дома, а человек самостоятельный, взрослый.

И хотя он не переставал думать о семейной тайне, которая так неожиданно открылась ему, он стал куда спокойнее, чем прежде. Правда, и теперь он чаще всего молчал дома, но явного раздражения к матери и Петру Ивановичу у него уже не было.

Сейчас, когда прозвенел последний звонок, Николай оставил тетради на столе и выбежал из кабинета.

— Я быстро вернусь! — крикнул он уже из дверей удивленному Вите Мирошниченко. — Я только в библиотеку, а то закроют.

После занятий им предстояло выпускать новый номер стенгазеты, и Мирошниченко, бывший комсоргом в группе, боялся, как бы не удрала редколлегия.

Николай направился в противоположный конец коридора, где была библиотека.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как еще издали увидел Соколову. Она уже была одета и беседовала о чем-то со сторожем дедом Акимом.

Только Николай подошел к библиотеке и собрался открыть дверь, Соколова заметила его.

— Коля! Подожди! — крикнула она.

Николай остановился в нерешительности. Раньше Соколова никогда не называла его по имени, а сейчас кричит на весь коридор. Что ей нужно?

— Ну, что тебе? Что ты шумишь? — спросил Николай довольно грубо, чувствуя, как лицо его заливается краской.

Он был сейчас так раздосадован, что не заметил непривычного смущения на Галкином лице.

— На... Это тебе, — сказала Галка каким-то странным полупшепотом, сунув ему в руку бумажку. — Только ты потом... Не сейчас... — Она убежала.

Николай повертел в руках сложенный вчетверо листок из школьной тетради и наконец развернул его:

«К.! Почему ты так плохо относишься ко мне? Или ты сердишься на что-нибудь? Лучше бы сказал. А мне так хочется дружить с тобой! Г. С.», — прочитал он и сунул записку в карман.

«Чепуха какая-то!» — подумал Николай и, не заходя в библиотеку, пошел обратно в кабинет.

— Н-ну, к-ку-да ж-ж ты? Д-да-ввай! — обрадовался староста Андрюша Савельев, как всегда не договаривая до конца. Он заикался и экономил слова.

Николай забыл про записку и принялся вместе с Савельевым и Мирошниченко обсуждать номер газеты.

Из всех общественных нагрузок трудно было подобрать для Николая более неподходящую, чем участие в выпуске стенгазеты. Во-первых, Николай никогда, даже раньше, в школе, не занимался этим делом и не любил его. А во-вторых, у него просто не было никаких способностей ни к рисованию, ни к написанию заметок. Да и почерк у него отвратительный. Написать приличный заголовок — для него сущее мучение.

Но ничего не поделаешь, и Николаю пришлось за последние месяцы вместе с Савельевым и Мирошниченко

выпустить пять номеров газеты «Резец». Теперь на очереди был шестой, самый ответственный, посвященный предстоящим комплексным работам. Это не шуточное дело в жизни училища. Как-никак первая самостоятельная работа!

— А что, если нам найти вырезки из журналов,— предложил Николай товарищам,— и украсить газету? И самим тогда не возиться, и вообще красивее. У нас в школе всегда так делали!

— Это мысль! — поддержал его Мирошниченко.

— М-мысль-то м-мысль,— проворчал Савельев,— а г-где и-их достать!

— И верно, из библиотечных не разрешается вырезать,— засомневался комсорг.

— А у нас дома есть,— сказал Николай.— И «Огонек», и другие журналы. Я могу сейчас сбегать! Я быстро!

— Ну, давай! Беги! А мы пока заголовок начнем писать,— согласился Мирошниченко.— Только побыстрей!

Николай помчался домой.

«Все лучше, чем самим рисовать»,— подумал он, прибежав домой. Дома, к счастью, никого не оказалось. Петр Иванович уже ушел сегодня на работу, а Ленька, наверное, где-нибудь гулял.

Николай помнил, что журналы, кажется, лежали в кушетке, на которой спали мать с отцом, и приподнял крышку. Ящик до отказа был забит пачками «Огонька», какими-то старыми папками. Видно, сюда давно никто не заглядывал: плотный слой пыли и пиретрума покрывал пожелтевшие газетные листы.

«И зачем весь этот мусор? — удивился Николай, вынимая первую попавшуюся папку. Он сдул с нее пыль, развязал почерневшие тесемки и заглянул внутрь.— Что там?»

В папке лежали старые документы — оплаченные жировки за квартиру, потерянные удостоверения, разные справки.

Николай стал рассматривать эти, видимо уже давно никому не нужные, бумажки. Вдруг попалась одна бумажка, заинтересовавшая его. Это была какая-то выписка из протокола заседания райсовета.

«Слушали,— прочел Николай,— заявление гр-ня Ласточкина Петра Ивановича об усыновлении сына его жены несовершеннолетнего Краснова Николая. Постановили: разрешить гр-ну Ласточкину П. И., проживающему по адресу... усыновить сына его жены Краснова Николая, рождения 1942 года, 3 марта, с присвоением усыновляемому фамилии Ласточкин, отчества Петрович и зарегистрировать усыновителя в актовой книге о рождении как родителя, согласно Указу Президиума... Мать Краснова Николая согласна на усыновление. Отец в метриках не указан».

Николай не сразу понял, что речь идет о нем. Ведь здесь значилась неизвестная ему фамилия Краснов. А когда понял, покраснел, словно совершил что-то плохое, и аккуратно завязал папку.

Выходит, что он даже не Ласточкин, а Краснов. Видно, и отец его был Краснов. Но почему же был? Разве его нет? Нет, он ничего не знает. А нужно ли ему знать? Теперь он понимал только одно: Нина Семеновна действительно права. И этого хватит! У Николая уже не было ни чувства досады, ни желания спрашивать или узнавать что-либо. Зачем? И так все понятно. Что ж, он поступил правильно, что пошел в училище, что будет скоро сам зарабатывать себе на жизнь...

Николай машинально взял несколько старых журналов, опустил крышку кушетки и направился в училище.

По пути он остановился у табачного киоска и купил

пачку «Севера». Закурил, даже не закашлялся. Теперь ему казалось, что он понял прелесть курения.

Жаль, что курить придется тайком. Правда, в училище не очень ругали за папиросы. Некоторые ребята курят, и ничего!

Когда Николай вернулся в училище, Мирошниченко и Савельев уже кончили писать заголовок. Все вместе взялись за остальное и провозились почти до вечера.

А вечером Николай никак не мог уснуть. Он без конца поворачивался то на левый, то на правый бок, без конца закрывал и открывал глаза, зевал, чувствовал, что ужасно хочет спать, но не засыпал.

О чем он думал? Пожалуй, меньше всего о найденной выписке, о неизвестном ему человеке по фамилии Краснов.

«Подумаешь, «плохо относишься»! «Сердишься»! — размышлял он, стараясь отогнать от себя вообще какие бы то ни было мысли.— И какое ей дело? Что я, брат ее или родственник какой-нибудь?»

Записка, которую он по приходе домой сунул в учебник, теперь не выходила из головы.

Николай еще раз повернулся и ткнулся носом в подушку. «Так вообще не уснешь»,— подумал он, переворачиваясь на спину.

Забормотал во сне Ленька, и сразу же завозилась мать.

Николай лежал на спине и уже не закрывал глаза. Так он никогда не засыпал.

«Думают, что я ничего не знаю, не понимаю...»

Спокойное дыхание матери и Петра Ивановича сердило сейчас Николая. Обида на них, почти уже совсем прошедшая за эти месяцы, вспыхнула вновь.

«Вот возьму и расскажу завтра все Соколовой. Пусть знает, почему я пошел в ремесленное. Раз она хоть немного думает обо мне...»

И вдруг он понял, что ему приятно вспоминать про Галкину записку...

Все, что он узнал еще тогда, в феврале, о чем столько раз думал и передумал за эти месяцы, вновь с остротой и болью ожило в его памяти. Ну и пусть. И так ему теперь ясно, что мать променяла его отца на этого... Пускай нянчится с «этим» и со своим Ленькой! Ничего! Николай уже не маленький. Вот только бы кончить училище поскорей. Тогда не надо будет сидеть на чужой шее! Тогда он все скажет!..

«Хочется дружить»...— Николай вновь вспомнил о Галке.— Вот бы рассказать ей. Ведь она, наверно, поймет... Обязательно расскажу. Всем назло расскажу».

Николай до мельчайших подробностей обдумывал предстоящий разговор с Соколовой. Почему-то теперь Галка уже не представлялась ему несерьезной и надоедливой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СЕКРЕТ НЕ РАСКРЫВАЕТСЯ

Леньке явно не везло. Энциклопедию он вчера так и не достал. А потом, когда вернулся домой и пошел гулять, упал и порвал брюки. Пришлось получить подзатыльник от матери и выслушать выговор отца. В довершение всего вечером, когда он лег спать, вспомнил, что не сделал уроки по русскому языку.

А сегодня как назло в классе назначили диктанта.

Ленька терпеть не мог диктантов и вообще всяких контрольных. На них надо было все делать самому, даже думать. А Ленька, как человек общительный, не умел и не любил общаться с самим собой.

Пока Людмила Васильевна объясняла условия диктанта, Ленька размышлял о нераскрытом секрете ТВС.

«Видно, настоящие секреты не открываются так легко и просто,— думал он.— Раз не повезло с энциклопедией, значит, надо узнавать как-то по-другому. А это еще интереснее. ТВС. А что, если первая буква...»

Пришедшая в голову мысль была такая неожиданная, что Ленька опешил.

«Как же это я думал, думал, ломал голову, а самое главное... Ну, конечно, Николай учится на токаря. Ведь токарь на «т» и ТВС начинается с «т». Значит, первая буква — токарь. Наверняка токарь... А остальные?»

И вновь в Ленькиной голове закружились самые невообразимые домыслы:

«Токарь всегда смелый».

«Токарь выстругал скамейку».

«Токарь — вот секрет».

«Вот секрет, вот секрет,— думал Ленька.— А ведь я... Ну, конечно, я дурак. Как же я могу разгадать секрет ТВС, когда я даже не знаю, что такое токарь?»

Эта догадка была и впрямь если не гениальна, то верна.

Но тут Леньке пришлось убедиться, что он слишком размечтался.

— Итак, начнем,— сказала учительница.— Пишите первое слово...

Ленька принялся за диктант.

Людмила Васильевна произносила слова, а ребята их в тетрадки записывали. Слова всякие — и легкие и потруднее, но Ленька знал, как их писать, поэтому и не ошибался.

Диктант подходил к концу. Людмила Васильевна последнее слово назвала:

— Помидор.

Ленька написал слово «помидор» в тетрадку, а потом вдруг задумался:

«Правильно или неправильно? Вот трудное слово попало!»

Решил он к своему соседу Саше Перегудову заглянуть. А как он это слово написал?

Ленька посмотрел в тетрадку Перегудова, а у него слово так написано: памидор.

— Разве пишется памидор? — спросил он шепотом у Саши.

— А как ты думаешь! Конечно, памидор,— прошептал Перегудов.— Это точно. Я знаю...

Ленька взял ручку и исправил в своей тетрадке «о» на «а». Получилось, как у Саши: памидор.

— А теперь еще раз сами проверьте слова и сдавайте тетрадки,— сказала учительница.

Ленька стал проверять слова, дошел до помидора и опять задумался:

«Правильно или неправильно?»

Вспомнил, что Перегудов болтун и подводи́ла, никак нельзя ему верить, и решил у Жени Веселкова проверить.

Ленька повернулся назад, где Женя сидит, попросил:

— Покажи!

Веселков показал ему свою тетрадку, а у него слово совсем иначе написано: памедор.

Ленька удивился, взял ручку и исправил в своей тетрадке «и» на «е». Получилось, как у Жени: памедор.

Прозвенел звонок. Ребята тетрадки свои Людмиле Васильевне стали сдавать, а Ленька все ломает голову над помидором.

— Что у тебя, Ласточкин? Пора сдавать тетрадку,— наконец сказала Людмила Васильевна.

Ленька неуверенно протянул ей тетрадь.

Учительница пробежала глазами Ленькин диктант и заметила в злополучном помидоре сразу две ошибки. В других словах ни одной, а в помидоре — две.

— Так всегда получается, Ласточкин, — сказала она, — когда человек на себя не надеется. Придется тебе тройку поставить.

Что поделать! Тройку так тройку!

Ленька вздохнул и направился в коридор на перемену.

«Скорей бы уроки кончались», — думал он.

После уроков высыпали ребята во двор.

Ленька собрался было уже домой бежать, но увидел на школьном дворе грузовик. Он кирпичи привез. Видно, строить что-нибудь будут в школе.

Грузовик приехал, а рабочих нет.

Шофер стал сам разгружать машину, чтобы время зря не терять. Он залез на машину и сбрасывал кирпичи на землю. Кирпичи ложились друг на дружку кучей, а некоторые бились.

Ленька остановился на минуту. И другие ребята остановились. Стали смотреть, как шофер работает.

— Так нельзя бросать кирпичи, — сказал Женя Веселков, — они все побьются.

— Их лучше по одному складывать, — сказала Кирдяшкина.

— Один шофер долго будет разгружать, — сказал Ленька. — До вечера не разгрузит.

Шофер услышал этот разговор и сказал:

— Вы, вместо того чтобы рассуждать, лучше помогли бы!

— А правда, давайте поможем? — предложил Ленька.

— Давай! Давай! — сказали ребята.

Ребята стали помогать шоферу. Снимают с машины

по одному кирпичу и около забора аккуратно складывают. Кирпичи не бьются, и работа пошла веселее.

Старшие ребята вышли из школы, остановились на минуту. Стали глядеть, как шофер и младшие работают.

— Так нельзя разгружать,— сказал кто-то из ребят.— Надо по цепочке кирпичи передавать.

— По цепочке, конечно, быстрее! — поддержал его второй.

— А так, как они работают, и за час не управиться! — сказал третий.

Ленька услышал этот разговор и произнес:

— Вы, вместо того чтобы рассуждать, лучше помогли бы.

— А правда, давайте поможем,— предложил один из старшекласников.

— Давайте! Давайте! — поддержали его ребята.

Ребята начали вместе работать. Построились цепочкой и передают кирпичи из рук в руки. Быстро проходит каждый кирпич по цепочке и около забора ложится. А здесь Ленька и Саша Перегудов стоят, складывают кирпичи друг на друга. Хорошо получается, аккуратно!

Полчаса не прошло — ребята разгрузили машину.

— Вот спасибо! — сказал им шофер.— На деле, не на словах помогли!

— Пожалуйста! Мы всегда, как что, готовы помочь! — важно сказал Перегудов.

А Ленька тем временем уже мчался домой, чтобы скорей осуществить задуманное.

Он не вбежал, а влетел на четвертый этаж и забарабанил в дверь. Наконец-то ему сегодня явно везло: дверь открыла не Нина Семеновна, а другая соседка.

В комнате никого не было. Отец и мать были на работе, Николай — в училище.

Не раздеваясь, Ленька бросился к книжному шкафу.

«Справочник машиностроителя», «Избранное», «Технология производства», «Война и мир», «Сталь и шлак», «Сопротивление материалов»... Нет, это все папины,— догадался Ленька.— Вот здесь, наверно... «Молодая гвардия», «Футбол», «Кортик», «Повести и рассказы», «Учись плавать», «Как закалялась сталь», «Петька Дёров»... Ну, конечно, вот она... Пока ничего нет, прочитаю и тогда все пойму».

Ленька достал с полки учебник «Токарь по металлу», купленный недавно братом, и, сбросив шапку, уселся поудобнее у стола.

«Настоящая книга является переработанным изданием выпедшего в 1948 году учебника «Основы токарного дела»...— прочел он первую фразу и перевернул страницу.— Отзывы о книге и пожелания по дальнейшему ее улучшению просим направлять по адресу...» Не здесь... Наверное, дальше»,— решил Ленька и перевернул еще несколько страниц. Книгу он листал как-то по-особенному, подцепляя страницы ногтем.

«Муфты трения, называемые иначе фрикционными, предназначены... Задняя бабка с обычным центром... Четырехзаходный червяк... Кулачки применяют закаленные и сырые... Коническим хвостиком патрон устанавливается...» — читал Ленька и ничего не понимал. Даже самые обычные, знакомые всем слова в учебнике имели какой-то совершенно другой, непонятный и смешной смысл.

Ленька стал смотреть картинки, но это дело оказалось еще менее интересным.

«Неужели Коля все это понимает? — с завистью и с огорчением подумал он, чувствуя, что его затея проваливается.— Нет, значит, не понять мне, что такое

токарное дело. И секрета никогда не узнать... Ну и ТВС — «токарь — вот секрет».

Неожиданно между страницами учебника ему попала какая-то записка. Ленька развернул свернутый пополам листок из школьной тетради.

«К.! Почему ты так плохо относишься ко мне? — прочитал он.— Или ты сердишься на что-нибудь? Лучше бы сказал. А мне так хочется дружить с тобой!..»

Записка была написана аккуратным почерком, очень напоминавшим почерк Людмилы Васильевны. Слово «дружить» было подчеркнуто. Внизу стояли непонятные буквы Г. С.

«Колина, — догадался Ленька.— Но кто это Г. С.? Наверно, какой-нибудь Колин товарищ. Поругались они, что ли? Может, поэтому Коля и стал такой серьезный?»

К непонятному ТВС записка явно не имела никакого отношения, и Ленька сунул ее обратно в учебник. Положив учебник на место и сняв пальто, он вспомнил, что хочет есть.

«Поем, сделаю уроки, а потом начну читать «Петьку Дёрова», — решил он.

На столе, как обычно, лежала мамина записка. И хотя Ленька и так прекрасно знал, что и суп и второе мама оставляет под бабой, он все же прочел: «Леня! Я уйду на работу. Ешь суп, твой любимый с клецками, и котлеты с гречневой кашей. Смотри, чтоб ничего не оставлять! Будь умником. Целую. Мама».

Мария Михайловна, как и все врачи, очень любила давать письменные советы.

«Легко сказать «будь умником», а как? В учебнике и то ничего не понял. Коля понимает, наверно, а я ни одного слова... Хорошо хоть, что на обед суп с клецками...»

Последняя мысль отогнала от Леньки все остальные неприятные мысли, и он с легким сердцем и с грязными руками принялся выполнять мамино поручение. Без напоминания родителей Ленька мыл руки редко.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТРУДНЫЙ СЛУЧАЙ

Мария Михайловна закончила прием в поликлинике. Теперь пора начинать обход больных на дому. Сегодня у нее семнадцать вызовов.

Так было почти каждый день. Плохая погода, которая держалась весь октябрь, ноябрь да и первую половину декабря, не замедлила сказаться на числе ее пациентов: за эти месяцы в районе переболел почти каждый третий.

Вот почему сейчас, пожалуй, никто не радовался так всерьез наступившей зиме, как врачи. Погода устанавливается, а значит, и больных будет меньше. Мария Михайловна сменила халат, положила в чемоданчик пачку историй болезни и направилась вниз.

Выйдя из поликлиники, она невольно остановилась и глубоко вдохнула чистый морозный воздух. На улице и впрямь было хорошо. Крупные хлопья снега опускались на город. И уже один этот снег, внушительный, солидный, медленно падающий на тротуары и улицы, крыши домов и деревья, придавал городу торжественность.

Сопя, словно отдуваясь от перегрузки, проезжали мимо автобусы и машины. Солидные троллейбусы торопливо захлопывали на остановках свои механические двери, дабы не выпустить на ветер лишнее тепло. А на

тротуарах с завидным усердием орудовали скребками, лопатами и метлами дворники, будто и они истосковались по настоящему делу. Снег сгребали прямо к стволам деревьев, и странно было видеть в аккуратных снежных кучках одинокие желтые листья, невесты как сохранившиеся за долгие дождливые осенние месяцы.

Мария Михайловна любила зиму. И не просто зиму, а именно эту, всегда особенную, городскую зиму, которая более всех иных времен года преобразует с детства знакомые ей улицы и площади, дворики и переулки. Как всякая истая горожанка, она знала, что ни лето, ни осень, ни даже ранняя весна не дают человеку столько здоровья, энергии и внутренней бодрости, сколько их приносит с собой зима. Даже за годы войны с их безмерно долгими зимними месяцами она не утратила чувства радости и обновления при виде первого снега и первых морозцев. И сейчас, оказавшись на улице, Мария Михайловна невольно заторопилась. Как обычно, она начинала сегодняшний обход с самых дальних адресов. Уж так повелось у нее с детства: сначала браться за более трудное, а потом — за более лег-

кое. И это настолько вошло в привычку, что сама она почти не ощущала трудного — она просто умела справляться с ним без лишних слов и разговоров.

Мария Михайловна дошла до перекрестка и свернула на соседнюю улицу. Она хорошо знала свой участок. Первая ее сегодняшняя больная жила в конце улицы, возле райсовета.

Мария Михайловна дошла до райсовета и свернула во двор соседнего дома. На ходу посмотрела номер квартиры, затем вошла в подъезд.

Дверь ей открыла девочка.

— Я к Соколовой Вере Ивановне, — сказала Мария Михайловна. — Здравствуйте!

— Это к нам, здравствуйте! — ответила девочка и почему-то покраснела. — А я, кажется, знаю вас. Ведь вы мама Коли и Лени Ласточкиных?

— А ты Галя, Лёнина вожатая, если не ошибаюсь? — догадалась Мария Михайловна. — Мне Лёня о тебе много рассказывал. Серьезно.

— А с Колей мы в одном ремесленном училище, — смущенно сказала Галя. — Вы проходите, пожалуйста.

— Ну, вот видишь, мы знакомы! — сказала Мария Михайловна, не заметив ее смущения. — А кто же у вас заболел?

Оказалось, что больна Вера Ивановна, Галина бабушка.

Мария Михайловна разделась и прошла в комнату. Здесь было не так просторно, как пусто. Небольшой шкафчик, стол, кровать и несколько стульев — вот и вся обстановка.

Больная лежала на кровати, и Мария Михайловна сразу обратила внимание на ее нездорово-желтое, исхудавшее лицо.

— На что жалуетесь? — задала Мария Михайловна традиционный вопрос.

Вера Ивановна держалась, пожалуй, слишком бодро. Сказала, что ничего особенного у нее нет, только некоторое недомогание и небольшая боль в груди. Нетрудно было догадаться, что она просто не хочет огорчать внуку.

Мария Михайловна долго выслушивала ее и все больше настораживалась.

— А твои родители на работе? — спросила она Галю, чтобы как-то отвлечь и ее и больную.

— Мы вдвоем живем, — ответила Галя.

Наконец Мария Михайловна закончила осмотр больной и села к столу.

— Ничего страшного я не нахожу, — сказала она. — Но надо сделать вам рентген. Я вызову машину. И лекарство выпишу, чтобы подкрепить ваше общее состояние.

— Может, я сама схожу? — спросила Вера Ивановна. — Я ведь не так уж плоха...

— Ну, что вы! Зачем! — сказала Мария Михайловна. — На машине вам будет удобнее и легче.

Только тут она заметила на стенах несколько акварелей и заинтересовалась ими.

— Это вот она, доченька наша, — не без гордости объяснила Вера Ивановна, показав на Галю.

Марии Михайловне понравились рисунки — простые, без претензий, но удивительно мягкие и нежные по тону. Это были пейзажи города — зимняя улица, вид из окна на заводские трубы, трава, пробившаяся через асфальт тротуара.

— Хорошо, — сказала она. — Очень хорошо.

— Ну, что вы! — смутилась Галя. — Это я просто так...

— А ты знаешь, я очень люблю город, и, может быть, поэтому мне особенно нравятся городские пейзажи, такие, как эти, — сказала Мария Михайловна.

— Я тоже,— призналась Галя.— В загородных пейзажах, мне кажется, нет той прелести... Там только природа и природа. А здесь за каждым видом чувствуются люди. И если их даже не рисуешь, их чувствуешь, видишь...

Мария Михайловна попрощалась и вышла на улицу.

«А Галя эта милая, славная, видно, способная,— думала она.— И вожатая, наверно, хорошая. Леня прав... А Коля? Почему-то он ничего не рассказывал о ней. А ведь вместе учатся...»

Прежде чем посетить следующего больного, она вошла в телефонную будку и набрала номер.

«Надо позвонить Муратову,— решила она,— и посоветоваться о Соколовой. Случай трудный. Пусть ей сделают рентгеновский снимок у них в институте. Так будет вернее...»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО

Николай так и не знал, когда он уснул сегодня ночью. А утром, проснувшись, он вспомнил свои ночные размышления и невольно улыбнулся: «Ерунда какая-то! И приходят же по ночам дурацкие мысли в голову!...»

Стоило Николаю появиться в училище, как и Галкина записка и все его ночные размышления отодвинулись на второй план. Он даже порадовался, что не встретил Соколову перед началом занятий.

День сегодня был особенный, и настроение у Николая тоже было особенное. Ведь шутка сказать, сегодня им поручали первое настоящее дело. И не

только настоящее, а ответственное! Ответственное задание!

По правде говоря, и Николаю, и его товарищам по группе уже порядком надоело подходить к станкам и изучать их устройство, а самим ничего серьезного не делать. Сначала им нравилось заниматься наладкой станков, учиться, как управлять ими, но потом и это надоело. Еще скучнее зубрить технику безопасности и часами повторять на уроках названия деталей.

Даже те небольшие работы, которые с недавнего времени они выполняли в цехе, были обычным учением: обточенные будущими токарями детали с нанесенными на них наружными канавками и высверленными отверстиями не годились еще ни для машин, ни для чего другого. Их складывали в шкафы как учебные пособия или же, в лучшем случае, передавали старшим ребятам для дальнейшей обработки.

И вот сегодня... Впрочем, это «сегодня» началось у Николая еще вчера, когда он вместе с Андреем Савельевым и Витей Мирошниченко выпустили специальный номер стенной газеты «Резец» с крупным, на весь лист ватмана, призывом: «Отлично выполним комплексные работы!»

Слова эти были общие и, наверное, скучные для постороннего глаза. И все же немало скрывалось в них чувств и волнений, переживаний и гордости. Ведь начала практики ждут все ремесленники — и отличники, и середнячки, и даже, казалось бы, безразличные ко всему двоечники.

Николай тоже с нетерпением ожидал предстоящую практику. Именно теперь он должен был доказать мастеру группы Борису Николаевичу, что умеет работать не хуже других учеников и способен справиться с настоящим делом. Именно с настоящим, а не с каким-нибудь черчением или техникой безопасности!

И раньше, до поступления в училище, да и сейчас Николай имел, как ему казалось, достаточно ясное представление, что такое мастер. Умудренные жизнью и многолетним рабочим опытом, седовласые, покручивающие усы старики — такими привык видеть Николай мастеров на киноэкранах и на праздничных плакатах, на книжных страницах да и на улицах возле завода. Николай знал, что бывают молодые инженеры, молодые летчики, молодые врачи, даже молодые писатели, но только не мастера. Само слово «мастер» никак не вязалось в его представлении со словом «молодой»!

Наконец, и в самом училище во всех группах были пусть не одинаково старые и усатые, но «нормальные» мастера. Вон Неводов Виктор Сергеевич! У него хоть и усов нет, но вид вполне солидный, представительный. Не случайно в дни поступления в училище Николай принял его за директора. Да и опыт у него большой. Сколько лет сам на заводе проработал, прежде чем стал других учить! Говорят, что за свою жизнь он подготовил не один десяток рабочих. Даже Петр Иванович, кажется, когда-то у него учился. У такого мастера, как Неводов, не стыдно учиться. И только вот в их группе...

У Бориса Николаевича, правда, были усы, вернее усики, но при чем здесь эти усики, когда человеку восемнадцать лет и сам он лишь два года назад окончил ремесленное? Разве для того, чтобы его не спутали с кем-нибудь из ремесленников?

Николай был настроен против своего мастера с момента поступления в училище. Недаром Борис Николаевич не понравился ему еще тогда, за столом приемной комиссии. Правда, может, он и не такой уж стилиста, как думал о нем раньше Николай, но все равно он не настоящий мастер.

Слушая Бориса Николаевича на уроках, Николай откровенно скучал. Он считал, что вряд ли Борис Ни-

колаевич знает что-нибудь сам. Просто он берет учебник, зубрит его, а потом рассказывает на уроках ребятам. Так любой сможет! Николай не без ехидства называл мастера за глаза Борей и в знак полного неуважения к нему не записался в авиамодельный кружок, которым тот руководил.

— Почему же? — удивился тогда Борис Николаевич. — А мне говорили, что ты первоклассные модели строишь.

— Что вы! Это меня с кем-то перепутали, — соврал в ответ Николай. — Не имею ни малейшего пристрастия... Я больше физкультуру люблю. В гимнастический записался.

Он действительно записался в гимнастический кружок, но не только потому, что любил физкультуру. Просто кружком руководил более хороший, чем Борис Николаевич, человек — Зинаида Васильевна. Она вовсе не задавалась и не говорила на каждом шагу, что она преподаватель, что ее нужно слушаться, и даже позволяла называть себя просто Зиной.

Николай считал, что Борис Николаевич чувствует его отношение к себе и платит ему тем же. Иначе он не стал бы без конца придираться к Николаю, особенно с чертежами.

«Ласточкин, ты плохо читаешь чертежи» — Николай много раз слышал эту фразу от мастера и столько же раз был оскорблен ею.

И какое Борису Николаевичу дело до того, любит ли он, Николай, или не любит заниматься черчением? Во-первых, у него по черчению нет ни одной двойки, а во-вторых, он не запорол на практических занятиях ни одной детали и все операции выполнял строго по чертежам. Значит, он умеет все-таки читать чертежи. А любит он черчение или не любит — простите, это уж его личное дело!

И еще одного никак не понимал Николай: почему мастер все время заставляет его участвовать в выпуске стенной газеты? Почему именно он должен писать заголовки? Что он, художник какой-нибудь, как Соколова, или у него почерк очень хороший? Николай сам знает, что пишет он как курица лапой. Неужели никого лучше не могли найти в редколлегиях!

Каждый раз Николаю приходится мучиться с выпуском этой газеты! Не так легко аккуратно и красиво написать заголовок. А сколько вчера пришлось приложить сил и терпения, чтобы вывести это: «Отлично выполним комплексные работы!»

Но сегодня Николай уже не без гордости смотрел на свежий номер «Резца». Было приятно, что газета выпущена именно к этому торжественному дню, и выпущена не без его, Николая Ласточкина, участия.

Сегодняшний день начался с занятий в кабинете. Предстояло повторить пройденное и только уже потом идти в цех.

— Вы уже знаете, ребята,— сказал Борис Николаевич,— что нашему училищу поручено выпустить первую партию токарно-винторезных станков марки 16-15М. Да, самых настоящих станков. И станки эти от начала до конца будут изготавливаться самими учащимися. Токари, в частности, должны сделать валики для коробки подач и коробки скоростей. А ведь вы знаете, что это самые важные узлы токарного станка. На первый взгляд задание может показаться простым и легким. Как-никак, а на практике вы уже изучили все отдельные операции по обработке таких деталей. И все же предстоящая работа — серьезная проверка для всей нашей группы. Вот почему, прежде чем пойти в цех, давайте еще раз ознакомимся с рабочими чертежами деталей, которые надо изготовить.

В кабинете чувствовалось торжественное волнение. Да и Борис Николаевич был сегодня каким-то подтянутым, праздничным. Нетрудно было заметить, что и он волнуется.

Первые два урока тянулись томительно долго. Но вот уже все повторено, проверено, оговорено, и двадцать пять будущих токарей, разбившись на пятерки, пошли с Борисом Николаевичем в производственные мастерские.

Проходя по коридору, Николай вновь вспомнил о Соколовой.

Вот хорошо, если бы она увидела их сейчас!

Но Галки не было.

«Странно, и на первой перемене я ее не встретил», — подумал Николай.

Николай попал со своей пятеркой к Виктору Сергеевичу Неводову.

— Так! Волнуешься, гражданин хороший? — спросил мастер, выдавая Николаю пять заготовок. — Скажу по совести, чувство знакомое. Лет двадцать назад, с позволения сказать, и я вот так волновался. Разница в том, что станок у меня тогда был похуже да знаний поменьше, чем у тебя.

Николай улыбнулся мастеру и еще раз внимательно осмотрел свое рабочее место. Приоткрыл по очереди ящики инструментального шкафчика. Проверил, на месте ли лежат резцы и все необходимые принадлежности к станку. Оказалось, на месте. Затем Николай достал измерительный инструмент и положил его рядом с чертежами на крышку шкафчика. «Как бы не перепутать, — подумал он. — Надо все класть так, как нам говорили».

Он взял полученные от мастера заготовки и положил их слева, в один из трех свободных ящиков. В остальные, пустые, он будет класть готовые детали.

Теперь осталось проверить исправность станка. Все оказалось в полном порядке: и механизмы, и система охлаждения, и приводной ремень, и смазка.

— Итак, задание ваше рассчитано на два дня,— предупредил Виктор Сергеевич.— Завтра к окончанию занятий, к трем часам, каждый из вас должен сдать мне по пять готовых валиков для коробки скоростей. Ну а теперь что ж вам сказать, граждане хорошие? Можете начинать работу. И не забудьте, что точность обработки детали — одна десятая миллиметра. Смотрите, чтоб рабочий класс был на высоте!

Повернув рукоятку и установив нужное число оборотов, Николай закрепил первую заготовку, а потом проходной резец.

«Ну, кажется, пора...» — сказал он сам себе и нажал кнопку, на которой была надпись: «Пуск».

Станок заработал, и в эту минуту Николай почувствовал себя так, словно его закружило в каком-то радостном вихре. Пел станок, и в душе Николая тоже все пело. Вот она, настоящая работа!

Впервые Николай ощущал, как под его руками рождается деталь — теплая, блестящая, словно живая. А потом вот из этой детали и таких же других соберут новый станок. И придет какой-нибудь парень, такой же, как он, и встанет к этому станку.

И так будет всегда. Люди будут работать, чтобы стучали новые станки, чтоб по улицам бежали машины, а по железным дорогам — поезда... Люди будут работать! Разве не это самое главное!

Николай провел рукой по вспотевшему лбу. Вот и готов первый валик!

Он осмотрел его со всех сторон, вымерил канавку — точно.

Ну что ж, здорово получилось! Точно, как по чертежу!

Можно братья и за второй.

Вот тут-то и оказалось, что его ждет первое огорчение.

Сначала все шло нормально, но потом...

Николай никак не мог понять, как это он напорол с глубиной. Вроде и не волновался, и размеры как будто помнил, а канавка на валике получилась на какую-то долю миллиметра глубже заданной. Хорошо, что он хоть вовремя заметил и успел сунуть испорченный валик в карман до того, как подошел мастер Неводов. Виктор Сергеевич, конечно, ничего не видел: в это время Николай уже закреплял вторую заготовку.

О своем мастере — Борисе Николаевиче — он вообще не вспоминал: тот был в соседнем пролете. А потом, когда пришел в их пролет, то даже похвалил Николая:

— Второй валик заканчиваешь, Ласточкин? Молодчина. В скоростники прямо метишь. — И, повертев в руках уже готовый первый валик, добавил: — Чистая работа!

Позже, возвращаясь из училища, Николай вспоминал все это с улыбкой. Даже недоразумение со вторым валиком не огорчало его. Ведь он не только успел до конца работы сделать заново новый валик, но и исправил, казалось, непоправимое — вместо испорченной раздобыл другую заготовку. А в общем, все это чепуха! Завтра он сделает еще три валика, и тогда все в порядке!

Домой Николай пришел с приятным чувством усталости и удовлетворения сегодняшним днем. И хотя он считал бессмысленным делиться с Ленькой своими первыми успехами, молчать ему тоже не хотелось.

— Ты чем это так увлекся? — спросил он у Леньки, входя в комнату. Вид младшего брата, углубившегося в чтение, удивил его: не так уж часто Леньку можно было застать за книгой. — Ну-ка, покажи!

— «Петька Дёров», — сказал Ленька, показывая брату обложку книги. — Интересная!

— Ясно, интересная. Недаром я тебе советовал. А уроки сделал?

— Сделал, уже давно.

— Ну и хорошо. Тогда читай.

— Хочешь поесть? — спросил Ленька. — Мама обед оставила.

Ленька прекрасно знал, что Николай обедает в училище, а дома только ужинает, и вопрос его носил чисто дипломатический характер. Нельзя же отвечать молчанием на необычную разговорчивость брата!

— Нет, я уже поел. А ты обедал? — спросил Николай, хотя на столе стояла не вымытая Ленькой тарелка.

Николай разделся и, вынув из портфеля книгу и тетради, сел рядом с братом.

— Я позанимаюсь пока, а ты почитай. А потом у меня к тебе одно дельце будет. Хорошо?

— Какое? — Ленька вновь оторвался от книги. Он был окончательно сражен.

— Да нет, не сейчас, потом, попозже, — ответил Николай. — Эх, чуть не забыл! — вслух вспомнил он, встав из-за стола. Николай подошел к вешалке. Потом достал из кармана шинели что-то блестящее и спрятал в нижний ящик книжного шкафа. — Ты лучше пойди тарелку свою вымой, — добавил он в ответ на любопытный взгляд Леньки.

Видимо, сегодня Николай вовсе не был расположен к молчанию. Как только Ленька вернулся из кухни, Николай опять сказал:

— Снег-то какой пошел! Видел?

— Ага! — улыбнулся Ленька. — Теперь уже зима будет настоящая.

Они вновь углубились в чтение. Но теперь уже Ленька не столько читал, сколько поглядывал на брата. Он

вспомнил учебник «Токарь по металлу», в котором так и не смог ничего понять.

Сейчас перед Николаем лежал другой учебник. «Токарное дело», — прочел про себя Ленька, и вдруг неожиданная мысль пришла ему в голову.

«Ну конечно, я правильно понял, почему не могу разгадать этого ТВС. Ведь я даже не знаю, что такое токарь. И в учебнике ничего не узнал. А надо. Вот взять и обхитрить Колю: спросить его не про ТВС, а про токаря. А узнаю, тогда и про ТВС легче догадаться. И настроение у Коли сейчас вроде хорошее».

Однако, чтобы не попасть впросак со своим вопросом, Ленька решил начать издалека. Так лучше, и подозрений не будет.

— Коль, а что, если я возьму и тоже захочу быть токарем? Как? — спросил он.

— Ты ведь шофером хотел... Несерьезно ты подходишь к этому. Ведь выбирать профессию нельзя просто так. Работать, и хорошо работать, можно только тогда, когда по-настоящему любишь свое дело...

Николай, сам не замечая того, повторял сейчас слова Петра Ивановича. Ленька же почувствовал другое: брат словно обрадовался его вопросу, и, значит, его хитрость может удался.

— Коль, а токарем интересно?

— Еще как! Ведь токарь... Впрочем, тебе это трудно понять. Ты еще мал совсем, да и в школе вы не проходили ничего ни по физике, ни по математике...

— Коль, расскажи, я, честное слово, пойму, — попросил Ленька. — Совсем я не маленький. Правда! А то меня мальчишки спрашивают: «На кого твой брат учится?» — а я говорю, что на токаря, а что такое токарь — не знаю. Ты расскажи, я, честное пионерское, все-все пойму. Ведь ты никогда мне не рассказывал...

Умоляющий тон Леньки, видимо, подействовал.

Николай немного задумался, потом вдруг сказал:

— Сейчас,— и подошел к буфету.— Ну, смотри. Что это? — задал он Леньке неожиданный вопрос, достав из буфета хлеб.

— Батон,— Ленька искренне удивился.— А при чем здесь батон?

— Подожди, подожди, сейчас поймешь. Вот смотри, ведь, правда, он мягкий? — спросил Николай, отрезав от батона горбушку.

— Мама говорила, что черствый, позавчерашний,— ответил Ленька.— Я ел сайку, она была свежая.

— Мама! Мама! При чем здесь мама? — с досадой произнес Николай.

Сам того не замечая, он опять начинал говорить о матери с чувством раздражения. Все не нравилось Николаю — и то, что она скрывает от него имя его настоящего отца, и то, что считает сына до сих пор маленьким, и даже то, что она работает в поликлинике каким-то там врачом и ничего не понимает в других, более важных вещах. А уж кто-кто, а сам Николай теперь прекрасно понимает, что быть рабочим, быть хорошим токарем — это не таблетки от кашля выписывать!

— Да нет, я не о том,— добавил он уже мягче.— Черствый хлеб или свежий, а его можно разрезать ножом, правда? А камень можно разрезать? А кусок металла какого-нибудь твердого можно? Ведь нет, правда? Не разрежешь ножом?

— Конечно, не разрежешь,— согласился Ленька.— А зачем их резать? Каменный хлеб не бывает и металлический тоже.

— Это я тебе просто так, для большей ясности,— пояснил Николай.— Вот мы, токари, и режем металл, вытачиваем из него разные важные детали для машин и станков. Понял?

— Понял,— сказал Ленька, хотя, по правде говоря, он не представлял себе самого главного: а зачем нужно вытачивать какие-то детали? Другое дело, если бы токарь делал автомобили или другие машины.

Ленька, хотя и был равнодушен ко всяким машинам, никогда не задумывался над тем, как их делают. Они всегда существовали для него в готовом виде: готовые автомобили, готовые электровозы, готовые самолеты, готовые экскаваторы. Ленька различал их не только по внешнему виду, но и по цели назначения. Слова «строят», «производят», «выпускают» были для него настолько привычны, что ему ни разу не приходилось задумываться над их смыслом. Да и зачем задумываться, если он понимал, казалось, самое главное: вот «построили» новый автомобиль, и он выкатил из заводских ворот на улицу, выкатил в готовом виде, красивый и быстрый. Так же «строят» любые другие машины. Все они были предельно простые в Ленькином понимании и привлекали его только своей работой: автомобиль мчится по улице, везя пассажиров, паровоз тянет по рельсам десятки вагонов, экскаватор наполняет свой ковш землей и кладет ее в самосвал, подъемный кран поднимает тяжести... Да это и понятно. Каждый ребенок знает, для чего существует хлеб, да не каждый знает, как его делают.

— Коль, а ты научишься машины строить? — поинтересовался Ленька.

Слушая Николая, он вовсе забыл о цели начатого разговора. Просто ему было приятно слушать старшего брата и говорить с ним. И если бы сейчас Николай рассказывал не о работе токаря, а о полете на Луну — Ленька все равно был бы доволен.

— Ну и чудак ты! — сказал Николай. — Что же ты думаешь, машины прямо в готовом виде и появляются на свет? Машину человек делает, а как? Ее собирают

по частям из отдельных деталей. А знаешь, сколько этих деталей в каждой машине? Сотни, тысячи.

— Тысячи? — удивился Ленька. — И в автомобиле тоже?

— А как же ты думал? Конечно. Их делают разные рабочие на разных станках. И токарь — самый главный человек. Кто станки выпускает? Токарь. Ну, не весь, конечно, станок, а самые важные детали к нему. А не будет станков, то и ничего не будет: ни автомобилей, ни самолетов, ни других машин, ни игрушек, ни книг, ни одежды... Работает токарь на одном станке, а делает детали другого. И в каждой машине, какая только есть на свете, видна работа токаря. Токарь — всему начало, потому что он рабочий класс. А рабочий класс — самый главный на свете!

— Значит, ты самым-самым важным будешь? — всерьез спросил Ленька. И, тут же вспомнив, добавил: — А у нас вчера писатель выступал, настоящий!

— Ну, может быть, не самым важным. Другие рабочие тоже, в общем, полезное дело делают: слесари, например, шлифовщики, фрезеровщики...

«Что же Коля все-таки спрятал в шкаф? — подумал Ленька. — Может, второй подшипник для самоката? Но почему тогда ничего не сказал? А что, если это и есть ТВС?»

— Как, нравится? — спросил Николай.

— Что? — не понял Ленька.

— «Петька Дёров»?

Николай, видимо, решил, что Ленька читает. Размышляя, тот смотрел в книгу.

— Нравится, — сказал Ленька. — А тебе наша вожатая привет передавала, — соврал он, чтобы как-нибудь продолжить разговор.

— Кто? Соколова? — старший брат явно заинтересовался. — А где ты ее видел?

— А она вчера в школе у нас была перед тем, как писатель выступал. Только недолго. Сказала, что некогда ей. А сегодня не была. А знаешь, писатель, он совсем обыкновенный... И рассказывал интересно.

Вчера Николай тоже видел Соколову, а вот сегодня... Сегодня ее явно не было. Правда, он не стал спрашивать про нее — неудобно. И все же, если бы она была в училище, он, конечно, ее встретил бы!

— Странно, — пробормотал он.

— Нет, правда, совсем простой дяденька, — пояснил Ленька.

— Лень! — в голосе Николая послышалась совсем несвойственная ему нежность. — А если я тебя попрошу об одном небольшом одолжении, ты сделаешь?

— Конечно, — согласился Ленька. Он всегда был готов сделать для брата все что угодно.

— Ты знаешь, где Соколова живет?

— Галя? Вожатая наша? Она возле райсовета живет, конечно, знаю, — похвалился Ленька. — Я к ней сколько раз ходил. А в прошлом году даже...

— Подожди! Подожди! — перебил его Николай. — Ты вот лучше сбегай сейчас, пожалуйста, к ней и попроси «Справочник машиностроителя». Запомнишь название? Скажи, для меня, мол, на час, а потом принесешь обратно.

— Коль, а у нас же есть этот справочник, — поспешил обрадовать брата Ленька. — Он у папы на полке стоит, в шкафу. Я сегодня его видел.

— Да? Разве есть? — удивился Николай, и в голосе его почему-то прозвучало сожаление. — Впрочем... Знаешь что: это не тот, ты все равно сходи. А когда будешь уходить от нее, то спроси, ну как бы между прочим, почему она не была сегодня в училище. Ладно?

— Ладно, я быстро! — пообещал Ленька, надевая пальто.

— Только смотри между прочим, а не сразу, — еще раз предупредил Николай подчеркнуто серьезно. — Ведь это не для меня, а просто так... В училище интересовались.

— Ладно! Ладно! — Ленька моментально исчез из комнаты.

Оставшись один, Николай подошел к книжному шкафу и машинально достал учебник «Токарь по металлу». От нечего делать он вновь взглянул на Галкину записку и, не перечитывая, сунул обратно.

«Откуда она взяла, что я сержусь? Вот чудачка!»

Николай стал перелистывать страницы учебника, хотя особой необходимости в этом не было. Домашних заданий им сегодня не давали, а заниматься просто так Николай не любил да и не умел. Правда, Борис Николаевич советовал повторить все пройденное по обработке цилиндрических деталей, но Николай на зубок знал первую половину учебника и поэтому просматривал сейчас вторую, незнакомую.

Потом он вдруг вспомнил, что стал курить, и вынул из кармана папиросу. Зажег спичку и вышел в коридор, как это делал обычно Петр Иванович.

В квартире стояла непривычная дневная тишина. Коридор напоминал покинутую солдатами казарму. Большинство жильцов на работе, остальные во главе с Ниной Семеновной — на кухне.

«Центр мирового общественного мнения» — вспомнил Николай слова отца. Так Петр Иванович шутя называл Нину Семеновну.

«Отца? — Николай грустно улыбнулся. — Но какой же он отец? Только по метрикам. А на самом деле...»

Папироса потухла, и Николай не стал ее больше прикуривать. Откровенно говоря, его вовсе и не тянуло к курению.

Он вернулся в комнату и опять сел за учебник.

«Интересно, что скажет Ленька?» — подумал он и удивился: а почему он все время вспоминает о Галке? Разве из-за записки? Нет, это началось, пожалуй, раньше...

Николай вспомнил, что у Галки тоже нет отца и даже мамы нет. Кажется, они погибли в войну. Но почему-то у нее, у Галки, все просто. Ведь она вот и не переживает, не волнуется так, как он. И в школе она училась спокойно, и сейчас, в училище. А может быть, переживает, но не показывает вида. Значит, у нее крепче характер, хотя она и девчонка. А ей куда труднее, чем ему, — одна бабушка, и больше никого!

Сейчас Николаю очень хотелось бы что-нибудь сделать для Соколовой по-настоящему хорошее, как-то помочь. Но как? И стыдно: ребята узнают, что он с девчонкой водится, засмеют! И все же хочется...

Николай захлопнул учебник, мечтательно потянулся и подошел к окну.

Ровные снежные полосы легли на наружные рамы, и казалось, окно от этого стало более массивным и прочным. А снегопад еще продолжался.

«Красиво, — подумал Николай. — Красиво, когда зима. Наверно, Галка могла бы нарисовать все это — и снег, и крыши, и завод вдали, и наш двор...»

Неожиданно стукнула входная дверь, и на пороге появился Ленька.

— Ну что? — поинтересовался Николай и, заметив, что Ленька вернулся с пустыми руками, спросил: — Принес?

— Да нет, дома ее нет, — доложил Ленька, вытирая кулаком мокрые от снега брови. — Соседка говорит, у нее бабушка заболела, ее куда-то в больницу повезли. И Галя с ней поехала... Если бы чуть раньше, я застал

бы. Они только что уехали... А ты уже сделал уроки? — спросил он, увидев на столе закрытый учебник. — Как же теперь со справочником? Может, в библиотеке взять? А?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

„МОЛНИЯ“

Последний вопрос был задан Ленькой вовсе не из праздного любопытства и даже не из желания посочувствовать Николаю, оставшемуся без «Справочника машиностроителя».

Чём больше не давалась Леньке разгадка злополучного секрета, тем более тонкие и мудрые планы рождались в его голове. Ведь не такой он человек в конце концов, чтобы останавливаться на полпути, а особенно сейчас, когда разгадка, может быть, находится совсем рядом, в ящичке шкафа, а уда брат положил что-то блестящее и явно загадочное.

«Коля, конечно, пойдет в библиотеку за справочником, — решил Ленька, — а я пока посмотрю».

Но Николай почему-то не ответил на Ленькин вопрос, а просто взял какую-то книгу и стал читать. Леньке ничего не оставалось делать, как последовать примеру брата и тоже взяться за прерванного «Петьку Дёрова».

Книжка снова захватила Леньку, и Николай теперь не отвлекал его от чтения.

Вернулись родители: сначала отец, чуть позже — мать. Они были приятно удивлены, застав дома такую картину мира и согласия между братьями.

Вечер у Леньки прошел в томительном ожидании.

— А вы в кино сегодня не пойдете? — спросил он у матери, окончательно убедившись, что одному ему сегодня дома не суждено остаться. Раньше бывали случаи, когда родители уходили по вечерам в кино и брали с собой Николая, но теперь все равно поздно. Разве только на последний сеанс? Да и не уйдет Коля в кино. Он теперь никуда не ходит с родителями. А все же вдруг?

Ленька хорошо знал, что кино — мамина слабость. Она готова была идти в кино когда угодно, а не только по воскресеньям, как папа.

Но сегодня мама явно не хотела никуда уходить.

— Какое кино, сынок? — удивилась она. — Скоро вам спать пора, да и нам с папой надо отдохнуть.

— Сейчас и билеты не достанешь, — вмешался в разговор Петр Иванович, но Ленька понял его ответ по-своему: если бы даже билеты лежали у родителей в кармане, все равно они не пошли бы сегодня в кино. Уж раз мама не хочет, то не пошли бы!

Мария Михайловна раскрыла газету, но тут же оторвалась от нее.

— А знаете, — сказала вдруг она, — я сегодня видела Галю Соколову.

Ленька сразу же насторожился: он не любил, когда родители встречали кого-нибудь из его школы — учительницу например. Леньке почему-то казалось, что на него обязательно будут жаловаться.

Но на этот раз одновременно насторожился и Николай.

— Ну и что? — спросил он.

— Да ничего. Просто я была у них по вызову. Бабушка Галина заболела, — объяснила Мария Михайловна.

— Ну вот! Я же говорил тебе, что заболела! — воскликнул Ленька, обращаясь к Николаю. Он уже готов

был вспомнить, что бегал сегодня к вожатой за справочником.

Но Николай, словно почувствовал это, перебил:

— А что с ней? С бабушкой?

— Пока не знаю,— неопределенно сказала Мария Михайловна.— Надо сделать ей исследование, проверить состояние здоровья. Я направила ее в Институт рентгенологии... А Галя мне ваша понравилась,— добавила она.— Она рисует хорошо и вообще очень серьезная девочка. Ведь ты ее знаешь? — спросила Мария Михайловна у Николая.

— Знаю,— коротко ответил Николай.— Она хорошо учится: и в школе раньше, и в училище у нас...

Мария Михайловна почувствовала, что старший сын не очень охотно говорил о Гале и будто даже немного смутился.

Только Леньке было не до тонкостей.

«Галя Галей,— решил он,— а одному мне сегодня не остаться. Значит, ничего я не узнаю».

Утро следующего, субботнего, дня тоже не принесло Леньке радости. После ухода отца и Николая у него оставалось до школы всего пять минут. Но эти пять минут Ленька был окружен маминой заботой. В довершение всего Мария Михайловна на прощание «обрадовала» сына: мол, она не пойдет сейчас в поликлинику.

— У меня сегодня вечернее дежурство, так что днем будем, сынок, вместе,— сказала она.— Возвращайся скорее. А я пока постираю...

«Значит, и после школы не удастся»,— решил Ленька и, сказав матери: «Вот и хорошо», побежал в школу.

«Мысли родятся в дороге»,— говорит пословица, и, пожалуй, если бы Ленька знал ее, то он имел бы полную возможность убедиться в народной мудрости.

Именно по дороге в школу Ленька и принял такое решение, которое, по его замыслу, должно было окончательно раскрыть секрет загадочных букв.

Правда, его замысел требовал небольшого нарушения распорядка дня школьника, но на сей раз и это не смутило Леньку. По возвращении из школы он отказался от положенного отдыха и, пообедав, без промедления засел за уроки. Их оказалось как назло мало, и уже в два часа Ленька был свободен.

«Впереди еще целый час,— размышлял он,— раньше трех никак нельзя».

Ленька попытался читать. Но, прочитав страницу книги, он понял, что думает о другом и поэтому ничего не понимает из прочитанного. Тогда он стал просто смотреть на часы, но и это занятие показалось ему скучным — стрелки часов словно совсем остановились.

— Мама, можно мне к Перегудову сходить, к Саше? — наконец спросил Ленька, так и не дождавшись трех часов. — Надо уроки ему объяснить, я обещал.

«Пойду медленно,— решил он,— по улице пока похожу, а ровно в три...»

— Раз обещал, сходи,— разрешила Мария Михайловна. — Только тебе погулять бы надо. Seriously. Смотри, какая погода хорошая!

— А мы и погуляем,— пообещал Ленька. — Я объясню ему, а потом мы будем у них во дворе. Там тоже гора есть...

На самом деле в правдоподобность сказанного Ленькой можно было верить до тех пор, пока он не дошел до бани. Отсюда Ленька, вместо того чтобы свернуть налево, к дому приятеля, продолжал как ни в чем не бывало путь дальше.

И вдруг опять непредвиденное. Не успел он подойти к одному из первых заводских корпусов, как столкнулся лицом к лицу с Николаем.

— Ты куда? — спросил тот.

Ленька до того растерялся, что не ответил даже на вопрос.

— А ты? — выдавил наконец он из себя и тут, заметив на лице брата не меньшую растерянность, спросил уже смелее: — А почему ты на экскурсию не поехал? Ты же говорил...

И верно, уходя в училище, Николай сказал, что сразу после занятий, в три часа, они поедут на строительную выставку, и поэтому он немного задержится.

Николай, видно, тоже оправился от неожиданности, и ответ его прозвучал куда уверенней.

— Потому я и спешу, что мы сейчас поедem. Надо успеть быстро сбежать, — пробасил он.

— Куда?

— Куда? Да... к приятелю одному, здесь близко... Позвать его тоже на экскурсию.

— А-а... — протянул Ленька, довольный, что его план не срывается. — Я тоже к приятелю, — сказал он, чтобы не возбудить у Николая никаких сомнений относительно цели своей прогулки. — Уроки объяснить...

Теперь Ленька уже пожалел, что поторопился и вышел из дому раньше трех часов. Но ничего не поделаешь! Пришлось зайти в подъезд бани и ждать.

Прошло минут десять, а может, пятнадцать, прежде чем Ленька увидел сквозь теплое, незамерзающее стекло банного подъезда бежавшего в обратную сторону брата. Николай вроде пробежал один: во всяком случае, Ленька не заметил рядом с ним никакого приятеля.

Переждав еще несколько минут, Ленька вышел из своего укрытия, прошелся для порядка несколько раз в противоположную сторону и обратно и потом решительным шагом направился вперед, вдоль завода.

Вот он миновал последний, самый большой заводской корпус, свернул налево. Еще несколько минут, и Ленька будет на месте.

Вдруг он остановился — вдали, прямо у дверей училища, стоял автобус, и это означало, что ремесленники еще не уехали.

«Эх, опять рано! Надо ждать, а то все пропадет», — решил Ленька и, сделав полный поворот, скрылся в запорошенном снегом скверике, в стороне от дороги. Теперь позиция у него была удобная: ему видно все, его не увидит никто.

Опасность миновала быстрее, чем этого ждал Ленька. Не успел он стряхнуть снег со скамейки, чтобы сесть и лучше замаскироваться, из-за угла дома выехал автобус и, пустив в морозный воздух теплое газовое облачко, покотил в противоположную сторону.

«Значит, уехали, — решил Ленька. — Ну, теперь, можно...»

Облегченно вздохнув, он направился к училищу.

— Вы по какому делу, молодой человек? — спросил его в вестибюле старичок сторож и, не ожидая ответа, добавил: — Небось насчет приема?

— Нет! Что вы! Я не за этим, дедушка, — объяснил Ленька, — я к брату, он здесь учится. Ласточкин Коля, может, знаете?

— Да где же мне всех-то знать! Почти тысяча человек у нас учится. Ты проходи, проходи, не стесняйся. Он в какой группе, твой брат-то?

— В группе? — удивился Ленька. — Он на токаря учится...

— Тогда вот тут, на первом этаже смотри. Они, токаря, все время здесь, внизу.

— Спасибо, дедушка, — поблагодарил Ленька, сняв шапку и стряхивая ею снег с валенок.

— Аким, — подсказал сторож.

— Что? — не понял Ленька.

— Аким, говорю, именуют меня.

— Спасибо, дедушка Аким!

— Ну вот и хорошо. Проходи теперь, — разрешил польщенный его вежливостью старик.

Ленька никогда раньше не бывал в ремесленном. Но ему казалось, что здесь должно быть все необыкновенное и уж, конечно, не похожее на школу. Но, очутившись сейчас в пустынном коридоре первого этажа, Ленька не увидел ничего необычного. И коридор, и портреты на стенах, и двери классов — все было знакомо, все напоминало обыкновенную школу.

«Наверное, здесь тоже была когда-то школа», — решил Ленька и стал читать надписи на дверях классов. Надписи были немного другие — вместо привычных, коротких 3«А», 4«Б», 5«Г» — непонятные, длинные: «Кабинет слесарных профессий», «Кабинет общей технологии металлов», «Кабинет технической механики»... Они чем-то напомнили Леньке строки из учебника «Токарь по металлу».

«Этого тоже нет в школе, — подумал Ленька, заметив возле окон длинные массивные скамейки. — Наверное, сами ребята сделали».

Он прошел почти весь коридор, но заглянуть ни в один из кабинетов не решился. Всюду стояла тишина, и она смущала Леньку: «Может быть, там занимаются».

Какой-то особенный запах стоял в стенах училища. Ленька сразу почувствовал его. Этот запах даже казался ему знакомым. Но откуда? Вспомнить Ленька не мог.

И вдруг он сообразил, что это запах завода, машин, металла, масел, тот самый рабочий, давно знакомый и приятный запах, который приносит каждый день домой отец, а теперь и брат.

Это маленькое открытие почему-то обрадовало Леньку и напомнило ему о цели прихода в училище.

«Где-нибудь здесь и есть это ТВС, не может быть, чтобы я не заметил», — успокаивал он себя, подходя к противоположному концу коридора.

Наискосок от последней двери Ленька увидел проход и свернул в него. Уже не деревянный, а каменный, чуть покатый пол вывел Леньку из коридора, и вот...

Первое, что он увидел, была огромная, словно небо, стеклянная крыша, которая находилась над его головой, много-много света и какого-то необыкновенного простора. Ленька взглянул вниз и сразу узнал, а вернее, почувствовал, что перед ним настоящий завод — именно таким он представлял себе его, хотя сам не был ни на одном заводе.

Это было просто здорово! С детства он привык слышать рассказы отца о заводе, но всерьез никогда не прислушивался к ним. И вот теперь он сам видит завод...

Он вспомнил Николая, но на этот раз почему-то не с гордостью, а с сожалением. Все, что рассказывал ему Николай о станках, о работе токаря и вообще о ремесленниках, показалось ему не таким интересным, как то, что он увидел сейчас.

Неужели и Коля работает здесь? Неужели здесь работают такие же, как его брат, ребята? И Галя, их вожатая, тоже? Ведь здесь все по-настоящему. Значит, они не просто ученики, а настоящие рабочие!

Словно боясь нарушить стоявшую здесь тишину, Ленька медленно шел по левой стороне бесконечно длинного цеха. По одну сторону от него были какие-то двери и окошечки, деловито прорезавшие серые, уходящие под потолок стены. На них висели длинные и потому казавшиеся узкими листы белой бумаги с вы-

веденными на них чернильного цвета столбцами фамилий и цифр. С другой стороны за стеклянными перегородками стояли станки. Станков было так много, что если бы Ленька и попытался пересчитать их, у него не хватило бы терпения. Но он не считал, а просто смотрел на станки, и ему казалось, что вот его руки прикасаются к их прохладной, гладкой металлической поверхности, а пальцы нажимают на кнопки управления...

Станки сейчас молчали, и около них никого не было. Но именно это и привлекало Леньку — никто не мешал ему совершать рейс по цеху и воображать себя в роли токаря, делающего невесть какие важные и необыкновенно интересные детали.

Наконец Ленька не выдержал и подошел к одному из станков. Он показался ему таким большим, что трудно было представить, как же на нем работают люди. Но ведь они работают! И станок, эта огромная машина, слушается их. И если он, Ленька, встанет за станок, то станок будет слушаться его!

Вот это да! У Леньки даже дух захватило.

— Ну как, гражданин хороший, интересно?

Нежданно-негаданно чей-то голос прервал его размышления. Ленька вздрогнул и обернулся.

— Интересно,— сказал он стоявшему перед ним лысому человеку в промасленном рабочем пиджаке и вдруг увидел рядом с ним еще одного.— Это вы?

Ленька не поверил своим глазам. Рядом с лысым человеком стоял писатель, тот самый писатель, который был у них в школе. Даже черная шапка была у него в руке, словно он и не расставался с ней с того дня.

— А ты знаешь меня? — Писатель, кажется, удивился не меньше Леньки.— Разве ты читал мои книжки?

— Да нет, не читал! — простодушно объяснил Ленька. — Вы про мамонтов нам рассказывали в школе у нас, помните?

— А! — улыбнулся писатель. — Как же! Как же! Помню! Ну и задали вы мне тогда задачу с этими мамонтами!

— Вы что же, и про мамонтов пишете? — не без удивления спросил писателя лысый человек.

— Что вы! Какие там мамонты! — сказал писатель. — Просто меня вот эти мамонты вопросами забросали, когда я в школе у них был! — и он показал на Леньку.

Лысый человек тоже улыбнулся и взглянул на Леньку:

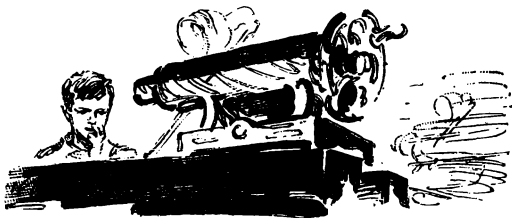
— Ну а ты, мамонт, что ж это, с позволения сказать, в порядке экскурсии здесь или так, сам по себе? В рабочий класс метишь?

— Сам, — ответил Ленька. — Нельзя?

— Почему ж нельзя, гражданин хороший? Секретов не держим, любуйся, присматривайся к делу, это, знаешь, всегда на пользу. Кстати, где-то я тебя вроде и видел...

— Да я... У меня брат здесь, он на токаря учится...— попытался объяснить Ленька.— Так вот я хотел... Ласточкин его фамилия...

— А, ну тогда понятно... Как же, сын Петра Ивановича! Знаю! И братца твоего знаю, гордый паренек. Только ведь сейчас ты его не встретишь. Уехали они. На экскурсию.

Ленька обрадовался такому повороту разговора и поэтому уже чуть смелее спросил:

— А скажите, можно сюда всем классом на экскурсию прийти?

— А почему бы нет! К нам много школьников приходит, сызмальства интересуются, как и что...

— Спасибо! — поблагодарил Ленька.— Я Людмиле Васильевне скажу. Или Гале, вожатой нашей. Она тоже здесь учится. Тогда мы придем... Ну а сейчас я пойду, раз Коли нет.— Он уже собрался было идти, но тут вспомнил: — Товарищ писатель, а вы здесь тоже выступали?

— Нет, я не выступал,— ответил писатель.— Просто вот хожу, интересуюсь, может быть, книжку напишу про ремесленников. Как ты думаешь, стоит?

Ленька пожал плечами.

— Не знаю... А про брата моего Колю вы тоже можете написать? Раз он ремесленник?

— И про Колю могу, если вообще книжка получится,— сказал писатель.

Ленька решил больше не задерживаться.

— Я пойду! — сказал он. — До свиданья! — И заторопился к выходу.

Писатель и лысый человек пошли в противоположную сторону.

«Интересно! Даже писатель сюда пришел!.. И книжку будет писать... А этот, второй, не прогнал... Говорит: «Секретов не держим», — размышлял Ленька. — А брат держит... Почему? Неужели так и не узнаю...»

Убедившись, что мысли его опять идут по неправильному пути, Ленька попытался отделаться от них и случайно взглянул на какой-то лист бумаги, висевший на стене.

«Молния», — прочел он заголовок. — Что такое «молния»?»

Ленька подошел вплотную к стене и стал читать остальные, написанные более мелкими буквами слова.

«17 декабря с. г. во время выполнения I группой «А» задания по комплексным работам во втором токарном пролете у учащегося Мирошниченко, — прочел Ленька, — пропала заготовка валика коробки скоростей. Обнаружить испорченную деталь пока не удалось. На вопросы мастера производственного обучения В. С. Неводова никто из учащихся не признался в порче детали и ее местонахождении. Товарищи ремесленники! Боритесь за честность в стенах училища!»

Ленька ничего не понял и еще раз прочитал плакат.

И вдруг его осенило:

«А что, если это Коля? И деталь эту самую он испортил?.. Неводов. Где-то я слышал эту фамилию...»

Ленька вспомнил, как вчера Николай спрятал в шкаф что-то блестящее.

«Может, это и есть та самая деталь? Надо скорей идти домой и посмотреть», — решил он.

И вот Ленька уже на улице, вот он миновал заводские корпуса, баню, дом Саши Перегудова, магазин, сквер, вот влетел в свой подъезд.

Не заметив удивленного взгляда матери, видя перед собой только заветный ящик шкафа, Ленька распахнул дверцу, ту самую, что вчера открывал Николай, и заглянул внутрь. Там стояли и лежали книги, но ничего блестящего, металлического, похожего на то, что искал Ленька, не было.

— Нет, — неопределенно произнес Ленька, и Мария Михайловна, решив, что это относится к Саше Перегудову, постаралась утешить сына:

— Ну, нет и нет... Пойди погуляй... Чего-чего, а ребят во дворе много.

Теперь Ленька вообще ничего не понимал. Все — и нерассекреченный секрет ТВС, и что-то явно спрятанное Николаем в шкаф и сегодня исчезнувшее, и, наконец, эта только что прочитанная в училище «молния» окончательно завели Ленькины мысли в тупик. Вернее, никаких мыслей сейчас у Леньки не было: ни думать, ни догадываться о чем-либо он больше не мог. Слишком все это было сложно!

Поэтому и неважно, может быть, что Ленька не знал одной маленькой подробности: «молния», вывешенная сегодня в училище, была написана рукой учащегося I группы «А» Николая Ласточкина.

Ленька выбежал во двор и направился к горке.

Горка была деревянная, примитивная, сбита как дворовым водопроводчиком и залитая водой. Ее соорудили с наступлением зимы ежегодно под непо-

средственным наблюдением управдома как живое свидетельство заботы о детях.

И действительно, горка вполне устраивала и управдома и ребят. Управдом имел возможность сообщать в райсовет о создании во дворе детской площадки, а ребята с удовольствием протирали на горке обувь и одежду. С горки спускались на санках, на ногах, на животах — как угодно.

И сейчас здесь было полно ребят, как всегда растерзанных, взъерошенных и уж конечно с головы до ног в снегу.

Мальчишеский галдеж, похрустывание снега под ногами, скрип ребячьих санок развеселили Леньку. Он моментально забыл все свои неудачи.

Когда Ленька вернулся домой, на улице начало темнеть. Мария Михайловна услышала стук открывшейся двери, вытянула пальцы из сбитого для домашней лапши теста и, поправив запястьем руки волосы, улыбнулась сыну:

— А, это ты, сынок? Я думала, Коля. Ну, хорошо погулял? Папа с Колей скоро придут, тогда сядем за стол. А пока раздевайся.

— Я есть, знаешь, как хочу! — признался Ленька. — А разве Коля скоро? Он ведь на экскурсии.

— Да нет, он забегал, говорил, что не очень долго, — объяснила Мария Михайловна. — Надо уж подождать его. Потерпи.

— Забегал? Перед экскурсией? — не понял Ленька. «Значит, он не за товарищем бегал, когда я встретил его!»

— Ну да, перед экскурсией, без четверти, что ли, три или без двадцати. А что? — удивилась Мария Михайловна.

— Ага! Тогда понятно, — пробурчал Ленька, натягивая только что снятую шапку, и вдруг спохватил-

ся: — Да нет, ничего... Мама, а я схожу еще раз к Перегудову, можно? — умоляющим голосом попросил он. — Сейчас Саша, наверно, вернулся, а мне ему очень-очень объяснить надо уроки. Ладно?

— К Саше? — в голосе Марии Михайловны послышалось сомнение. — Ну, сходи, если надо... Но я что-то не пойму. Seriously. Ты же только что вернулся и никуда вроде не собирался, говорил, есть кочешь. И вдруг сразу...

— Я забыл, а сейчас вспомнил. Ну можно, мамочка? Я быстро-быстро вернусь.

— Станный вы у меня народ, — с огорчением сказала Мария Михайловна. — Носятся куда-то, все что-то скрывают... Ох, ну иди, иди... Только чтобы быстро. Слышишь? Отец вот-вот придет и Коля, так чтобы нам тебя еще не ждать. А то мне потом на работу идти.

— Ну, конечно, быстро! — воскликнула Ленька и выбежал из комнаты.

На улице почти совсем стемнело. Зимний вечер наступает быстро. Только еще было светло, и вот уже надо зажигать уличные фонари, освещать витрины магазинов, включать свет в автобусах и троллейбусах. И все это тоже происходит моментально, как по маagicной волшебной палочки.

Ленька мчался по улице с такой скоростью, что, казалось, только чудо спасало его от столкновений с прохожими. Теперь он прекрасно понимал пусть не секрет злополучных букв, зато нечто более важное и серьезное, и, главное, теперь он знал, что ему делать.

Чувство обиды за брата вызывало у Леньки и злость и горечь. Как он, только что рассказывавший Леньке об училище, о своей профессии, о своей работе, мог так поступить?

«Ну, испортил, и что же! Сказал бы, ведь наверняка его простили бы! А он? Стадил новую, а испорченную

принес домой, спрятал, а теперь и совсем выбросил куда-то, чтобы никто не нашел».

Да, теперь Ленька знал, что делать. Он придет сейчас в училище и сам про все расскажет кому угодно, хотя бы и тому лысому человеку, которого он встретил. А если там есть писатель, то ему. Пусть напишет обо всем в книжке!

Но почему-то по мере приближения к училищу Ленькина решительность заметно угасала. Он вспомнил Павлика Морозова, вспомнил, чтобы подогреть себя, а вышло наоборот — убедился, что пример не совсем подходит. Там был отец, там были враги, а здесь... Все же Николай — брат его, да и не враг он, а просто...

Ленька попытался вспомнить другие примеры, но оказалось, что их нет. Может, и есть, но Ленька их не знал. И вообще ему уже не хотелось жаловаться.

«Что я, ябеда какая-нибудь? — думал он. — А если все не так? Если я зря... Да и все равно: кто меня просит? Пришел, скажут, сам и наболтал, наябедничал на брата. А Коля? Что он подумает?..»

Сомнения мучили Леньку, а ноги пока еще гнали его вперед, к училищу. И хотя, подойдя к знакомой двери и взглянув на много раз изученную вывеску с номером училища, Ленька уже не очень ясно понимал цель своего визита, он взялся за дверную ручку и открыл дверь.

Старичка сторожа на месте не оказалось, но и это обстоятельство не обрадовало Леньку.

«Как его зовут? Дед Аким, кажется, — подумал он. — Если бы он был сейчас, можно было бы его спросить, узнать, не видел ли он Колю. А может, самого Колю лучше спросить?»

Ленька на минуту остановился, но ничего не придумал. Он шмыгнул в коридор первого этажа, по кото-

рому только что проходил, и нерешительно двинулся к цеху. Вот наконец последний кабинет, поворот налево. Ленька свернул в проход с покатым каменным полом, сделал несколько шагов и вдруг — что за чудеса! — неожиданно столкнулся прямо с Николаем.

— Ты здесь? — спросил Николай. — Зачем?

— Да, — сказал Ленька, не зная, что ответить.

Братья одновременно ахнули и, потеряв на мгновение способность выражать свое удивление словами, молча стояли друг против друга.

Ленька не знал, что чувствовал Николай в эту минуту, но он сам, взглянув на брата, вдруг сразу обрел прежнюю решительность. Может быть, впервые он готов был показать свое превосходство над Николаем.

— А тебе какое дело? Пришел, нужно мне, — сказал он вызывающим тоном и сразу же понял правильность занятой позиции.

— По какому делу?

Вопрос, заданный Николаем, выражал явную озадаченность.

Но Ленька не почувствовал этого и решил говорить начистоту.

— А я знаю, кто испортил деталь, все знаю, — сказал он не без ехидства. — Вот пойду сейчас к этому, как его, Неводову и все расскажу, — добавил он, вспомнив упоминавшуюся в «молнии» фамилию мастера.

Только тут Ленька сообразил, что фамилию Неводов он не только прочел в «молнии», но и слышал, кажется, от отца. Он даже хотел было добавить, что Неводов расскажет все папе, но промолчал.

— Подожди, подожди! — радостно перебил его Николай. — Никуда ходить не надо. Испорченная деталь уже нашлась. А откуда ты обо всем знаешь? — поинтересовался он.

— Да так, знаю,— неопределенно сказал Ленька, не решив еще, в каком тоне продолжать разговор. И наконец добавил: — Я уже был здесь у вас, в училище... На экскурсии...

— А деталь правда нашлась,— сказал Николай.— Так что ты не беспокойся...

— Как? Не может быть! Значит...

— Она уже здесь, в цехе! Честное слово! — подтвердил Николай.— И никуда ходить тебе поэтому не надо. Правда.

То ли ласковый тон старшего брата, то ли отпавшее подозрение так обрадовало Леньку, что он готов был сейчас же обнять Николая и закричать на все училище «ура».

Но, посчитав, видимо, что то и другое выглядело бы по-мальчишески, Ленька ограничился более скромным выражением своей радости:

— А я-то думал... Коль, а ведь это здорово, правда?

Они вышли из училища вместе. Ленька почему-то уже не думал, каким образом брат после экскурсии оказался в училище и кто нашел испорченную деталь. Во всяком случае, ни по дороге, ни потом дома он не спросил Николая об этом. Забыл он и о секрете трех букв, и о встрече с писателем.

Николай тоже не спросил Леньку, откуда он все же знает, что произошло с деталью, хотя этот вопрос не выходил у него из головы. И почему он, Ленька, приходил в училище на экскурсию? Вроде никаких экскурсий в последнее время не было у них.

«Спросишь, а потом сам все объясняй,— решил он,— и так хорошо, что все обошлось...»

— Ты знаешь что? — сказал вдруг Николай, когда они подходили к дому.— Завтра воскресенье. С утра у меня одно дело есть, а потом начну тебе самокат делать.

— А подписчик второй как же? — обрадовался Ленька, даже не подумав о том, что сейчас, зимой, самокат ему не так уж и нужен.

— Пока начну так, а потом достану у кого-нибудь. Подписчиков у ребят полно. Или со старого своего самоката сниму, если не заржавел.

Судя по всему, старший брат сейчас был в хорошем настроении.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ИСПЫТАНИЕ

Галя, окончательно обессиленная, устало присела на краешек дивана. В сущности, она не знала, зачем пришла сюда, в кабинет заместителя директора. За два дня пребывания в институте она переговорила и с рентгенологом, и с главным врачом, и с хирургами...

Все произошло неожиданно. Еще несколько дней назад бабушка была дома. И вот на днях...

Утром Галя, как обычно, ушла на занятия в училище. Она думала о чем угодно, только не о том, что пришло сейчас.

В тот день Галю больше всего волновал предстоящий разговор с Колей, к которому она так готовилась, о котором столько передумала. Ей хотелось сказать ему, что он несправедлив к ней, что он почему-то избегает ее, а если и встречается, то бывает слишком груб. Может быть, она и не обращала бы на все это внимания, если бы... Она многое думала сказать. Думала, думала, но так ничего и не сказала. Струсил, просто струсила! А потом уже к концу занятий, когда поняла, что разговора не будет, написала ему записку.

Как он был удивлен, когда взял ее! А что, если он еще больше разозлился? Небось сказал про себя: «Дура, набитая дура!» — и только посмеялся над ней. Ну и что!

В тот день Галя была зла на себя, на свою глупость и вернулась домой в плохом настроении. Даже не заметила, что бабушка не приготовила ей поесть, не хлопотала, как всегда, вокруг стола. А потом бабушке стало еще хуже. Думали, плохо с сердцем — бабушка жаловалась, что колет в груди. Галя сбегала в поликлинику, вызвала врача. Телефона дома нет, а из автомата разве дозвонишься!

Вскоре пришел врач... Вернее, не просто врач, а Колина мама, Мария Михайловна. Она очень понравилась Гале.

Приехала «Скорая помощь», и уже одно это напугало Галю. Но тогда она все же не волновалась так, как позже, как сейчас... После рентгена бабушку выслушали и оставили здесь, в Институте рентгенологии.

Сидя теперь перед профессором Муратовым, Галя уже не плакала, а только беспрерывно подносила к лицу мокрый, словно холодный компресс, платок: то ли от слез, то ли еще от чего у нее неожиданно начался сильный насморк.

Ей было просто страшно уходить отсюда. Здесь, в институте, она чувствовала себя чуть-чуть спокойнее, хотя ничего не делала, а только, наверное, мешала всем. Казалось, стоит выйти за двери института, как все рухнет, и она потеряет не только надежду, но и единственного близкого человека.

Галя не помнила своих родителей. Четырнадцать лет из пятнадцати прожила она с Верой Ивановной — матерью своего отца, которого она знала только по фотографии да по рассказам бабушки. Отец ее пропал без вести в первый год войны, мать умерла от голода в

Ленинграде. Годовалую Галку вывезли из осажденного города на самолете в Горький, где ее и нашла Вера Ивановна. С тех пор они были вместе. Она даже называет Галю не внучкой, а по-матерински — доченькой. А вот теперь их впервые разлучили. Бабушка лежит сейчас где-то на третьем этаже, в палате, куда Галю не пускают.

— Скажите, доктор, а это страшно — операция? — спросила она уже в который раз, хотя заранее знала, что ей ответят.

Профессору Муратову, заместителю директора Института рентгенологии по научной части, не столько по должности своей, сколько по печальной необходимости приходилось вести разговоры с родственниками больных. Многие в институте почему-то считали, что только он, Муратов, умеет чутко открыть человеку правду о болезни близкого, но не убить этой правдой, а доказать необходимость операции, заставить поверить в нее, и не просто поверить, а поверить с надеждой. Они вряд ли понимали, как это ему трудно.

Муратов считался одним из крупнейших специалистов в области онкологии — учении об опухолях. Но и перейдя на научную работу, он не бросил практики. Так уж повелось, что без него не проводилось в институте ни одно обследование наиболее тяжелых больных и при установлении диагноза его слово было решающим. Именно к Муратову, казалось, относилась старая латинская пословица: «Кто хорошо диагностирует — тот хорошо лечит».

— Я понимаю, деточка, ваше волнение, — сказал Муратов, — но поверьте, что ничего страшного в операции нет. Это единственно правильное решение. Операция может спасти ей жизнь. Будем надеяться.

Пожалуй, никогда еще Муратову не было так трудно, как сейчас. Обычно ему приходилось разговари-

вать с пожилыми или в крайнем случае просто взрослыми людьми, пережившими немало несчастий и потрясений в жизни и потому способными легче выдержать еще одно, хотя, может быть, и самое тяжелое испытание. Он никогда не скрывал от них правды, как бы ни была она горька.

Но сейчас перед ним была девочка, по существу, еще совсем ребенок, которому он не мог сказать ничего, кроме главного: нужна операция. Может быть, именно поэтому он, старый профессор и просто старый человек, говорил сейчас с Галей на «вы». Это «вы» было единственным возможным предупреждением серьезности предстоящей операции.

— Я завтра приду, — сказала Галя, поднимаясь с дивана, и Муратов не смог возразить ей. Он чувствовал, что не сумеет отговорить Галю, хотя знал, что операция будет трудной и займет много времени. Родственникам больного находиться в институте в день операции обычно не разрешалось.

— Постарайтесь отдохнуть, — посоветовал Муратов, протягивая Гале руку. — Вам необходимо выспаться. Давайте надеяться, что все будет хорошо.

На следующее утро Галя пришла в клинику за час до начала операции.

Клиника помещалась в одном здании с институтом, но вход в нее был не с улицы, а со двора. Высокая, обитая черной клеенкой, туго открывающаяся дверь никак не гармонировала со старым деревянным крылечком, которое напоминало деталь картины «Московский дворик». Дверь была слишком нова, а дом слишком стар.

Галя уже знала многих врачей, сестер и нянечек и даже с теми из них, с кем ей не приходилось разговаривать в эти дни, здоровалась. Вернее, просто кланялась кивком головы, немного грустно, как это обычно бывает при встрече с людьми, которым уже не надо

рассказывать о том, кто ты и зачем сюда пришла. Они отвечали ей взглядом, как отвечают старым знакомым, ни о чем не спрашивая, не стараясь успокоить и вселить в ее душу уверенность в благополучном исходе операции. Все это было не нужно, и в первую очередь самой Гале: чем чаще бы ее успокаивали, тем больше бы она волновалась...

Чтобы никого не смущать своим присутствием, Галя тихо села на стул между дверью и питьевым бачком. Дверь скрывала ее от взоров входящих в коридор врачей и сестер.

Галя устала скрывать свое волнение от окружающих и не испытывала сейчас ничего, кроме страха. Но и понимая неизбежность операции, она все же ни на минуту не задумывалась о ее возможном исходе.

Главный хирург Лучинин, массивный и грузный, прошел из противоположного конца коридора к канцелярии, но, заметив Галю, остановился и направился в ее сторону.

— Здравствуй! Ты уже здесь, так рано? — спокойно, без тени упрека сказал он, здороваясь обеими руками. — Хочешь что-нибудь передать?

Они познакомились еще в пятницу.

— Да вот только письмо, Борис Алексеевич, если можно, конечно, — сказала Галя, протягивая Лучинину конверт.

— Я передам, — пообещал Лучинин.

Прошло еще несколько минут, и знакомая нянечка, дежурившая на третьем этаже, где находилась бабушкина палата, принесла ответ.

— Ну как? — спросила Галя, не разворачивая записки.

— Ничего, девочка. Просила кланяться.

— Она еще в палате?

— Да. Скоро пойдет в ванную купаться.

«Бабушка пишет так, словно ей не идти сейчас на операцию,— думала она, рассматривая неровные строчки, написанные карандашом второпях.— Правда, почерк какой-то не ее стал. Всегда аккуратный был».

Раньше Галя не раз удивлялась, как это бабушка умеет писать так ровно без линеек.

— В молодости чертежницей была, вот, доченька, и научилась,— объясняла Вера Ивановна с некоторой грустью.

Случилось так, что когда-то давно она сменила профессию на нелюбимую — стала бухгалтером. Так и проработала всю жизнь бухгалтером, пока не ушла два года назад на пенсию. Но и перестав работать, она почему-то сожалела о прежней профессии.

Часов у Гали не было. Долго ли осталось до двенадцати, она не знала. А может быть, уже двенадцать? От этой мысли ей стало не по себе, и она поднялась со стула в нерешительности, рассматривая белый питьевой бачок. Хотя бы Муратов появился! С ним не так страшно! Но Муратова не было. Если он и будет на операции, то, наверное, пройдет из клиники прямо третьим этажом...

Галя опять села — не было сил, чтобы стоять. А время шло и шло. Сколько же сейчас? Хоть бы кто-нибудь появился, прошел по коридору! Но всюду тишина, тишина... Только с улицы доносится шум, там идут люди... Почему идут? И идут, и едут, и сидят дома. Коля, наверно, дома сейчас, а сколько жителей в их городе? Жителей... «Жители» — какое слово хорошее. Жители живут. Как странно, что она думает сейчас об этом... Хотя почему странно? Нужно же о чем-то думать. А может быть, и Коля идет сейчас где-то по улице? Но нет, нужно думать о бабушке... Да, сколько же сейчас времени?

Она не заметила, как к ней подошла женщина в белом халате и такой же косынке, — она увидела только крупно-цветастое платье, выступавшее из-под ее халата, и удивилась такому яркому наряду.

— Нет, я лучше здесь побуду, — ответила Галя на ее вопрос, — мне лучше здесь. Ведь я никому не мешаю?

— А то, может быть, все-таки посидишь в канцелярии? — переспросила сестра. — Борис Алексеевич разрешил.

— Нет, нет, не беспокойтесь, — отказалась Галя. — Скажите, долго еще?

— Этого я не знаю, — призналась сестра. — Уже, кажется, начали.

— Начали? Когда же? А я думала...

— Сейчас тридцать пять первого, — взглянув на часы, объяснила сестра.

— Только, пожалуйста, скажите мне, когда все закончится.

— Обязательно, обязательно.

А время все идет и идет. Галя даже не чувствует, как оно идет, быстро или медленно. Она отгоняет от себя страшное видение: бабушка лежит на столе, покрытая чем-то белым... Нет, только не так! Это простыня, обыкновенная простыня — на операциях всегда так. Но почему так долго? Сколько же длится операция? Муратов ей ничего не сказал, не сказал и Лучинин, хотя она несколько раз спрашивала. «Как когда, в зависимости от сложности...» Но что это значит: долго или не очень долго? А час, наверное, прошел... А может, и нет. Просто кажется, что прошел. Ведь, когда ждешь, всегда кажется долго.

Ей захотелось плакать. Но слез не было. И плакать нельзя — ее могут попросить выйти, а она не может сейчас никуда уйти.

А Лучинин, значит, все-таки разрешил ей быть здесь, раз сказал про канцелярию. Но нет, туда она не пойдет. Там хуже. Там, наверное, есть люди, а здесь она одна и никому не мешает.

А может быть, она не одна? Как тихо кругом! Почему бы это? Может, потому, что сегодня воскресенье? Или здесь всегда так? Нет, раньше она просто не замечала... А сейчас операция — вот почему такая тишина. Значит, все думают об операции, о ее бабушке. Это просто она сидит одна, а вокруг все, и здесь и там, в училище, сейчас с ней вместе. Наверное, тоже волнуются. И только Коля, наверное, не волнуется. Да он и не знает даже, откуда ему знать!

Галя поймала себя на мысли, что теперь все чаще вспоминает о Коле. Почему? Или ей просто не хватает поддержки? Но он нужен ей, очень нужен сейчас, и не только сейчас, а всегда...

Но отчего все-таки ей страшно? Разве потому, что нет Коли? Надо не думать, совсем не думать... Тогда все будет хорошо. Или лучше наоборот? Кто же ей говорил, что когда много думаешь и беспокоишься, то всегда бывает наоборот? Но нет, она не может думать так. Ведь наоборот — это значит... Нет, нет... Только хорошо, хорошо. Иначе...

Почему-то никто не догадался подумать о часах. Всюду часы есть, даже там, у Яузских ворот, а здесь нет. Надо было взять у кого-нибудь ручные. Сколько же сейчас? Неужели еще не закончили!

Увидев сестру, Галя подбежала к ней:

— Ну как?

— Пока ничего... Пойдем-ка все же к нам в канцелярию, выпьешь чаю крепкого. А?

— Сколько сейчас времени?

— Скоро два. Пойдем.

Галя беспрекословно пошла за сестрой.

Чай она выпила с охотой и попросила еще. Уже два дня она ничего не брала в рот и только сейчас вспомнила об этом.

— Ну вот и хорошо, — сказала сестра, подавая ей стакан. — А то сидишь одна в коридоре, куда это годится.

Сестра, видно, не знала, как ей угодить, как успокоить, и сейчас была рада, что Галя приняла хотя бы чай.

Они еще о чем-то говорили, но больше молчали. На все вопросы сестра отвечала односложно.

В канцелярии были часы — они стояли на столе и чем-то напоминали шахматные. Галя пожалела: рядом с этими часами время шло еще медленнее. Там, в коридоре, было лучше — без часов, без времени, без мыслей...

— Не может быть, чтобы так долго, — не выдержала она, когда стрелки часов показали три, — ведь три часа. Вы, наверное, скрываете от меня что-нибудь? Скажите! — спросила она, глядя в глаза сестре. — Очень прошу...

— Зачем же мне что-то скрывать, милая? — ласково сказала та, неожиданно положив руку ей на голову и погладив ее по волосам, как маленькую. — Право, не надо тебе волноваться. Все идет, как должно быть. Иногда операция длится и дольше.

— Я уже больше не могу ждать... — в голосе Гали чувствовалась такая усталость, что она с трудом произносила каждое слово.

Стараясь представить себе, что происходит в эти минуты там, наверху, она вспомнила разговор, случайно услышанный несколько лет назад. Это было, кажется, в Ильинке, на даче, куда они ездили с бабушкой к какому-то ее дальнему родственнику — дяде Жене.

За чаем дядя Женя с увлечением рассказывал о своих последних операциях — он работал тогда хирургом в Боткинской больнице.

— И какой ты, право, бессердечный, — с шутливым укором говорила ему Вера Ивановна, — с какой легкостью ты рассказываешь о человеческих страданиях! Можно подумать, что вам, хирургам, доставляет удовольствие резать людей!

— Что поделывать! Такова уж наша профессия, Верочка. Руки так и чешутся — хочется зарезать кого-нибудь, — отшучивался дядя Женя.

И в ответ на вопрос кого-то из взрослых, что испытывает хирург при серьезной операции, дядя Женя сказал:

— Что испытывает? Как бы передать это состояние?.. Ну вот, допустим, представьте, что вы играете со мной серьезную партию в шахматы. От выигрыша этой партии зависит ваша жизнь. Только это надо серьезно представить. Не подумайте, что я шучу. И вот остается у вас один выход — играть. Иначе конец. С каким бы чувством вы играли при такой ситуации, что бы испытывали? Вот, пожалуй, и мы, хирурги, испытываем то же. А может, и больше. Ведь на операции от тебя зависит не твоя жизнь, а жизнь другого человека. А это всегда куда тяжелее. И как это ни парадоксально звучит, но бывают такие операции, во время которых хирург значительно больше теряет своих собственных сил и здоровья, чем дает оперируемому... Представьте себе! А в общем-то, передать все это трудно...

Галя никогда не думала, что ей придется вспомнить этот разговор. И вот вспомнила. Сейчас такая же операция. Операция, от которой зависит все: бабушкина и ее жизнь... Уже прошло почти три часа, а она ничего не знает, и никто, наверное, не знает. И вот сейчас мо-

жет открыться дверь — и все кончено. Ни надежд, ни волнений, ничего — пустота, такая же пустота, как в глазах... Неужели? Но хоть бы не сразу, не сейчас, пусть лучше еще идут часы, идут дни, и она будет ждать, ждать и надеяться... Только бы не сразу!

Галя отвернулась от пугавшей ее двери, которую она не видела, а скорее чувствовала, и вдруг поняла, что она одна. Вокруг никого не было, никого и ничего: ни сестры, ни стола, ни дивана, на котором она сидела, все крутилось в каком-то тумане, и стены, казалось, готовы были вот-вот обрушиться на ее голову, придавить, задушить. Она захотела крикнуть, но не смогла. Она почувствовала, как все рушится и она проваливается куда-то в страшную пропасть...

Первое, что увидела Галя, открыв глаза, — это два удивительно знакомых лица — мужское и женское, смотревших на нее. Она не поняла, что с ней, почему она лежит на твердой, покрытой клеенкой кушетке, и, смутившись, поправила расстегнутую гимнастерку.

Яркий свет резал глаза, все тело неприятно ныло, левая рука чесалась.

— Не надо расчесывать, это укол,— сказала сестра и отвела в сторону ее руку,— ну как, лучше?

— А я-то думал... А оказывается, вот вы какая,— услышала она знакомый голос.— Стыдно, деточка, стыдно! Бабушка оказалась куда большим молодцом.

Бабушка! Это слово молнией прорезало ее сознание.

— Что с ней? Как? — спросила Галя, чувствуя, как все тело покрывается холодными мурашками.

— Пока все более или менее благополучно,— спокойно сказал Муратов.— Но операция была тяжелая. Будем надеяться, что...

— А где она? Мне можно ее увидеть? Вы разрешите? — с надеждой спросила Галя. Она уже готова была вскочить на ноги и бежать наверх, туда, где лежит бабушка.

— Нет, этого делать нельзя. Две-три недели придется подождать, а там, если все будет протекать нормально, мы выпишем ее. Так что потерпите. Надо потерпеть,— объяснил Муратов.

— Ну вы расскажите, расскажите,— спохватилась Галя.— Ведь я так ничего и не знаю. Вы видели ее? Где она?

— Сейчас она в палате. Я был только на операции, а потом к ней дважды заходил Лучинин. Он и сюда заглядывал как раз, когда вы... В общем, бабушка просила вас поцеловать. Операция прошла удовлетворительно. Ну, конечно, слабость, в этом нет ничего удивительного. Сейчас она спит. Там сестра находится, так что она не одна. Вот, пожалуй, и все.

— Значит, операция окончилась давно? Сколько же сейчас? — удивилась Галя.

— Сейчас четверть шестого, а операция закончилась без пяти четыре.

— И я ничего не знала? Как же это...

— Ну это не беда. Вы просто, деточка, переволновались... Ну а потом задремали... Ничего страшного. Полежите, отдохните немного...

— Я, правда, полежу пока. Если можно, конечно... — сказала Галя, чувствуя, что у нее нет ни желания, ни сил двигаться.

— А вы, Надя, дайте ей аскорбиновки с глюкозой, — обратился Муратов к сестре. — Или чаю крепкого. Ведь вам, деточка, хочется пить?

Муратов вышел.

— Да, кстати, чуть не забыла, — спохватилась Надя, протягивая Гале стакан с какой-то жидкостью. — Здесь тобой брат интересовался. Только я что-то не поняла, ведь ты говорила вроде, что нет у тебя никого.

— Брат? — Галя даже поднялась с кушетки и села, держа в руках стакан. — Какой брат?

— Да мальчишечка какой-то, в шинельке, вроде тоже ремесленной. Говорит, брат. Про тебя спросил — здесь ли, мол, а потом про операцию, как прошла. Ты пей, пей. Ну, я ему объяснила, он и ушел тут же.

Галя выпила приятную кисло-сладкую жидкость и вернула сестре стакан.

— А давно он заходил? — спросила она, и в голосе ее уже прозвучало не столько удивление, сколько затаянная радость.

— Да, наверно, с час назад. Ты как раз уснула, вот мы и пожалели, не стали будить тебя. Только я не пойму, ежели он брат твой, так что ж он не знал про бабушку. С виду-то он, правда, такой симпатичный, скромный.

— Он двоюродный, — поспешила объяснить Галя. — Приехал только что, вот и... А я пойду сейчас. Мне уже хорошо совсем. А завтра утром я зайду. Ведь завтра,

наверно, уже можно будет записочку передать? И спасибо вам, большое спасибо за все!

Через несколько минут она, уже одетая, вышла во двор. На улице было темно и прохладно. Впереди над воротами в вихре снежинок покачивалась тусклая лампочка.

«Вот бы нарисовать,— подумала Галя.— Красиво. И дворик этот, и лампочка, и снег — словно в сказке».

Она сунула руки в карманы и направилась на улицу. Миновав поскрипывавшие от ветра ворота, Галя свернула налево и ускорила шаг. На улице было ветренее и холоднее.

Она не знала сейчас, куда и зачем торопится. Домой? Но дома никого нет... Можно было пойти в училище, но сегодня воскресенье. Или, может быть, к девочкам в общежитие?

«Сяду в троллейбус,— решила она,— а потом на метро...»

До троллейбусной остановки было всего несколько шагов, когда Галя услышала, что ее кто-то нагоняет. Она обернулась и вдруг увидела Ласточкина. Длинный, с поднятым воротником. Николай тоже остановился, не решаясь подойти к ней. Он курил, но Галя, кажется, не заметила этого.

— Здравствуй,— произнес он наконец чужим, осипшим голосом.— Это вот я...

Даже издали она почувствовала, что Николай весь дрожит. Она бросилась к нему, поскользнулась и чуть не упала. Николай кинул папиросу и неловко поддерживал ее — заочневшие руки не слушались.

— Я домой к тебе заходил, а потом вот... Ну, как там?..

Он не договорил.

Галя вскрикнула и невзначай ткнулась лицом ему в грудь:

— Ты не представляешь, как я рада, как я рада, что ты здесь!

Николай совершенно растерялся. Он ожидал чего угодно, только не этого.

— Ну не надо... Слышь, не надо. Успокойся! — забормотал он. — Неудобно, понимаешь, ну не реви! Вон люди смотрят! Ну успокойся... — Он с трудом отстранил от себя Галю. — Ты расскажи лучше, как там...

Они пошли по тротуару. Остановка осталась позади.

— Я так переволновалась за эти дни! Ведь случилось все неожиданно. Спасибо маме твоей: ведь это она устроила бабушку сюда. Здесь и врачи очень хорошие, и вообще все.

Теперь Галя уже не плакала и говорила спокойно.

Николай слушал молча. Ему хотелось взять Галку под руку, но он стеснялся и потому шел на некотором расстоянии от нее.

Миновав перекресток, они приближались к мосту. Николай с детства слышал название этого моста, но только недавно узнал, что здесь в годы революции был убит молодой рабочий и мост назван его именем. На мосту даже была мемориальная доска.

От небольшой, закованной в гранит речушки повеяло сыростью. Вода в ней не замерзала, и лишь вдоль гранитной набережной тянулись кромки льда.

— Тебе холодно, — спохватилась Галка. — Смотри, ты совсем продрог. Простудишься еще из-за меня.

— Да нет, что ты! Вовсе мне не холодно, — пробурчал он, боясь, как бы Галка не предложила ехать до метро в троллейбусе или на трамвае. — И почему из-за тебя? А ты знаешь, когда ты училась в женской школе, я тебя не встречал, — почему-то вспомнил он.

Они прошли по мосту и стали подниматься в гору. Позади осталась ярко освещенная громада высотного дома. Улица, которой они шли, казалась тихим полу-

темным переулком. В морозном воздухе бледно мерцали фонари, бросая тени на старые двух-трехэтажные домики. Здесь было довольно скользко, и Николай, сам поразившись своей смелости, взял Галку под руку.

Он вспомнил про ее записку и хотел было сказать: «Не сердись». Но вместо этого неожиданно признался:

— А ты думаешь, у меня дома все хорошо? Ведь у меня тоже отца нет! Я и в ремесленное потому пошел...

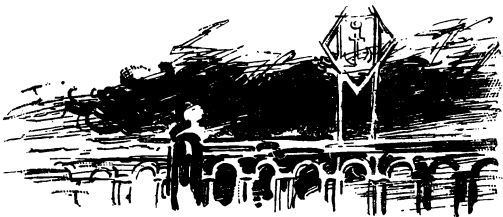
— Погоди, как нет? — поразилась Галка. — Что ты говоришь!

Почти машинально Николай полез в карман за папирсой, но Галка остановила его:

— Не надо, Коля! Зачем! Лучше расскажи мне...

— Нет, это правда, — сказал Николай, сжав рукой папиросу. Он никогда еще не испытывал ни к кому такого доверия и потому сейчас не мог ничего скрывать. — Понимаешь ли...

— Ну а разве он плохо относится к тебе? — спросила Галя, когда Николай рассказал ей все: и про разговор, услышанный на кухне, и про случайно найденное свидетельство.

Вопрос ее был настолько неожидан и прост, что Николай растерялся.

— Нет! Почему плохо?..

— А знаешь, Коля,— сказала она,— вот мне кажется... Может, я не понимаю... Главное то, как человек относится к тебе, а не то, кем он числится.

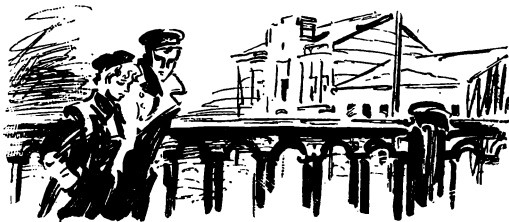
— Да, но они же скрыли от меня! — горячо возразил он. — И я ничего не знаю про настоящего своего отца!

— А может, и скрыли потому, что любят тебя, не хотят огорчать? Ведь может быть и так, правда? — сказала Галя. — Если бы твой настоящий отец был хорошим человеком, тебе, наверное, рассказали бы о нем. А если это не так...

— Не знаю, не знаю,— пробурчал Николай.

Он и действительно сейчас не знал, кто прав: сам он или Галя. Его больше поражало другое: как она просто говорит о том, что его мучило и мучает вот уже сколько месяцев. Может быть, она больше права?

Николай почувствовал, что слишком долго молчит. Надо было что-то сказать Галке, но что? Впервые, пожалуй, ему не хватало слов. Впервые ему хотелось вы-

глядеть умным, умеющим рассуждать, взрослым человеком. Он понимал, что сейчас происходит что-то очень важное и серьезное в его жизни, но, может быть, именно поэтому его мысли куда-то улетучились и он не знал, о чем говорить.

Галя тоже пока молчала. Ей не хотелось продолжать начатый разговор. «Пусть Коля отвлечется! — думала она. — Лучше говорить о другом».

— Ты только не надо, не волнуйся, — сказал Николай, решив, что Галка продолжает думать о больнице и операции. — Все будет хорошо.

— А я уже не думаю сейчас об этом, — призналась Галя. — Я о другом думаю: как это все хорошо и красиво...

— Что? — не понял Николай.

— Да вот и улица эта, и дома, и лампочки, и деревья за оградой, — мечтательно произнесла Галя. — Ни на что не променяла бы все это... Смотри, деревья голые, без листьев, а как живые. Это потому, что на них так свет падает.

— А тебе хочется художницей стать? — спросил Николай, вспомнив слова матери о Галиных рисунках. — Настоящей художницей?

— Пожалуй, не знаю, — призналась Галя. — И да и нет, потому что какая же я художница?

— Надо было тебе не в ремесленное идти, — подумав, сказал Николай, — а в какое-нибудь другое, где художников готовят. Мама говорит, у тебя талант.

— Ну что ты! Какой талант! А о ремесленном я ничуть не жалею. Мне очень нравится...

Она о чем-то подумала и неожиданно сказала:

— Вот ты говоришь, художницей! А по-моему, чтобы кем-то стать, даже и художницей, очень важно научиться работать, по-настоящему работать. Я не могу этого передать, но мне кажется, что и художник,

который рисует простые пейзажи — лес, например, улицу, дома, — должен знать, как строят машины и дома, как работают станки, в общем, должен уметь делать то, что делают люди. А иначе он будет плохим художником. Что он будет говорить своими картинами людям, если он не умеет делать то, что умеют делать они?

— Не знаю, — сказал Николай, который никогда не задумывался над такими вопросами.

«Странно, — размышлял он, — вот Галка говорит сейчас со мной, и оказывается, что она намного умнее, серьезнее многих ребят по крайней мере, да и меня самого. Я презирал ее, грубил ей, считал девчонкой, а она умная и добрая. И мне хорошо с ней... И хорошо... И плохо... Ведь я даже не знаю, как говорить с ней, о чем, чтобы не казаться мальчишкой... А так хочется сказать ей какие-нибудь настоящие хорошие слова...»

Вдруг он вспомнил о случившемся в училище, об испорченной заготовке, и ему стало особенно неприятно: «А что, если Галка узнает? Узнает, что это я?»

Николай старался отогнать от себя эту мысль. Она казалась невероятной и просто страшной.

— Тебя Ленька наш очень любит, — сказал он Гале, чтобы как-то отвлечься.

— А он и правда очень славный, — ответила Галя и добавила: — По-моему, вообще у вас очень хорошая семья — и мама твоя, и Леня, и ты, и Петр Иванович. Мне о нем Неводов рассказывал...

Николай не ответил. И не потому, что он не был согласен с Галкой. Просто ему показалось, что в ее словах прозвучала какая-то очень большая грусть: ведь у самой Галки не было никакой семьи. Ему не хотелось показывать Галке, что он жалеет ее. А сейчас он действительно жалел...

ОТЕЦ

Ленька никогда не был домоседом. То ли потому, что он со дня рождения рос в яслях и детском саду, то ли в силу своей непоседливости. Ленька не любил сидеть дома, не выносил общества взрослых и чувствовал себя естественно только среди ребят. Еще совсем недавно, стоило ему остаться дома с матерью и отцом, он не находил себе места и лицо его принимало такое откровенно унылое выражение, словно он болен или по крайней мере потерял что-то очень важное.

Даже увлечение «Петькой Дёровым» происходило у Леньки своеобразно. Он читал урывками, без конца отрывался от книги, пересаживался с кушетки на стул и через минуту обратно и уж конечно готов был вступить в разговор с каждым, кто находился дома.

Так было и сегодня. За день Ленька раз пять брался за книгу, но прочел всего лишь несколько страниц. Сейчас вечер, гулять уже поздно, и Ленька опять раскрыл «Петьку Дёрова».

Вернулся из коридора Петр Иванович (он курил), взглянул на занятого чтением сына и подсел к столу.

— А знаешь, Маша, — сказал он, — кажется мне, что и старший наш поумнее стал. Как-то серьезнее, и вообще... Как ты думаешь?

Мария Михайловна промолчала, занятая своим обычным воскресным делом — штопкой носков, но это молчание показалось Леньке значительным: ведь если бы мать не была согласна с отцом, она бы возразила.

Ленька и читал, и прислушивался к разговору родителей, и думал о старшем брате.

«Непонятно, куда он запропастился? Утром начал

делать самокат, потом ушел к какому-то товарищу, сказал: «Вернусь, доделаю», — и вот нет до сих пор. А уже вечер, и скоро спать...»

— Вообще, когда ты говоришь о ремесленниках, — продолжал Петр Иванович, — ты не учишь одного. Конечно, они иногда разболтанны, грубоваты, но ведь все это еще мальчишество, ребячья глупость. Да и разве в школе меньше ее? Тоже полно! Возраст такой, когда все в рост идет, а глупость наружу выпирает. А здесь еще и самомнение страшное — как-никак, а вроде без пяти минут специалисты, токари-поскари, народ самостоятельный... Да проходит это. К шестнадцати, как училище кончают, нет уж этой дури. Вон посмотри на ребят, что к нам пришли из ремесленного, — залюбуешься. Теперь уж многие наших кадровиков догоняют...

Отец встал из-за стола, взглянул на часы и подошел к окну. Ему явно не хотелось сейчас ничем заниматься.

— Ладно, ладно, философ, — пошутила Мария Михайловна. — Тебе с такими способностями не холодильники делать, а в воспитатели идти. Серьезно. Может быть, и ты в ремесленное пойдешь?

— А ты еще все жалеешь? — спросил отец.

— А что ж теперь жалеть, — неопределенно сказала Мария Михайловна. — Жалей не жалей...

— Станный мы все-таки народ, — улыбнулся Петр Иванович.

— Чем же странный?

— Да вот все говорим «рабочий класс», «рабочий класс», а своих детей норовим куда угодно определить, только не в рабочий класс... А я чем больше думаю, тем больше убеждаюсь в Колиной правоте: он-то умнее нас с тобой оказался, сам выбрал правильную дорогу.

Услышав разговор о брате, Ленька окончательно бросил книжку и соскочил с кушетки:

— Пап! А Коля наш теперь рабочий класс или нет?

Ленька, как и все ребята его возраста, много раз и в школе и по радио слышал слова «рабочий класс», даже привык относиться к ним как к чему-то очень важному, но истинного смысла их почти не понимал.

— Ну, не совсем еще,— сказал отец.— Но будет и он рабочим классом, когда училище кончит и начнет работать по-настоящему.

Ленька удивился: ведь Коля говорил, что они уже делают что-то настоящее, какое-то ТВС. Но сказать сейчас об этом — значит проболтаться...

— А ты? — спросил он отца.— Ты кто?

— Папа твой самый настоящий рабочий класс,— сказала Мария Михайловна.— И сам он был рабочим, и родители его и мои...

Мария Михайловна говорила это с явной гордостью. Так было всегда, когда речь заходила о муже или о ней самой.

Но вот дети... Конечно, ей хотелось, чтобы они, пока можно, учились, окончили школу, институт. А то вот Коля... Учится в ремесленном. Это, может быть, и хорошо. Но будет ли он учиться дальше, после ремесленного? И какие ребята там его окружают! Совсем недавно она встретила двух ремесленников: они так разговаривали, так ругались, что ей стыдно стало. Неужели и Коля ее такой, когда он не дома?

— Будет, будет и твой Коля рабочим классом! — убежденно сказал Петр Иванович.— Научится работать.

— Смотри, как бы он ругаться не научился,— сказала Мария Михайловна.— А то я слышала, как эти ремесленники «разговаривают»!

Ленька срочно уткнулся в книжку. Он вспомнил, что на днях сам ругнулся, услышав, как ругаются ребята во дворе, и потому решил не участвовать в разговоре родителей.

— Ну, прямо так все и ругаются! — сказал Петр Иванович. — Будь я в училище, мигом бы отучил от этого. И знаешь как? — уже всерьез добавил он, вернувшись к столу и закрыв тетрадь с какими-то чертёжами. — Сам бы никогда не ругался и другим взрослым запретил. Да, да! Ведь почему чаще всего ругаются мальчишки? Думаешь, потому, что испорчены вконец? Конечно, и такие есть, но их мало. А ругаются потому, что мы, взрослые, им же пример даем. Вот они и подражают нам!

— Ну, прямо так мы с тобой и даем пример! — возразила Мария Михайловна.

— Ну, мы с тобой не даем, а другие дают. Там мастер выругался, там директор выругался, там пьяный на улице, а ребята, они так и схватывают. Ведь по глупости чаще всего...

Петр Иванович, в отличие от жены, любил иногда порассуждать, или, как говорила она, «пофилософствовать». Но сейчас, видно, неспроста он заговорил о Николае, о ремесленном, неспроста поглядывал на часы.

— Ты лучше скажи, куда он запропастился? — сказала мать, тяжело вздохнув. — Уже восьмой час.

Мария Михайловна тоже замечала, что в последнее время старший сын как будто стал серьезнее, даже троек у него нет, как раньше в школе, но она вовсе не связывала этот факт с поступлением Николая в ремесленное училище. «Просто сын вырастет», — думала она, и ей становилось немного грустно.

Смущало ее теперь совсем другое — частые отлучки Николая из дому. Приходит поздно, все какие-то дела. Вот и сегодня ушел во втором часу и нет до сих пор. Уж не связался ли с какой-нибудь дурной компанией?

— Пойду-ка я, Маша, схожу за папиросами, — сказал Петр Иванович, словно угадывая ее мысли. И, вставая, добавил: — Он же сказал, что к товарищу пошел.

Наверно, задержался. Времени еще не так много...

На самом деле он тоже беспокоился.

— Я быстро!

— Ну сходи. А разве у тебя папирос нет?

Ленька хотел сказать, что сегодня утром видел у отца несколько пачек папирос (отец любил делать табачные запасы), но промолчал: не хотелось отрываться от самого интересного места в книге.

Петр Иванович надел кепку, демисезонное пальто и вышел из дому. На улице было морозно, но тихо.

«А верно, Маша права,— подумал он, проходя вдоль нового дома, как-то по-особенному, празднично светившегося в этот зимний вечер.— Пора бы и нам сменить хату. Надо завтра написать, что ли, заявление еще? Хоть на старости лет привести дом в порядок, пожить по-человечески. Леньку в кровать уложить да и Коле угоя найти. Большой уже стал».

Вспомнив о старости, он невольно улыбнулся. Какая старость в сорок два года! Просто он рано начал жить самостоятельно и почти не помнит своего

детства. Давно это было. Да и Маша моложе его на пять лет, вот и кажется, что он уже старик. А может, и так.

Он не остановился у табачного киоска на перекрестке, а свернул в переулок. Из высоких решетчатых окон церкви доносилось глухое пение.

«Смешно, — подумал он, — двадцатый век!»

В сквере, к которому он вышел через несколько минут, гуляли солдаты, играла гармошка и отчаянно-визгливый женский голос выводил что-то похожее на частушки.

Все проводили этот воскресный вечер по-своему.

Петр Иванович повернул назад, направляясь к дому. Когда дошел до угла, табачный киоск уже был закрыт.

«Не беда! Папиросы есть», — решил Петр Иванович, поежился и закурил. И все же хорошо, что он прошелся по воздуху. Может, и Коля за это время вернулся. А то Маша волнуется.

Но только он подошел к дому, как неожиданно увидел сына. Тот возвращался с противоположной стороны.

Николай, видно, настолько не ожидал этой встречи, что даже папиросу не выбросил. Так и остановился перед Петром Ивановичем с горящей папиросой в руках.

— Что ж это: вы курите, Николай Петрович? А мы и не знаем! Мать беспокоится. Поздно,— сказал отец, и Николай не понял по его тону, шутит он или нет.

Сейчас после разговора с Галкой ему было бы легче услышать от отца любую нотацию, любые гневные слова, чем стоять вот так под его спокойным взглядом, не зная, ни что говорить, ни как держать себя.

— Я вот тоже начал курить в твоём примерно возрасте, даже раньше,— добавил Петр Иванович, переходя на «ты». — А сейчас втянулся, бросить не могу эту гадость. А ведь даже удовольствия уже нет. Время было, правда, тогда другое, потяжелее, когда мы росли. Да только это не оправдание, конечно. Пожалеешь ты когда-нибудь, право, пожалеешь, а захочешь бросить — трудно будет.

— Папа! — вырвалось у Николая. — Ну, что ты об этом! Почему ты так говоришь! Лучше отругай меня, сделай, что хочешь... Заслужил я, знаю...

Кажется, все, о чем они только что переговорили с Галкой, все, что он передумал по пути к дому, он вложил сейчас в эти слова. Впервые за все последние месяцы он вновь назвал Петра Ивановича отцом, как называл раньше, всегда...

— Почему ты никогда не наказываешь меня? Почему не выдерешь, как другие! Ну, скажи, скажи...

Петр Иванович не узнавал сына. Что с ним? Никогда не говорил он таким тоном, никогда не был так по-взрослому серьезен и по-мальчишески горяч. Что случилось?

— Ты глупости говоришь, сынок! Зачем же наказывать? За что? — сказал Петр Иванович, стараясь понять происходящее.

— А я знаю, почему, знаю. Вон Леньку ты сколько раз наказывал, а меня никогда... Я знаю почему. Жалел меня. Вроде я сирота. Обидеть не хотел. А ведь я

не заслужил, совсем не заслужил этого, отношения твоего такого. Наоборот... Я хуже, чем ты думаешь.

Петр Иванович насторожился. Кажется, наконец-то он догадался, что происходит с сыном.

— Ну, давай, Коля, пройдемся немного, поговорим! — предложил Петр Иванович, положив руку на плечо сына. — Что же мы стоим?

Они медленно двинулись вдоль дома — два человека, почти одинакового роста. И, пожалуй, сейчас, глядя на Николая, Петр Иванович впервые почувствовал, как сын вырос. Почти мужчина. Значит, и говорить с ним надо честно, по-мужски, по-взрослому.

— Вот ты спрашиваешь, почему мы тебе не сказали, вроде скрывали, — начал Петр Иванович, медленно подбирая слова. — Не так это, Коля! Вовсе не так! Может, мы и не правы с мамой, может, надо было сказать тебе, но мы просто не думали об этом. Ведь для меня ты такой же близкий человек, как и мама, как и Леня. Зачем же говорить об этом? О людях, о том, как они относятся друг к другу, не по словам судят... Бывает, что и настоящий, родной отец — не отец, и мало ли как бывает... В жизни всяко случается... Сейчас ты уже большой, взрослый и поймешь все. А раньше мог бы и не понять.

— Знаю, папа! Теперь я понимаю, — перебил его Николай, — а раньше, как я узнал, так мне все казалось, что ты... Я вот только хочу спросить, если ты не рассердишься...

— Я знаю и ничего не хочу от тебя скрывать, — сказал Петр Иванович. — Если уж мы заговорили и ты сам что-то узнал, так слушай. В общем, был один человек. Краснов его фамилия. Николай Николаевич. Я, правда, не встречал его. Ведь тебя я впервые увидел, когда ты малышом был совсем, восьмимесячным. Мама любила Краснова, верила ему, а может быть, ей

казалось, что это любовь. И так случается. Краснов тогда тоже, как и я, в госпитале лежал, где мама работала, только раньше, конечно. В сорок первом это еще было, в начале войны. Ну, а потом, когда у мамы родился ребенок, то есть ты, Краснов бросил ее. Он не сказал об этом прямо, а просто уехал, будто на фронт, а оказалось, что он демобилизовался... Поехал в другой город. Короче говоря, обманул. Бывает так в жизни. Как это ни печально, а бывает. И тебе надо знать об этом, сынок. Будет у тебя со временем любимая девушка, а потом жена, будут дети... Надо знать.

Действительно, Петр Иванович ничего не скрывал сейчас от Николая. Рассказал он и про то, что Краснов за четырнадцать лет ни разу не вспомнил ни о Марии Михайловне, ни о нем, Коле. Рассказал и о том, как однажды Мария Михайловна встретила случайно Краснова на улице и тот опять ни о чем не спросил ее, а только жаловался на свою как будто тяжелую жизнь. Об этом Петр Иванович узнал от жены в тот же день. Рассказал он Коле и про то, как сам после ранения попал в госпиталь, как познакомился там с Марией Михайловной, как потом, уже в сорок третьем году, они поженились и он усыновил Колю...

— Но как же это мама? — вырвалось у Николая. — Ведь она хорошая, и вдруг... этот... Ведь он...

— А что же ты думаешь, сынок, что с хорошими людьми не случается ошибок, несчастий? — спросил Петр Иванович. — И хорошие ошибаются... Хорошего человека порой легче обмануть, особенно если он слишком доверчив... А то, что мама у нас хорошая, ты прав. Ты еще и сам не знаешь, какая она...

Теперь Николай шел молча. Он думал почему-то о Галке, и о соседке Нине Семеновне, и о том, что он, кажется, вовсе не разбирается в людях. И еще о маме... Вот она всю войну работала в госпитале. Наверное,

скольким людям жизнь спасла! А он, Николай, даже не знал об этом. И о ранении Петра Ивановича не знал, и даже о том, что он был на фронте. Жил, рос, а ничего не знал о своих же родных, близких людях. Наверно, у Гали не было бы так. Ведь она совсем другая...

— Знаешь что, папа? — сказал он вдруг, когда они дошли до конца улицы и повернули обратно. — Давай ничего не будем говорить никому о нашем разговоре! Ни маме, никому. А то она расстроится только... Зачем ей вспоминать все?

— Кстати, пойдем-ка скорей домой! — предложил Петр Иванович. — А то попадет нам с тобой на орехи. Ведь мама небось уже с ума сходит: куда мы пропали... А вот чтобы не говорить ей — ты, конечно, прав. Но учти, что это от тебя зависит в первую очередь...

Он хотел было, наконец, спросить, откуда Коля узнал о том, что они столько лет скрывали от него. Ясно, что Краснова он не видел, о встрече матери с ним не знал раньше... А может быть, чей-то злой язык сболтнул ненужное? Мало ли, в квартире или во дворе... И все-таки Петр Иванович не стал спрашивать. Может быть, и лучше, что так произошло. Теперь не надо скрывать: ведь сын уже вырос и сам все понимает.

До дома они дошли молча. Видно, каждый думал о своем и вместе с тем об одном и том же.

— Пап, а ты знаешь Неводова? — уже на лестнице вдруг спросил Николай, хотя он слышал о том, что отец и Неводов когда-то вместе работали.

— Виктора Сергеевича? А как же! Я у него в учениках был. Сейчас он в училище у вас преподает. Кстати, Виктор Сергеевич доволен тобой. Я его на днях видел. А почему ты вспомнил, сынок?

— Да так. Просто хороший он дядька. Он тебе приветы всегда передает. Вот я и вспомнил...

СОБЫТИЯ ОДНОГО УТРА

В комнате было совсем темно. Как всегда в эту пору, казалось, что и утро еще не наступило: по-прежнему тусклый зимний свет пробивался сквозь окно, слышалось мерное дыхание спящих.

Но часы показывали семь, и Мария Михайловна была на ногах. Не зажигая света, она накинула платье и пошла к двери, чтобы выйти на кухню.

Николай, оказывается, тоже уже не спал.

— Проснулся? — удивилась Мария Михайловна, давно привыкшая к тому, что сын поднимался с большим трудом, да и то лишь с ее помощью.

Обычно Николай засыпал позже всех: перед сном он всегда читал. Он не умел засыпать иначе. По вечерам всячески тянул время и, казалось, ложился в постель не столько из желания поспать, сколько по привычке, потому что так надо. Но когда бы Николай с вечера не заснул, в девять или в двенадцать, по утрам с ним было просто мучение. Матери приходилось по многу раз тормошить сына, прежде чем он откроет глаза и сообразит, что давным-давно пора подниматься. Так случалось всегда: когда Николаю было четыре года и пять, восемь и десять, двенадцать и тринадцать, так было и сейчас.

А впрочем, сейчас Мария Михайловна хотя и удивилась, что сын уже не спит, но не очень. После вчерашнего вечера, когда Николай пришел вместе с отцом, пришел таким возбужденным и непривычно ласковым, трудно было удивляться. Пробовала она узнать у него, потом у мужа, но и тот и другой сказали: «Ничего не произошло».

«Нет, видно, произошло у них что-то хорошее,— подумала Мария Михайловна.— И дружны вдруг стали опять, и настроение у обоих слишком приподнятое!»

Но спрашивать больше не стала. Хорошо бы так было всегда.

Сегодня Николай и верно проснулся легко: расстаться со сном не пришлось, так как сна просто не было. Как это ни странно, у него не было даже желания спать, не чувствовалось бессонной разбитости, хотя Николай почти не сомкнул глаз.

Всю ночь он продумал. О чем? Пожалуй, только о хорошем. О Галке, которая, хотя и девчонка, а оказалась... И вообще она очень, очень хорошая. Все, о чем он не сказал ей вчера вечером по пути из клиники, казалось теперь необыкновенно простым и легким. Ночью он продумал десятки вариантов разговора с Галкой, один лучше другого... И не только с Галкой...

И еще почему-то о том, что теперь ему трудно будет даже здороваться с Ниной Семеновной. «Надо ключ Леньке заказать. Может, и не потеряет,— думал он.— И чтоб он от этой Нины Семеновны не зависел!»

За ночь вся путаница волнений минувшего дня как-то улеглась, все встало на свои места, и теперь Николай до мельчайших подробностей знал, что ему надо сделать сегодня и как жить дальше. Жить теперь было легче!

В училище он пришел чуть ли не за час до занятий и, узнав у деда Акима, что Борис Николаевич, как и следовало ожидать, уже на месте, стал искать его.

Но ни в коридоре, ни в кабинете никого не оказалось, и Николай поймал себя на мысли, что внутренне доволен хотя бы минутной оттяжкой предстоящего разговора. Все, что ночью казалось ему таким простым и легким, сейчас становилось иным, куда более неприятным и сложным.

«Наверное, он в канцелярии или в преподавательской», — решил Николай и направился на второй этаж.

Худенькая, со смешными зимними веснушками девчонка из группы шлифовальщиц промчалась мимо Николая по узкой лестнице, чуть не задев его каким-то цветком в горшке. Николай хотел было зыкнуть на нее, но не успел: девчонка моментально скатилась вниз по лестнице и исчезла так же быстро, как и появилась.

«Носятся тут чуть свет, — подумал Николай, — как на маскараде. Одни цветики-цветочки на уме».

— Эй, поосторожнее вы, цветочницы, — сказал он, столкнувшись на верхней площадке еще с двумя шлифовальщицами, тоже спешившими куда-то с такими же горшками.

— Балда ты, вот кто! — неожиданно крикнула одна из девчонок. — У людей горе, а он тут...

— Сама балда! — ответил Николай, не поняв, у кого какое горе, и подумал: «Хорошо бы Галка сегодня зашла в училище. Она вроде обещала зайти после клиники».

Он заглянул в преподавательскую.

— А, Ласточкин! — воскликнула физкультурница Зинаида Васильевна. — Не забудь, что скоро спартакиада. Тебе выступать. Вчера нам план утвердили в райкоме.

Уже несколько месяцев Зиночка носилась с планами какой-то грандиозной зимней спартакиады и агитировала всех за участие в ней. «Ведь до фестиваля осталось совсем немного, — говорила она. — Мы должны готовиться, чтобы показать потом иностранцам, на что способны советские ремесленники». Николай, хотя и верил в силы советских ремесленников, не очень надеялся, что сбудутся Зиночкины прогнозы и их училище займет первое место в городе. Но и огорчать физ-

культурницу ему не хотелось. Просто сегодня у него было хорошее настроение.

В приемной директора оказалось пусто. Время раннее. Даже секретарша Владимира Михеевича пока отсутствовала — она являлась на работу ровно в восемь.

Обитая черной клеенкой дверь директорского кабинета была приоткрыта. Николай услышал доносившиеся оттуда голоса и по их тону понял, что там идет какой-то серьезный разговор.

«Наверно, мастер там, — подумал Николай и решил выйти в коридор: торчать одному в приемной да еще у открытой двери было неудобно. — Подожду, лишь бы они недолго там».

Он направился было к выходу, но в эту минуту из-за директорской двери до него донеслись слова, явно сказанные Борисом Николаевичем. Николай невольно прислушался.

— Верно, что методы воспитания у нас, Владимир Михеевич, общие, единые, но подход должен быть индивидуальный, — говорил Борис Николаевич. — И если бы это случилось с кем-нибудь другим, то, возможно, я сам пришел бы к вам и попросил дать ему взыскание. Но здесь, поверьте, этого не требуется. Человек все понял, понял сам и достаточно пережил...

— Но вы уверены, что это сделал именно он? — перебил Бориса Николаевича директор. — Ведь ваша догадка могла быть и ошибочной. Ведь вы сами...

— Совершенно уверен, Владимир Михеевич, — подтвердил мастер. — Мы вот и с Виктором Сергеевичем говорили. Я знал, что заготовка будет возвращена, и единственное, чего хотел, чтобы он это сделал сам. Сам — это одно, а если бы мы потребовали — другое.

— Борис Николаевич прав. Да и нетрудно было догадаться, — поддержал его чей-то голос. Судя по всему, это был Неводов. — И знаете, что я вам скажу, граж-

дане хорошие: ведь это только ребята наши думают, что мы ничего не видим, не замечаем. У нас глаз наметан куда лучше, чем у них. И видим и замечаем.

— Ну а как же ваша «молния»? — спросил директор.

— «Молния», Владимир Михеевич, как раз и была для него тем самым наказанием, о котором вы говорите, — убеждал Борис Николаевич. — Подумайте, каково ему было писать эту «молнию», писать про себя! Это хуже, тяжелее любого публичного признания.

— А может, только благодаря этой «молнии» он и вернул заготовку? — поинтересовался чей-то женский голос. Кажется, это была преподавательница русского языка.

— Я убежден, что нет, — уверенно отверг ее предположение Борис Николаевич. — «Молния» могла только ускорить. Но и не будь «молнии», он все равно бы признался и вернул заготовку. Я слишком хорошо знаю этого ученика и верю ему. А то, что так получилось, ну, знаете, с кем не бывает, кто не спотыкается? Важно, чтобы выводы правильные человек сделал...

— А когда же, в какое время он вернул ее? — спросил директор совсем другим, уже менее строгим тоном.

— Да после экскурсии, — сказал Неводов. — Пришлось ему помаяться не на шутку. После занятий отпросился, побежал домой или куда-то еще, в общем, принес, а здесь как раз ехать пора. Автобус уже стоял, и Борис Николаевич с ребятами как раз садился. Пришлось ему прежде ехать на выставку. Ну а потом после выставки он и прибежал сюда. Деду Акиму сказал: мол, забыл что-то, а сам — в цех, да и положил в ящик к Мирошниченко. Ясно, дело немудреное.

Все это время Николай стоял ни жив ни мертв, слушая и как-то не совсем понимая смысл дописыв-

шихся до него слов. И вдруг он почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу и по спине побежали мурашки. Но не потому, что понял, о ком идет речь. Нет. Просто он испугался, что его увидят сейчас, увидят подслушивающим у двери. Николай выскочил из приемной и помчался вниз. И только теперь, по пути он осознал смысл сказанного там, в кабинете. И не столько стыд — стыда почти не было с тех пор, как ночью он принял то решение, с которым пришел сюда, — а скорей растерянность и удивление остановили его на нижней ступеньке лестницы.

Человек, к которому он шел сегодня, шел не по душевному влечению, а против него, шел потому, что надо было идти, словно вышел ему навстречу сам... Хорошо это или плохо, Николай еще не знал, но он понимал, что был несправедлив к этому человеку. Неужели и здесь он так же ошибся, как дома, как с Галкой, как во всем на свете?

В коридоре уже толпилось несколько ребят. Их было немного, хотя до начала занятий и оставалось не больше десяти минут. Дороги зимние утренние минуты, и они не дают тратить себя зря, они подгоняют, они торопят лишь тогда, когда в училище уже звонит звонок. И кажется, что именно он, звонок, а не время приводит ребят в училище. В зимнюю пору большинство воспитанников приходит сюда тютелька в тютельку к началу занятий — ровно в восемь.

Николай присел на лавку, чем-то напоминающую широкую скамью электропоезда, — она стояла чуть наискосок от их кабинета. Звонка еще не было, и Николай почти машинально смотрел в даль коридора, удивительно просторного и широкого сейчас, пока его не заполнили ремесленники.

Вдруг он заметил шедшего навстречу Бориса Николаевича.

Мастер улыбнулся еще издали, как будто обрадованный тем, что встретил его.

— Вот и хорошо, Ласточкин, что ты здесь,— сказал он Николаю, словно встречался с ним не каждый день.— Передай, пожалуйста...

— Борис Николаевич,— неожиданно перебил его Николай, и слова его прозвучали как торжественное заклинание.— Вы знаете... Я хочу...— И тут вместо всего тысячу раз за ночь обдуманного он выпалил совсем другое: — Я хочу... Запишите меня, пожалуйста, в ваш кружок, в общем... чтоб авиамоделки делать... с ребятами.

— Вот и хорошо,— просто сказал мастер.— Запишу обязательно. А у меня к тебе просьба...

Но Николай опять будто не расслышал его слов или не понял их смысла.

— И вообще, Борис Николаевич,— продолжал он, решаясь наконец сказать то, ради чего не спал всю ночь.— Ведь деталь, то есть заготовку эту...

И здесь произошло уже совсем неожиданное для Николая. Теперь Борис Николаевич прервал его и положил руку на плечо Николая:

— Знаю, Ласточкин, все знаю. Не надо... Ты уже на деле доказал, что все понял, и это самое важное. А в кружок запишу,— добавил он уже другим тоном.— Это ты правильно решил. Лучше поздно, чем никогда. Верно?

— Спасибо, Борис Николаевич,— сказал Николай и, побоявшись, что мастер не поймет, к чему относится его благодарность, пояснил: — За все вам спасибо!

— А у меня к тебе вот такая просьба.— Борис Николаевич снял руку с плеча Николая и сделался опять серьезным.— Придет староста ваш, Савельев, скажи ему, что первые два часа с вами будет заниматься Неводов. У меня в группе шлифовальщиц несчастье у

одной ученицы. Так я должен сходить к ней сейчас. К третьему уроку я постараюсь вернуться. Передашь?

— А какое несчастье? — Николай сразу вспомнил встретившихся ему на лестнице девочек с цветами и брошенное одной из них слово «горе».

— Бабушка умерла у одной из девочек. Ну, она одна у нее была...

— У Соколовой? У Галки? — почти выкрикнул Николай. — Да ведь у нее только вчера... И все в порядке было... Я сам...

— Ну да, операция прошла вроде неплохо, а ночью вот... Сердце, говорят, сдало. Я сам только сейчас узнал. Владимиру Михеевичу из клиники звонили. Надо идти к Соколовой, помочь.. Сам понимаешь... А то она совсем одна. Небось растерялась.

— Да, да, я понимаю, Борис Николаевич... Я передам, обязательно передам,— пообещал Николай. — Только знаете... Разрешите мне с вами?.. Мы, ну... как вам сказать... в общем, мы дружим с Соколовой... И вот я хотел...

— Тогда, конечно, пойдем вместе,— просто предложил Борис Николаевич. — А Савельеву дед Аким передаст, его попросим. Ну, пошли скорее!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

...И ПОСЛЕДНЯЯ

Прошло два, а может быть, и три дня. Немного, кажется, воды утекло за это время.

Не успевший еще пожелтеть номер стенной газеты «Резец» висел в кабинете станочных профессий, и все же он уже устарел. Группа выполнила первое по-на-

стоящему серьезное задание, и через десяток дней в новой, третьей четверти ее ждали новые страницы учебника «Токарь по металлу» и новые, наверняка более интересные дела.

А пока шло повторение пройденного, и мастер группы Борис Николаевич все чаще отвлекался от основной темы урока. Он рассказывает ребятам о тех, кто окончил когда-то училище, о их жизни и работе.

— Или вот еще пример,— говорил он, и в эту минуту посмотрел в сторону Николая.— Недавно ФАИ — это, вы знаете, Международная авиационная федерация, зарегистрировала и утвердила новый мировой рекорд по классу авиамоделей, управляемых по радио. Этот рекорд установил советский авиамоделист Николай Сазонов, токарь авиационного завода. Четыре года назад Сазонов учился в этом кабинете и сидел как раз за той партой, где теперь сидите вот вы, Ласточкин и Мирошниченко...

— Слушай, Вить,— шепнул Николай своему соседу по парте,— а что, если нам... Ладно, я потом тебе скажу,— пообещал он, чтобы не отвлекаться от рассказа мастера.— И еще у меня есть одна мысль...

— Но у нас были не только такие учащиеся,— продолжал Борис Николаевич,— правда, об этом почему-то не принято говорить. И все-таки мне хочется сказать вам, что хвалиться здесь нечем. Был у нас такой парень — Скворцов, Анатолий Скворцов. Вроде мальчишка как мальчишка — учился неплохо и вел себя прилично. А оказалось... Кончил училище, на завод пошел, и вот узнаем: свихнулся парень. Началось с малого — мастера подкупал, чтоб тот ему проценты приписывал. А потом проворовался — запасные детали к машинам стал таскать с завода и продавать на рынке. Ну и попал на скамью подсудимых, получил восемь лет.

Вот вам и наш ремесленник. Об этом тоже надо знать. Ведь тут нам с вами гордиться нечем: все мы отвечаем за училище свое и за людей, что из него выходят.

Слушая мастера, Николай размышлял о том, что хорошо было бы выпустить очередной номер «Резца» и целиком посвятить его бывшим ученикам их училища — нынешним рабочим, техникам, инженерам... И даже о Скворцове сказать. Что ж, пусть знают! И это полезно! Надо сказать об этом Мирошниченко. Он человек серьезный и понимающий, недаром его выбрали комсоргом группы.

Подумав об этом, Николай невольно улыбнулся. Он вспомнил, как еще несколько дней назад считал выпуск стенгазеты самым неприятным для себя занятием. Если бы тогда он знал, почему Борис Николаевич заставляет его выписывать заголовки! А ведь об этом он узнал только вчера, после похорон Веры Ивановны.

На обратном пути с кладбища они шли вместе с Борисом Николаевичем. И вдруг мастер признался:

— Помнишь, Ласточкин, как ты не хотел стенгазету выпускать? А потренировался теперь на стенгазете, повыводил заголовки — и чертежи стал аккуратней делать. Выходит, на пользу и тебе, и всей группе.

Со звонком ребята высыпали в коридор. Не успел Николай поведать Мирошниченко о своем замысле со стенгазетой, как увидел среди девочек Галю Соколову. Сегодня она пришла на занятия.

Николай издали улыбнулся ей, и Галя ответила ему тем же. И сейчас, пожалуй, впервые он обратил внимание на Галины глаза: большие, серые, с густыми, чуть загнутыми вверх ресницами. Или раньше он не замечал их, или действительно теперь, после всех испытаний, они стали какими-то необыкновенными, глубокими, умными. Даже в Галиной улыбке было что-то серьезное и взрослое. Да и сама Галя очень измени-

лась за эти дни. Теперь она уже ничем не походила на девчонку, какой была несколько дней назад, и выглядела старше многих своих подруг.

За все эти очень тяжелые дни, казалось, ничто так не расстраивало и не утомляло Галя, как бесконечные утешения подруг. И сегодня, когда она вернулась в училище, она вновь попала в своей группе в обстановку такого подчеркнутого, внимательного сочувствия девочек, что не знала, куда деться, куда убежать.

Вот почему, заметив сейчас Ласточкина, она воспрянула духом. Коля сделал для нее, может быть, больше всех. Он не утешал ее, не охал даже вчера на похоронах. Да и раньше... Все эти дни... И Галя ценила это. А как он помог ей в эти дни! Он и Борис Николаевич. Без них пришлось бы трудно.

Во время следующей перемены Гале захотелось подойти к Николаю и сказать что-нибудь хорошее.

Но, к удивлению ее, Коля промчался по коридору в сторону вешалки и затем, уже одетый, выбежал на улицу.

Куда он? Занятия еще не кончились. И почему так быстро? Не сказал даже ничего.

Допекаемая подругами, Галя отошла к окну, но

девочки и здесь не оставляли ее без внимания. Прошло несколько минут, и вдруг:

— Галя!

Она обернулась, услышав знакомый голос, и увидела Николая. Он стоял чуть запыхавшийся, порозовевший от мороза и явно смущенный.

— Можно тебя? На минуту?

— Конечно, — обрадовалась Галя. Она отошла вслед за Николаем, провожаемая недоуменными взглядами подруг. — Что?

Они остановились возле лестницы, что вела на второй этаж.

— Вот, — сказал он, достав из кармана какой-то газетный кулек и протянув его Гале, — тебе. Знаю, что ты любишь. — И, как будто оправдываясь, пояснил: — В буфете купил, где завком.

Галя приоткрыла кулек, и ее круглое лицо впервые за все эти дни расплылось в настоящей улыбке — в газете лежали прозрачные. Галя оторвала взгляд от конфет, но Николая уже не было. Он в эту минуту скрылся за дверями кабинета и стоял возле своей парты, машинально вынимая тетради и книги из портфеля. Пожалуй, никто на свете не мог сейчас так удивиться его поступку, как он сам.

После занятий почти все отправились в зал на комсомольское собрание. Николай умышленно тянул: хо-

тел дожидаться начала, чтобы не сталкиваться с Галкой.

Но вышло так, что он еще издали увидел Галку у дверей зала. Она стояла с Мирошниченко и еще несколькими ребятами и о чем-то горячо спорила.

Николай забыл, что минуту назад стеснялся Соколовой, и подошел к ребятам:

— Вы о чем?

— Вот хорошо, что ты пришел,— обрадовалась Галя.— Скажи, как ты думаешь: справимся мы с ремонтом училища сами, если возьмемся? А то все говорим о предстоящем фестивале, соревнованиях да о выставках, а на училище с улицы взглянуть страшно: стены закоптились, штукатурка у входа отвалилась... Вот я предлагаю самим взяться за ремонт.

— Я считаю, что справимся,— сказал Мирошниченко,— ребята вот сомневаются.

— А почему не справимся? — удивился Николай.— По-моему, это настоящее дело, и мы его осилим.

— Ну, вот спасибо тебе! Тогда я на собрании сейчас скажу об этом, а вы меня поддержите. Ладно? — попросила Галя.

Николай кивнул. Они вошли в зал.

— Спасибо тебе,— на ходу шепнула Галя.— За все! И знаешь, Коля, я только сейчас начинаю понимать, что это все хорошо.

— Что? — не понял Николай.

— Жить, учиться и вообще все,— сказала Галя.

— Ага,— согласился Николай, вспомнив, что эти же слова он слышал вчера от Бориса Николаевича. И странно, сам он тоже думал об этом, особенно после возвращения с кладбища.

Собрание было на сей раз удивительно коротким. Галкино предложение поддержали все, даже директор, и оно оказалось самым главным делом в подготовке к фестивалю.

Когда Николай вернулся из училища, дома хозяйничал только Ленька.

— Ты что читаешь? — спросил Николай брата, который ходил по комнате с «Пионерской правдой».

В последнее время Николай уже не удивлялся, когда видел, что Ленька читает. Но чтоб он читал газету, пусть даже «Пионерку», такого еще не было.

— О любви и дружбе, — ответил Ленька на вопрос.

— О чем? О чем?

— Ну да, о любви и дружбе. А что?

— Ты с ума сошел! — искренне возмутился Николай, вырвав у Леньки газету.

Он взглянул на заголовок статьи. Действительно, «О любви и дружбе». Странно! В «Пионерской правде»!

— И чему только вас учат! Глупости всякие печатают для детей! Что ты понимаешь? — пробурчал он, уткнувшись в газету.

Ленька был удивлен не меньше брата.

— Я же пионер, а это «Пионерская правда». Почему глупости? Я у Перегудова взял газету, у Саши. Я все понял, — обиженно произнес он.

И верно, газету Леньке дал Саша Перегудов, и дал неспроста. После случая с энциклопедией Саша, как замечал Ленька, все время подлизывался к нему. Вот и сегодня после уроков Перегудов догнал Леньку на лестнице и предложил:

— Пойдем вместе?

Они пошли вместе. Ленька давно перестал злиться на Перегудова, и потому они всю дорогу болтали о всякой всячине.

— А ты знаешь, почему к нам вожатая почти не заходит? — спросил Саша, когда они поравнялись со зданием райсовета. Он хитро улыбнулся.

— У нее бабушка умерла, — сказал Ленька.

— Вот и не знаешь! Вовсе не поэтому! — авторитетно заявил Саша. — У нее любовь...

Ленька не знал, хорошо это или плохо, и потому с недоверием отнесся к Сашиному сообщению:

— Ну да?

— Вот тебе и «да»! У нее любовь, и знаешь с кем? — многозначительно продолжал Саша. — С братом твоим, Колей.

— С Колей?

— Я их вместе видел, — пояснил Саша. — Он провожал ее. И ребята все говорят...

— А-а! — разочарованно протянул Ленька, уже ничуть не удивляясь. — Так они просто дружат. В одном классе учились, теперь в ремесленном вместе. Что ж такого!

— А ты газеты читаешь? Что ж такого! — передразнил его Саша. — «Пионерку» вчера читал?

На это Ленька не мог ничего возразить. Газет он не читал, и «Пионерку» тоже.

— Пойдем ко мне сейчас! Я тебе дам, — продолжал Саша. — Почитаешь.

Они зашли к Перегудову, и Ленька взял у него вчерашний номер «Пионерской правды». Но, только что прочитав его, он явно разочаровался. Ни о Гале, ни о Коле там не говорилось ни слова. Даже имен их не было. Да и вообще там ничего не было особенного.

Почему же Коля вырвал у него сейчас газету и сказал: «Глупости...»

— Ну, и что ты понял здесь? — спросил Николай, улыбнувшись, и вернул Леньке газету. По лицу брата Ленька понял, что тот не сердится.

— Все! — сказал Ленька. — Что с девчонками дружить можно. Что дразнить их не надо и обижать, женихом и невестой называть...

— Ну и хорошо! Молодец! — неожиданно похвалил его Николай. — Все понял правильно.

— Коль!.. — в Ленкином голосе вдруг прозвучали нерешительность и сомнение.

Положив газету, он подошел к Николаю и посмотрел на него так, словно сейчас должна была решиться его судьба. Как лучше начать разговор? С чего?

Ленька и сам не знал, как получилось, что за минувшие три дня он почти ни разу не вспомнил о самом главном. И вот сейчас нежданно-негаданно это самое главное всплыло в Ленкиной памяти, и все остальные события последних дней сразу потеряли для него прежний смысл. Нет, он должен во что бы то ни стало узнать, узнать сию же минуту, иначе он просто не сможет ничего делать, и даже самокат, который вчера наконец-то доделал брат, ему будет не нужен. Ведь он предпринимал все, ломал себе голову, ходил в училище, но так ничего и не узнал. Неужели все зря, и он ничего не поймет? Неужели он такой маленький, что ему нельзя доверить настоящую тайну?

— Коль! — умоляюще повторил Ленька. Желание его было так велико, что оно поколебало теперь и робость и самолюбие. — Ну скажи мне, пожалуйста...

— Что? — не понял Николай.

— Секрет, — пояснил Ленька, — я никому... никогда, никогда не проболтаюсь. Честное пионерское!

— Какой секрет? — Николай был в недоумении.

— Ну, ТВС, помнишь, ты сказал...

— ТВС? Ах, ТВС! — вдруг обрадовался Николай. — Неужели ты помнишь? Чудак ты, ну и чудак! А впрочем, — сказал он, становясь нарочито серьезным, — впрочем, конечно, я объясню. Только ты смотри, чтоб на высоте!.. Никому! Я доверяю тебе настоящий секрет!

— Я поклясться могу... если... — умоляюще вставил Ленька, — только скажи... Ну, хочешь я... Я еще

как-нибудь поклянусь! Только... Скажи, пожалуйста...

— Ну, клясться не обязательно! Я верю тебе и расскажу так. Понимаешь ли, как бы тебе сказать... ТВС — это одна очень важная штука, и означает она... Впрочем... Подожди. Представь себе, что ты уже взрослый. А у взрослого человека много дел на земле. И чтобы все эти дела переделать, нужны человеку помощники: автомобиль, на котором можно проехать по городу, поезд, который везет человека в дальние края, экскаватор и подъемный кран, которые помогают строить дома. А где взять этих помощников? Их надо самому сделать, правильно? А разве голыми руками можно сделать автомобиль и трактор, поезд и пароход, самолет и даже простую кастрюльку? Вот тут и нужна человеку чудесная машина, которая называется ТВС. Встал человек к этой машине, нажал кнопки, и стало из нее выскакивать все, что захочешь: нужен автомобиль — пожалуйста, автомобиль; хотите самолет — будьте добры, получайте самолет...

— Да ну! — поразился Ленька. — Вот это да! — от восторга у него дух захватило. — Прямо все, что захочешь? И ракету можно? И танк? И подводную лодку?

— Конечно, и подводную лодку! — продолжал Николай, сам увлекаясь своим рассказом. — И все это делает ТВС — самая чудесная машина на свете. А ведь человеку много-много таких машин нужно.

— А я... а я... — проговорил восхищенный Ленька, — я думал, что ТВС — какая-то вещь, ну, как там всякие станки, например. Помнишь, ты мне рассказывал? Я сам хотел догадаться и подумал, что «т» — это токарь. Вот только про «в» и «с» ничего не придумал...

— Ну, это не совсем так, и все-таки, как бы тебе сказать, немножко ты прав, — пояснил Николай. — ТВС тоже вроде станка, только не простого, как, например, столярный или еще какой-нибудь, а очень, очень

сложный и интересный. В общем, необыкновенный!

— Ага, понимаю,— поспешил ответить Ленька, чтобы не показать брату свою несмышленность.

— Вот... А ТВС — это как бы секретное название,— продолжал Николай, всерьез войдя в роль.— И мы эти ТВС сами делаем, как настоящие рабочие на настоящем заводе...

— И ты сам делаешь такую машину? — не выдержал Ленька.— Прямо сам-сам?

— Конечно, сам, а кто же!

— И ты уже много таких машин сделал? Ты?

— Мы их все вместе делаем,— объяснил Николай.— Разве одному можно!

— Коль, а Коль! — попросил Ленька.— А ты... сделай мне... Ну, на машине этой что-нибудь! Нажми кнопку, и пусть из ТВС выскочит автомобиль... Только для меня! Ну, сделай... Что тебе стоит!

Николай улыбнулся:

— Это нельзя! Ведь мы для государства работаем, в общем, для всех людей, а не для себя. Да и все равно, зачем тебе автомобиль? Ведь тебе не разрешат на нем ездить. А поедешь — сразу же милиционер хлоп!

— А я не буду сейчас,— сказал Ленька.— Пусть он постоит, пока я вырасту...

— Вот вырастешь — тогда сделаю,— пообещал Николай.— Или еще лучше, ты сам себе сделаешь.

— Вот бы скорей вырасти! — мечтательно произнес Ленька.— Чтоб быть старым-старым, как папа, например, или мама!

Ленька не ожидал, что рассказанное братом будет таким интересным.

Николай тоже был доволен. Правда, в своем рассказе он допустил некоторые неточности. Но, конечно, не сказал, что сам выдумал этот секрет и это ТВС, когда скучал на уроках Бориса Николаевича. Не ска-

зал он по крайней мере прямо, что ТВС — это начальные буквы слов «токарно-винторезный станок». Но разве он знал, что Ленька запомнит это? На самом деле никто так не называет токарно-винторезные станки, и секретов никаких здесь нет. Но сейчас, раз Ленька спросил про ТВС, нельзя же было его огорчить и говорить, что никакого секрета не существует... И не в этом дело, конечно, а в главном. Главное он рассказал верно: они сами делают настоящие токарно-винторезные станки модели 16-15М. Может быть, и есть даже какой-то смысл в этом... Ведь вот он, Николай, по-настоящему сам понял секрет станка, научился на нем работать и готовить детали для других таких же станков. А потом на этих станках люди будут делать другие машины: автомобили и самолеты, экскаваторы и электровозы... А разве мало еще секретов понял он!

— Ты только смотри, храни секрет! — сказал он.

— Я не проболтаюсь никогда! — пообещал счастливый Ленька.

— Ну и молодец!

Настал вечер. И, как всегда, он угадывался не по заходу солнца, которого не было видно, и не по наступившей темноте. Зимой и летом, осенью и зимой вечер приходил в дом в один и тот же час, когда возвращались родители и вся семья собиралась за столом.

Сегодня отец вошел в комнату не один.

— Заходи, заходи, Виктор Сергеевич, — сказал он еще в коридоре, и на пороге впереди отца появился невысокий пожилой лысый человек в пенсне. — Вот и потомство мое на месте.

Ленька первым взглянул на вошедшего и не поверил своим глазам: это был тот самый человек, с которым он столкнулся в училище.

— Ну, здравствуй, гражданин хороший, — сказал Виктор Сергеевич. — Помнишь меня?

Не меньше Леньки, пожалуй, был удивлен и Николай: он никак не ожидал прихода мастера Неводова и потому даже смутился.

— Ну, а с тобой мы уже виделись,— сказал Виктор Сергеевич.— Кстати, молодцы вы, комсомольцы! Слышал! Хорошее дело придумали.

— А что за дело? — поинтересовался отец.

— Да решили училище привести в порядок, ремонт сделать,— сказал Виктор Сергеевич.— Ведь ты знаешь, как запустили здание наше: подходишь к училищу — смотреть страшно. Начальство наше вот уже какой год собирается, да так и не соберется никак. А вот они, комсомольцы, берутся и, что вы думаете, сделают!

— Это Соколова предложила,— смутился Николай,— Галя. А мы просто поддержали...

— И Соколова молодец, и вы, граждане хорошие! — сказал Виктор Сергеевич.— Правильно поступаете. Настанет фестиваль, не грех будет и к нам иностранцев позвать, показать наш народ, молодой рабочий класс. Как ты думаешь, Петр?

— Конечно, не стыдно,— согласился отец.— И не только их показать, а и тебя: вот, мол, старик Неводов — воспитатель рабочего класса!

«Неводов? — вспомнил Ленька.— Кажется, эта фамилия была в «молнии». Значит, это и есть Неводов... И еще где-то слышал о Неводове...»

Вдруг Ленька вспомнил.

— А я знаю, что вы мороженого не любите!

— Я? — удивился Неводов.— Вот уж не угадал, гражданин хороший, так не угадал. Разве что в переносном смысле «не люблю».

— Как это в переносном? — не понял Ленька.

— А наоборот как раз,— пояснил Неводов,— обожаю мороженое. Зимой и летом! Можно сказать, старуха моя даже посмеивается. «Ты, Виктор, — гово-

рит, — как пьяница, только не по спиртной части, а по мороженой».

— Откуда ты взял, что Виктор Сергеевич не любит мороженого? — удивился отец.

— Ты сам говорил, что не купишь, — объяснил Ленька. — Ну тогда, помнишь, когда с завода шел?

— А-а, — рассмеялся отец. — Это, знаешь, Виктор Сергеевич, когда ты в цех ко мне заходил. Помнишь? Ох и разозлился я тогда на тебя! Единственный раз, думаю, попросил своего учителя помочь втулку сделать, а он говорит: «Некогда». А потом его как раз встретил. Ну, купил ему мороженое, а Неводову, говорю, не купил бы. Вот и решил он!..

— Что ж, бывает, бывает, — улыбнулся Неводов. — Выходит, что мы с сыном твоим одной болезнью страдаем — мороженой... Ну, а сейчас бы купил мне, Петр? Заслужил али нет? — спросил он, обращаясь к отцу.

— Сейчас бы не только мороженое, — признался отец. — Ведь знаешь, что люблю тебя и никогда всерьез не сержусь. Знаю, что занят ты этой ребятней.

Не первый день знал Петр Иванович старика Неводова. Не один год прежде работал с ним в одном цехе. Когда-то был он у Неводова в учениках, потом техникум кончил, институт и вроде даже перегнал своего учителя, начальником над ним стал, а вот дружба у них сохранилась прежняя. Всегда Петр Иванович чувствовал робость перед бывшим своим мастером и, казалось, не мог обходиться без его советов. И, пожалуй, никто так не огорчался в свое время переходом Неводова в училище, как Петр Иванович.

И сейчас Неводов не случайно забрел в их дом. Давно уже Петр Иванович ломает голову над проектом нового холодильника, чертежи набросал, а все что-то не так. Вот и попросил зайти Неводова, чтобы посоветоваться и выложить перед ним все сомнения:

— Что ж, давай, Петр, посмотрим, что тут тобой нафантазировано,— сказал Неволов, присаживаясь вместе с отцом к столу.

— А вы тоже эти самые... холодильники делали? — поинтересовался Ленька, услышав, что Неволов заговорил с отцом о холодильниках.— Или, может, машины?

— А как же! Конечно, и холодильники,— сказал Неволов.— Это ведь тоже, гражданин хороший, машина серьезная.

В душе Ленька обрадовался услышанному. Вышло, что не только отец, а вот и такой старый, заслуженный мастер, как Неволов, тоже делал холодильники. Значит, уж не совсем это пустое и ненужное дело.

— А что ты думаешь,— Неволов опять повернулся в Ленькину сторону.— Сделает твой отец новый холодильник, будет он экономичный, значит, выгодный, дешевый, всем доступный, как кастрюля какая-нибудь. Поставим мы тогда с тобой эти холодильники по своим домам — и, пожалуйста, тебе всегда мороженое! Купил сразу на неделю, сунул в холодильник — наслаждайся, когда хочешь! И на улицу бегать не надо! Вот подрастешь — сам захочешь такие машины делать.

— Нет, я другие буду...— сказал Ленька, вспомнив о чудесной машине ТВС.

— Ну, хоть и другие, хоть такие — все важное дело,— сказал Неволов.— Жаль, что в школе вас этому пока мало учат. Все небось правила заставляют зубрить? Как? А я вот что, граждане хорошие, думаю,— сказал Неволов.— Правила правилами — это нужно, а вот мастерству такую ребятню тоже неплохо бы учить в школе. Чтоб с детства рабочую жилку развивать. А то ведь у нас как? Учат, учат до десятого класса, а все их детишками считают: мол, маленькие, трудиться им рано. Я вот здесь с одним писателем позна-

комился, так мы с ним много об этом говорили. Согласен он, писатель-то, со мной, а почему? Да сам хоть и писатель, а трудовую школу прошел: в ремесленном учился, на заводе трудился, а потом уж и за бумагу засел.

— Это вы про того писателя? — спросил Ленька. — Про того, который в училище с вами ходил?

— Он самый, — сказал Неводов. — Славный парень такой, серьезный. Вот про ремесленников наших вроде писать собирается. И что ж вы думаете, напишет.

— Ты вот о школе говоришь, Виктор Сергеевич, — сказал отец. — Ты глубоко прав. Вот и на Двадцатом съезде, думаешь, случайно о школе заговорили? Много надо ломать в школе, многое менять. И наверняка в ближайшие годы будут перемены...

— Известно, будут, не могут не быть, — согласился Неводов. — Вот сейчас в ремесленном я вижу, как ребята стремятся к настоящему делу, к самому что ни на есть простому труду. Надо только направлять их к этому, а не оберегать... А в школе у нас все еще оберегают.

Вернулась с работы Мария Михайловна, как обычно, что-то быстро «сообразила на ужин», и вот уже все вновь заняты своими делами.

Сидят за столом отец и старый мастер Неводов — чертят, шуршат калькой и спорят о каком-то поддоне под испаритель.

Уставшая за день Мария Михайловна опустилась на кушетку с газетой, которую не успела дочитать утром. И кажется, что она не столько читает, сколько просто отдыхает.

О чем думает она в эту минуту? О бабушке Гали Соколовой, которую не смогли спасти ни она, ни другие, более опытные врачи? Или о том молодом рабо-

чем парне, которого все считали безнадежно больным и которого ей удалось вылечить? Или о новой комнате, в которой было бы не так тесно, как сейчас? А может быть, мать думает о своих детях и поэтому нет-нет да и посмотрит на них из-за газетного листа? Может, зря она ругала старшего за ремесленное и это не так уж плохо? Вроде и не испортило его училище, а наоборот. Стал сын ласковее, внимательнее, серьезнее...

Николай расположился на своей кушетке. Перед ним учебник и много раз перечитанная записка.

Что он, занимается или тоже думает? О чем? Может, думает он о девушке, с которой шел сегодня из училища? Днем, на глазах у всех провожал девушку до дома и совсем не стеснялся...

И только Ленька, кажется, ни о чем не думает. Положил на пол возле двери самокат,

уселся рядом и чертит что-то на нем. Вроде звезду рисует... Да, звезду.

Но вот Ленька встает, вынимает из портфеля какую-то книжку и подходит к брату.

— Это тот писатель написал, который у нас был в школе, а потом у вас в училище. Это про него сейчас говорили,— хвалится он, показывая Николаю книгу.— Я в библиотеке его книжку взял. Наверно, тоже интересная, как «Петька Дёров». Вот прочту и отзыв ему пошлю. Мне Саша Перегудов адрес даст,— добавляет Ленька.

Вдруг его лицо принимает лукавое выражение.

— Коль,— шепчет Ленька на ухо брату и одновременно косит глазами в сторону матери.— А мне на токарю можно? Как ты, в училище ваше? Чтoб эту машину чудесную делать? А?

— Если по-настоящему захочешь, то можно,— отвечает Николай громко.— Через три года.— И уже шепотом добавляет: — А ведь ты шофером хотел?

— Теперь токарем больше,— признается Ленька.— А потом сделаю ТВС, нажму кнопку, и все! Вот тебе и токарь и шофер!

— Что ж, это ты, пожалуй, ловко придумал,— говорит Николай и улыбается.

— А как папа с мамой? Заругают?..

— Они у нас сознательные,— успокаивает его Николай.— Если всерьез захочешь, поймут...

— Мы на той неделе к вам в училище придем, на экскурсию. Людмила Васильевна обещала и Галя тоже,— сообщает Ленька.

Выходит, что он тоже о чем-то думает.

**НОВЫЙ
АДРЕС
НИНЫ
СТРЕШНЕВОЙ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЛИ ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

На улице еле заметно смеркалось. Сероватые сумерки медленно окутывали вершины сосен, опускаясь все ниже и ниже к непросохшей земле. Слабый ветерок раскачивал не зажженные еще уличные фонари, а многие окна в поселке уже были освещены. Горел свет и в небольшом, похожем на крестьянскую избушку доме Заботиных.

Катя делала уроки, когда мать неожиданно сказала :

— Кажись, идет кто-то. Неужто отец?..

— Уже? — Катя стала поспешно складывать книги и тетради со стола. «Обидно: и половины сделать не успела!» — подумала она.

— Да, что-то рано сегодня,— словно извиняясь, произнесла Ксения Степановна.

Катя отошла к окну. Сунула тетради и книги в портфель. Оставила одну и села на краешек табуретки, поджав под себя ногу: «Хоть «Зоологию» дочитаю».

Отец молча вошел в комнату, скинул на сундук телогрейку и ушанку. От него, как всегда, пахло смолой, ладаном и винным перегаром. Но сейчас он был, кажется, трезв. Глаза его не косили, как обычно, на чуть одутловатом, землистого цвета лице была непривычная озабоченность. Даже перекрестился он как-то растерянно, не поворачивая головы в сторону кровати, над которой висел маленький образок с Христом.

Ксения Степановна приняла из рук мужа одежду и молча вынесла ее в сени. Когда она вернулась, Яков Кузьмич уже сидел за столом, где только что занималась Катя. Сидел, поглаживая редкие волосы на затылке, тупо глядя перед собой.

— Поесть, что ль, дашь? — наконец спросил он жену.

И вопрос этот еще больше озадачил Ксению Степановну. Она уже привыкла к тому, что по вечерам муж обычно дома не ест, а сразу ложится спать.

Ксения Степановна поставила на стол тарелку супа. Яков Кузьмич отхлебнул ложку супа, прожевал кусок хлеба и отодвинул тарелку.

Есть не хотелось. И вообще ничего не хотелось. «Вот она, воля всевышнего! Неужто все ж послал господь на мою голову сатану? За какие же грехи? Грехи...»

— А этих, новых, как фамилия? — спросил он, вытирая рукой небритый подбородок. — Не Стрешневы?

— Каких? — переспросила Ксения Степановна.

— Ну, тех, что сегодня приехали. Безрукий этот, с семьей. Не понимаешь, что ль! — уже с явным раздражением переспросил Яков Кузьмич. А в голове сверлило: «Грехи... Это за отпущенные-то! Надо, видно, рассказать все же отцу Афанасию. Иль дьякону? У него больше рыльце в пушку...» — Могла бы и знать! На то и баба, чтоб все знать, — проворчал Яков Кузьмич, — Стрешневы это... И ты не видела? — бросил он дочери.

Катя вздрогнула и непонимающе посмотрела на отца:

— Что?

— Не слышишь, о чем разговор! Новые, говорю, приехали на место Васильевых. Безрукий, девчонка у него, как ты. Не видела?

— Не видела,— сказала Катя.— Я в школе была.

— В школе! В школе! Нацепила сатанинский хомут вместо божьего креста...

Яков Кузьмич осекся: «Все одно не поможешь!» С тех пор как жена, а с нею и дочь вышли из его повиновения, ничто уже не помогало. Ни молитвы, ни проклятия! «Одни слова, что жена слава мужнина! Апостолу легко было говорить, а на деле испытай... И вот Катька. Хоть бей ее, не бей, а никаким страхом божьим не возьмешь! Да и не в них сейчас дело...»

— Весь поселок знает. Одни они...— проворчал Яков Кузьмич.

— Ну приехали и приехали. Свешниковы, не Свешниковы, не все ли равно,— сказала Ксения Степановна.

— Не Свешниковы, а Стрешневы,— поправил Яков Кузьмич.— Сам видел...

Он встал из-за стола, поспешно перекрестился. Окончательно решил: «Надо идти... И заодно про свечи доложу. И посоветуюсь. Грехи отпускал, хоть совет даст...»

Муж вышел, а Ксения Степановна подошла к Кате:

— Садись-ка за стол! Так-то лучше заниматься.

И она неловко обняла дочь.

Катя встала со стула, прижалась к матери:

— И что это он так? Случилось что?

— Не знаю, доченька, не знаю,— сказала Ксения Степановна.— Вроде бы и в себе сегодня, а злится что-то... Да ну, занимайся, занимайся!

Катя попробовала читать, но почувствовала, что думает совсем о другом.

В сенях скрипнули половицы, хлопнула дверь. Значит, отец ушел.

За окном уже почти стемнело. Но было что-то беспокойщее, тревожное в этих сумерках.

НА НОВОМ МЕСТЕ ПЛОХО СПИТСЯ

Даже Костик в этот вечер никак не мог утомониться. Вздурораженный переездом и новой обстановкой, он без конца прыгал в своей деревянной кровати:

— Машина! У-у-у! Такси!

Андрей Дмитриевич и Нина по очереди загоняли Костика под одеяло, гладили по голове, журили — и в шутку и уже всерьез, но через минуту опять раздавалось:

— Папа! Папуленька!

— Спи! Пора! — говорил Андрей Дмитриевич, вновь направляясь к Костику. — Спать так спать, а не спать, так вставать!

— Я сплю, — отвечал Костик, силась держать глаза закрытыми, отчего его лицо принимало откровенно хитрое выражение. — А мама? Мамуленька?

Хитрить Костик не умел. Даже играя с Ниной в прятки, он обычно простодушно открывал свое местопребывание: «Я здесь, за шкафом!» А уж сейчас и подавно. Кто поверит, что он спит!

Помолчав, Костик тихо повторил:

— А мама где? В Маке?

— В Москве, — сказал Андрей Дмитриевич. — Вот проснешься, и мама придет! Спи!

Андрей Дмитриевич погладил сына и возвратился к кушетке. Оказалось, не так-то просто справиться с парнем. И как это Наде удастся? Но только он сел, как вновь послышалось:

— А Нина? Нинуленька?

Теперь Нина, бросив свои дела, подошла к брату и наклонилась над его кроватью.

— Ну, Нина! Ну, Нинуленька! Знаю! А почему ты не спишь? — сказала она нарочито требовательным голосом. — Смотри, совсем темно на улице. Спать! Сию же минуту спать!

Но строгости в ее голосе не прозвучало. Она улыбнулась.

— Давайте играть! — произнес довольный Костик.

— Завтра, завтра, — пообещала Нина уже совсем другим тоном. — А сейчас спи!

Это, видимо, подействовало на Костика больше — он повернулся на бок, закрыл глаза. Потом, словно вспомнив что-то, сказал:

— Пока.

За окном давно стемнело. Свет придорожных фонарей выхватывал из темноты лишь стволы березок да буроватую ветку сосны, поникшую к самой дороге. Под ней, в канаве, еле заметным островком лежал еще не успевший растаять снег. На дороге чернели лужи. Их замысловатые очертания напоминали диковинных существ. Дальше был лес — он угадывался по шуму со-сен, по каким-то загадочным теням.

— Ты потушила бы большой свет, — посоветовал отец. — Зажги настольную лампу.

— Пап, а где она? — спросила Нина.

Вопрос ее вовсе не удивил Андрея Дмитриевича. Он уже привык к рассеянности дочери, особенно в последнее время, и старался вспомнить, где же могла быть лампа.

— Посмотри в соседней комнате. Наверное, она в корзине или же в большом ящике. И заодно вынь из пачки книг мои «Основы» да взгляни, там ли твой портфель.

В соседней комнате пока ничего не убрали. Прибрали только эту, дабы переспать сегодняшнюю ночь. Да и Костика надо было уложить пораньше. А завтра,

когда вернется из Москвы Надежда Ивановна, можно будет всерьез заняться расстановкой.

Пока Нина ходила в соседнюю комнату, Андрей Дмитриевич еще раз встал с кушетки и подошел к сыну. Костик уже не крутился, не болтал. Слышалось его спокойное посапывание.

«Верно, уснул,— решил Андрей Дмитриевич.— Значит, все-таки мы не совсем беспомощны без Нади...»

Пришла Нина с лампой и учебником.

— Портфель там,— сказала она.— А завтра мне в школу идти? Я так боюсь...

— Нашла чего бояться! — посмеялся отец.— Пойдешь завтра вместе с мамой, познакомишься, а после завтра можно и на занятия.

— Боюсь,— призналась Нина.— Какие там девочки? Учителя? Ребята? Страшно...

Андрей Дмитриевич положил учебник на стол. Подумал: «А я и сам чуть-чуть боюсь... И мне скоро в институт...»

Нина включила настольную лампу, потушила большой свет. Потом достала из портфеля толстую тетрадку в клеенчатом переплете и присела за стол. Это был дневник, который Нина вела от случая к случаю вот уже два года. Вспоминала она о дневнике редко, и то только когда случались события самые что ни на есть необыкновенные.

Нина перелистала страницы и посмотрела последнюю запись, еще февральскую: «...Мой младший брат Костик отвык от бутылки с соской. Была в планетарии, видела спутники. Интересно! Вчера в Доме пионеров М. Е. написал мне записку. Гадость!»

Прочитав последнюю фразу, Нина улыбнулась. М. Е., или просто Миша Ефимов — староста их исторического кружка,— в тот день написал Нине, что она ему очень нравится. Нина возмутилась и отчитала Ефи-

мова. Тот перепугался и потом стал бояться ее и краснеть при каждой встрече.

«Наверно, зря я его тогда так отчитала,— подумала Нина.— Ну что же, записать сейчас что-нибудь или нет? Все же на новое место переехали...»

Она взяла ручку, еще подумала и, наконец, записала: «16 апреля. Переехали в Песочное. Насовсем. Ничего интересного пока нет».

Спрятав дневник, Нина взяла книжку, залезла с ногами на кушетку, рядом с отцом.

— А нам не пора? — спросил Андрей Дмитриевич, обнимая единственной, правой рукой Нину.— Двенадцатый час...

— Что ты! Рано еще,— пробовала возразить Нина.

— Ничего себе рано! А ну-ка, немедленно спать! — скомандовал отец, поднимая Нину с кушетки.— Разбери постель!

Нина вздохнула.

— Тяжело жилось бедняжке! — пошутил отец.

— Тебе помочь? — по привычке спросила Нина, нехотя откладывая книгу.

— Нет-нет! Я сам,— сказал Андрей Дмитриевич.

Через несколько минут он уже был под одеялом.

Нина продолжала бродить по комнате. Приготовила Костику сладкий чай на ночь, разделась, взглянула в окно, потом разобрала свою постель.

— Теперь марш в кровать! Туши свет! — сказал Андрей Дмитриевич.

Нина выключила настольную лампу, прошлась босиком по сырому, недавно вымытому полу и нырнула в кровать.

— Пока! — сказала она, повторяя братишку.

Свет уличных фонарей падал в комнату и отражался над кушеткой отца, на стене сразу двумя окнами. Они были, как настоящие,— с рамами, переклады-

нами и форточками. От этого в комнате было довольно светло. Казалось, что стало даже прохладнее.

Но вот окна на стене запрыгали, задрожали. Наверное, на улице подул ветерок.

За окном слышались женские голоса :

Куда бежишь, тропинка милая?
Куда ведешь, куда зовешь?
Кого ждала, кого любила я,
Уж не догонишь, не вернешь.

Где-то перебрехивались охрипшие за вечер собаки. На железной дороге без конца громыхали поезда: пассажирские, товарные, электрички. Они напоминали то шум водопада, то плеск надвигающегося прибоя, то жужжание каких-то машин. Подходя к станции, поезда пронзительно гудели. В окне вздрагивали стекла, а на улице отчаянней принимались лаять собаки.

— Спишь? — спросил Андрей Дмитриевич, переворачиваясь на спину и кладя руку на переносицу.

Когда он спал на спине, то всегда лежал так, прикрывая рукой глаза. Привык с детства, а может, позже, с госпиталя, когда лицо его было скрыто повязкой.

— Сплю.

— Давай спи! А то завтра не подниму тебя...

Костик спросонья потрянул свою кровать, пробормотал что-то.

— Наверно, опять вспомнил, как на машине ехал, — сказал Андрей Дмитриевич, но тут же спохватился: — Молчу. Спи!

А Нина лежала с широко открытыми глазами и думала. О чем? Пожалуй, сразу обо всем и ни о чем.

Она вспомнила свою школу, в которой проучилась вот уже почти шесть лет, и Дом пионеров, куда бегала два раза в неделю на занятия исторического кружка. Директор Дома пионеров Людмила Клавдиевна не раз

говорила, что она, Нина, будет знать историю так же, как ее отец биологию... Папа до войны, когда еще был пионером, тоже занимался у Людмилы Клавдиевны. Но тогда она была не директором, а руководителем кружка биологии. И потом, уже после войны, это она, Людмила Клавдиевна, уговаривала его пойти на работу в Дом пионеров.

— Я в свое время очень хотела, — сказала она как-то Нине, — чтобы твой папа работал у нас. Хотя бы в том же биологическом кружке. У нас и должность тогда была. И конечно бы папа справился. Но он не согласился. Сказал, что не может, поскольку у него нет высшего образования. Может быть, он и прав, но мне очень хотелось этого. И все же я верю, что дождусь, когда Андрюша Стрешнев придет к нам и заметит меня.

Жаль, что теперь Нина не увидит ни своей школы, ни Дома пионеров, ни Людмилы Клавдиевны! Нет, она, конечно, может их увидеть, но это уже все не то...

Нина понимала, что раз врачи советуют отцу жить за городом, они должны были переехать из Москвы сюда, в Песочное. Ведь дела у папы совсем пошли на поправку. Да и в одной комнате было нелегко, особенно с появлением Костика. Маме пришлось уйти со службы и подрабатывать дома, печатая на машинке. А как будешь печатать, когда в этой же комнате маленький...

Вспомнила Нина и о том, как они впервые были в Песочном еще зимой, во время каникул. Тогда занесенный снегом поселок показался ей унылым и скучным. За город Нина выезжала редко. И тогда, в январе, Нину больше всего удивила белизна загородного снега. Она смотрела из окна электрички и поражалась:

— Какой снег! Смотрите! Сколько снега!

— Много снега — много хлеба, — сказал отец и по-

смотрел на чистые, сверкающие на зимнем солнце до рези в глазах снежные поля и перелески. — А года два назад, когда здесь ходили паровозы, этого не было. Не успеет выпасть снег, а уже черный от копоти.

Потом они шли от станции к поселку, и отец с матерью всю дорогу обсуждали, как выглядит Песочное. А Нина молчала: ничего интересного вокруг не было.

Сегодня, когда они переезжали сюда на грузовом такси из Москвы, эти места понравились Нине немного больше.

Нине не хотелось расставаться с Москвой, со своей школой, с классом и вообще со всем тем, к чему она привыкла. Да и как ее встретят здесь, в новой школе? Какая она, эта школа? Засыпая, Нина вспоминала своих московских подруг, которые провожали ее сегодня так, словно она уезжала в далекую Антарктиду.

Теперь в комнате не спал только отец. Наконец он не выдержал, встал и, не зажигая света, подошел к окну. Он смотрел во мрак ночи и вслушивался в дыхание леса, который, чудилось, со всех сторон подступал к их дому. Можно стоять так часами и наслаждаться тем, что ты видишь и слышишь. И уже одно это казалось сказкой. Ведь было время, и совсем еще недавно, когда Андрей Дмитриевич мог только мечтать об этом...

Андрей Дмитриевич сел за стол, включил маленькую лампу и начал читать. Он понимал, что теперь, раз уж взялся за учение, не имеет права думать об отдыхе. Иначе он никогда не простит себе этого — будет всю жизнь мучиться мыслью, что его приняли в институт лишь потому, что пожалели — пожалели как инвалида.

А путь к институту, в который Андрей Дмитриевич вот только сейчас будет поступать, был нелегким. Когда-то до войны, да и потом на фронте, он, конечно, меч-

тал об институте и даже о биофаке университета, но все это было очень-очень давно, до ранения.

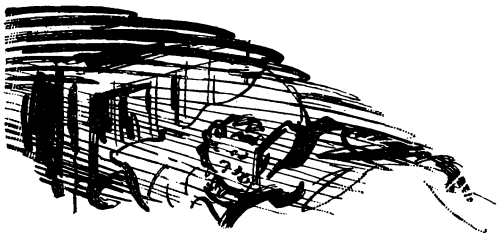
В госпитале он уже не мог думать ни о чем. И дело даже не в ранении: то, что он потерял левую руку и на лице у него рубцы и шрамы, в конце концов полбеды. Хуже было с другим: тяжелая контузия отняла у него и слух и зрение. Сначала все казалось безнадежным, и почти три месяца он лежал на госпитальной койке, не видя и не слыша. Даже надежды, которыми жили врачи, не были известны ему. Слух вернулся лишь на четвертый месяц лечения, а зрение — только через полгода.

Когда его выписали из госпиталя, врачи строго-на-строго запретили:

— Никакой умственной работы! Даже чтения! Полный покой!

Андрею Дмитриевичу выдали инвалидную книжку.

Может быть, он не думал бы об институте и сейчас, если бы не случай. Случаем этим была встреча с Людмилой Клавдиевной вскоре после войны. Кажется, в сорок восьмом... Да, в сорок восьмом году. И хотя то-

гда он наотрез отказался идти работать в Дом пионеров, предложение ее запало в душу, не давало спокойно жить, и он вдруг понял, что на самом деле должен взяться за что-то настоящее. Может быть, даже вернуться в Дом пионеров, в биологический кружок, и заниматься с ребятами. Он загорелся мыслью об институте, о получении специальности педагога-биолога. Но неожиданно опять все сорвалось. Для поступления в институт надо было представить свидетельство об окончании десятилетки, а у Андрея Дмитриевича была только копия: оригинал свидетельства его утеряли еще в первый год войны в учебном полку. Он пытался наводить справки, но это было бесполезно. Тогда он пошел к юристу, показал ему копию свидетельства, представил подтверждение из школы, но тот развел руками.

— Ничего не поделаешь, товарищ, действительно принято постановление Совета Министров, по которому поступающий в высшее учебное заведение обязан представить оригинал аттестата или свидетельства. Копии приемными комиссиями вузов не рассматриваются.

Шли годы. Подростала Нина. И вот уже она стала ходить в Дом пионеров, в тот самый, в котором он за-

нимался когда-то в детстве. Впервые за многие годы Андрей Дмитриевич ощутил, как быстро летит время и как вместе с ним безвозвратно уходит от него настоящее дело... Это толкало его к какому-то решению. Все дела, за которые он брался раньше, ожесточали его своей бессмысленностью. Склеивание коробочек по рядам артели инвалидов! Но разве он не способен на что-то более важное? А уроки немецкого языка, которые ему приходилось давать по знакомству, частным образом? Он не знал методики преподавания, не имел педагогического опыта и давал своим ученикам лишь одну разговорную практику. Хорошо, что он вовремя оставил и эти коробочки, и этих учеников.

Лишь одним, пожалуй, он увлекся в то время по-настоящему. В их районе начали проводиться работы по озеленению, и Андрей Дмитриевич сколотил из ребят, живших с ним в одном доме, бригаду, которая разбила во дворе сад. Потом они помогали в озеленении улицы и соседних дворов; их работу заметили, похвалили, а Андрею Дмитриевичу вручили даже грамоту.

Однажды его позвали в Трест зеленого строительства и предложили временно подменить бригадира.

— У вас, наверное, и образование есть? — спросили его.

Пришлось признаться, что никакого образования нет.

— Просто с детства люблю зелень, — сказал Андрей Дмитриевич.

Его все же взяли на временную работу. Несколько месяцев он руководил бригадой по озеленению. Он был так рад, что даже научился копать одной рукой землю и орудовал лопатой не хуже, чем многие работницы из его бригады.

Но вот вернулся после болезни бригадир, и Андрею Дмитриевичу пришлось уйти.

Дело было вовсе не в деньгах, хотя пенсии и не ахти как хватало. Просто надо было что-то решать.

И Андрей Дмитриевич решил:

— Пойду за школьную парту, в десятый класс и получу этот злополучный аттестат зрелости второй раз. А потом — в институт. И только в лесотехнический.

Его отговаривали:

— Разве можно с таким здоровьем?

— Я совершенно здоров, — отвечал Андрей Дмитриевич, — а если и плохо чувствую себя, то от безделья.

Он пошел в школу рабочей молодежи и окончил ее. Но поступать в институт в прошлом году не стал. И не только потому, что надо было передохнуть, а просто ему хотелось как следует подготовиться к экзаменам. Ведь он уже не мальчик, чтобы выезжать на тройках и надеяться лишь на свои права бывшего фронтовика. Теперь, в этом году, — другое дело. И все же боязно. Боязно совсем по-мальчишески...

Вот и сейчас, когда Костик и Нина уснули, он решил позаниматься. И хотя все было уже десятки раз повторено, Андрей Дмитриевич вновь и вновь перечитывал страницы учебника и задавал себе возможные вопросы экзаменационных билетов.

На новом месте и ему сегодня не спалось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УТРО НЕЗНАКОМОГО ДНЯ

Песочное было самым обычным поселком, каких в Подмосковье не меньше, чем речек, ручейков, озер и прудов. Он раскинулся по обе стороны от станции, начинался чуть ли не у самой железнодорожной колеи и

убегал далеко от нее в окружающие поля и леса, где сливался своими последними домами с десятками других таких же поселков и селений.

Левая часть Песочного — деловая, более скученная. Здесь и станция, и какие-то палатки, и два магазина — продовольственный и промтоварный, и керосиновая лавка, и парикмахерская — с двумя мастерами на все руки: они и брили, и стригли, и делали завитку.

В этой же части поселка находились больница и школа-десятилетка, которой жилось довольно тесно в двухэтажном кирпичном доме, построенном лет двадцать назад, перед самой войной, когда и учащихся и классов было меньше.

Справа от станции, на горе, стояли затейливо окрашенная, построенная чуть ли не при Иване Грозном церквушка с примыкавшим к ней сельским кладбищем и дома священнослужителей. Кладбище сползало от церкви под гору, к ручью, где нет-нет да и встречались еще рубцы военных лет — слезанные временем траншеи и окопчики. А дальше, за безымянным ручьем, были разбросаны дачи, дома и просто домишки коренных и наезжих песочинцев.

Ближе к лесу и пруду, от которого начинался безымянный ручей, дач и домов было больше. Они стояли в довольно строгом порядке, окруженные заборами и заборчиками, асфальтированными улицами и улочками, каждая из которых имела свое громкое имя.

Когда-то здесь действительно жили одни дачники, но в последние годы появился в поселке народ служащий и рабочий, который по утрам отправлялся на электричке в Москву и возвращался лишь к вечеру. Некоторые из жителей работали в соседнем совхозе, но и до него путь был не близкий — несколько остановок на поезде. Остальные песочинцы трудились в местной

больнице, школе, доме отдыха, что был по соседству, да в торговых точках или же были на пенсии.

Внешний вид поселка был тоже пестрый. Рядом с дачами появились постройки более солидные: кирпичные и деревянные дома в два-три этажа с общими и отдельными квартирами.

В одном из таких домов — деревянном, оштукатуренном, четырехквартирном — и поселились теперь Стрешневы. В обмен на московскую комнату им достались сразу две да плюс еще часть балкона, тянувшегося на весь второй этаж и разделенного перегородкой пополам. Отдельная квартира!

Но самый юный Стрешнев — Костик, видимо, не оценил прелести отдельной квартиры. Несмотря на свой довольно малый возраст, два года три месяца, он был человеком общительным и не терпел одиночества. Проснувшись утром раньше всех и увидев, что папа и Нина еще не встали, он начал усиленно раскачивать кровать. Кровать была деревянная, сборная, и раскачивать ее было удобно. Спинки и борт ударялись о стену и создавали тот грохот, от которого, по мысли Костики, и должны были проснуться сестра и отец.

Замысел Костики удался. Первым оторвал голову от подушки отец, и Костик решительно потребовал:

— Гулять!

— Уже? — спросил Андрей Дмитриевич, вставая с кушетки. — А ну-ка, давай будить сестрицу.

Он ловко подхватил Костики на правую руку и опустил на кровать рядом с Ниной.

— Гулять! — сказал Костик, хватая Нину за нос. — Гулять!

— Ну что ты пристал ко мне! — недовольно отозвалась Нина. — Какое «гулять» так рано?

— Гулять! — повторил Костик. — Я, Нина — гулять! Я гулять!

Он залпом произнес еще что-то, чего Андрей Дмитриевич не понял.

— Ну-ка, переводчица, что он там говорит? — спросил Андрей Дмитриевич у дочери.

В последний месяц Костик действительно разговаривался и стал болтать почти обо всем на свете, но порой так неясно, что ни мать, ни отец его не понимали. Каким-то чудом в словах брата разбиралась только Нина.

— Да что он говорит! — проворчала Нина спросонья. — Говорит, что он хочет ехать на электровозе по железной дороге и на тракторе не по железной дороге. Это он вчера видел, вот и вспомнил.

Пришлось Нине подниматься. Ничего не поделаешь.

— Пап! Давай я помогу! С добрым утром! — сказала Нина, видя, что отец собирается готовить завтрак.

— Нет! Нет! Я сам, — сказал Андрей Дмитриевич. К восьми они уже позавтракали.

— Ну, марш гулять! — предложил отец.

— А ты? Не пойдешь? — спросила Нина.

— Я пока уберусь, а потом радио послушаю. Идите! Только пальто надеть обязательно.

Нина расчесала косы, оделась, собрала Костика и, взяв его за руку, спустилась по деревянной крутой лестнице во двор.

Вернее, это был по-московскому — двор, по-дачному — участок, по-деревенски — сад. А правильнее, кусок леса, огороженный кое-как заборчиком. Перед ним лицом к дороге и стоял дом, теперь их дом. По другую сторону дороги лежала большая поляна.

В стороне на соседней даче взмахнул кулдахтала курица. Она кулдахтала так отчаянно, что хотелось побегать, разыскать ее и как-то помочь. Костик тоже обратил внимание на кулдахтанье.

— Ко-ко! — сказал он. — Ко-ко! Петя!

— Это не петушок, а курица, — объяснила Нина.

— И нет! Петя! — настоял на своем Костик.

Одуревшие от апрельского воздуха дворняги, а их было сразу три, совершенно забыв про свои собачьи обязанности, подошли к Нине и Костику и стали отчаянно ласкаться.

Костик перетрусил, замахал руками и прижался к Нине.

Собаки ничего не поняли и побежали на дорогу, где было больше прохожих.

Обогнув дом, Нина и Костик вышли к воротам.

— У-у! Машина! — сказал Костик, увидев за воротами дорогу, и усиленно потянул сестру вперед.

Но машин на дороге не было.

Зато воздух здесь, в Песочном, и правда был хорош. Чуть сыроватый, сохранивший в себе свежесть тающих снегов, пахнущий корой, прелой листвой, травкой и землей.

Возле ворот Нина и Костик увидели мальчишку в пионерском галстуке. Он был в школьной фуражке, без пальто. Через плечо на веревке у него висел портфель. Мальчишке было лет двенадцать-тринадцать. Он был похож на маленького коренастого мужичка с портфелем.

— Это вы и есть новенькие? — полюбопытствовал мальчишка.

— Да. А что? — поинтересовалась Нина. — А ты кто?

— Я — Алексеев, Павлик, — сказал мальчишка. — Ты в нашей школе будешь учиться? В каком? В шестом «А» или «Б»?

Обычно Нина не пасовала перед мальчишками. Она привыкла к ним с малолетства — с яслей, с детского сада. Но сейчас Павлик озадачил ее.

— Откуда ты знаешь, что я в шестом классе? — спросила она.

— Чего ж не знать! Все знают, что вы приехали, что тебе тринадцать лет, — значит, в шестом! — сказал Павлик. — И вот про него знают! — добавил Павлик, показывая на Костика. — Тебя как зовут-то?

— Костик, — вымолвил Костик.

— Костик — мамин хвостик! — сказал Павлик.

— Вовсе он и не мамин хвостик, — попробовала защитить брата Нина. — Он у нас самостоятельный.

— Да я не про него вовсе! — рассмеялся Павлик. — Это стихи такие есть: «Костик — мамин хвостик». А правда, что у тебя отец слепой был и глухой, а теперь нет?

— Правда.

— Вот интересно! — вырвалось у Павлика.

— Чудак! — возмутилась Нина.

— Ты не сердись! — спохватился Павлик. — Это я ведь так, не нарочно... Просись, чтоб тебя в шестой «Б» направили! — предложил он. — Вместе будем учиться. У нас класс, знаешь, какой!

— Я еще не знаю, — сказала Нина. — Мы только сегодня пойдем с мамой в школу договариваться.

— Ты что любишь больше из уроков? Географию любишь? — поинтересовался Павлик.

— Не знаю, — призналась Нина. — Я историю люблю.

— Историю? Правда, историю? Ха-ха! — рассмеялся Павлик. — Не может быть!

— Что ж тут смешного? — чуть смутившись, спросила Нина.

— Как что смешного? Вид у тебя совсем не такой! Если б там очки и вообще что-то серьезное... А ты все и не похожа! — объяснил Павлик.

— На кого же я похожа? — покраснев, переспросила Нина.

— Как на кого? Ну, на девчонку, то есть на девоч-

ку, — поправился Павлик. — И еще, знаешь, на кого? На газель!

— На кого? На кого? — Нина огорчилась.

— Ну, на газель! Это стихи есть такие, как быстрые газели что-то там сделали, — простодушно объяснил Павлик. — Ты только не сердись, — добавил он, увидев на лице Нины явное огорчение. — Это я ведь просто так.

Может быть, и верно, что рядом с низкорослым, широкоплечим Павликом высокая, худая, в коротеньком пальтишке Нина была похожа на газель: и ноги длинные, и тонкая шея, на которой сидит небольшая головка.

Может, и верно... Но только со стороны.

«Газель и история — надо ж придумать!» — подумала Нина.

Про газель Нина никогда не читала, а историю любила. Ей было интересно узнавать, как люди раньше жили.

Книжки она читала чаще без разбору, но любила те, которые рассказывали о людях — о Разине или Петре, Кюхельбекере или Софье Перовской, и меньше любила всякие познавательные: о природе, например, о технике или о разных странах.

«А про газель я не читала», — вновь подумала Нина.

— Чудак ты! — сказала она уже без обиды. — Выдумал какую-то газель. И вообще, что ты хочешь, непонятно.

— Как непонятно? — спохватился Павлик. — Я вчера не мог... познакомиться. Когда вы приехали, я с мамой в Москву ездил. Вот и думаю: «Сегодня пойду в школу и, может, увижу новеньких». Я даже из дому раньше вышел...

По дороге проехал грузовик, и Костик, который все время молча стоял рядом с Ниной, оживился:

— Машина, большая... У-у! Я — машина.

Это означало, что Костик тоже хочет ехать на машине.

— Потом, потом,— пообещала Нина.— Ведь это не наша с тобой машина.

В это время где-то по соседству Нина услышала громкие голоса. Она невольно повернулась в ту сторону.

— Это у Заботиных,— пояснил Павлик.— Опять дядя Яшка Катьку воспитывает. Или жену.

— А кто эти Заботины? Как воспитывает?

— Да Катька у нас в классе учится,— объяснил Павлик.— Отец у нее в церкви работает. В общем, это целая история. Раньше Катька и мать ее тоже в бога верили. Катька даже пионеркой не была: постилась там, говела и все прочее. Ну и договелась! В школе прямо падала от истощения, говорят. Ну, мы ее перевоспитали. В прошлом году ее в пионеры приняли. Вот отец и недоволен. А Катька молодец! Не поддается!..

— Подожди, подожди! — перебила его Нина.— А вы что же? У ней отец-то кто? Поп? Настоящий?

— Да нет, какой там поп! Он просто там сторожем работает или еще кем, я и не знаю,— сказал Павлик.— Но, в общем, при попе. Что-то попу помогает... А мать Катькина тоже теперь в бога не верит...

— А он что, бьет ее? За то, что она пионеркой стала? — спросила Нина.

— Почему бьет? Мы спрашивали: не бьет,— сказал Павлик.— Просто недоволен, вот и кричит. Да только Катька не поддается...

— «Не поддается! Не поддается!» Заладил свое! А вы-то что смотрите! — возмутилась Нина.

— Как что! Он же отец...

Нина промолчала.

— Ну, я побегу, а то опоздаю,— заторопился Павлик.— Так ты попросись в шестой «Б». Ладно?

Он убежал.

Возле дороги дымил костер. Жгли сухие листья и сучья. Серый дымок костра тоже пах весной. Он стлался сначала по земле, потом бледнел, рассеивался, растворяясь в воздухе.

Нина и Костик подошли к костру, и Нина бросила в него сухую палку.

— И я! — сказал Костик, поднимая с земли палку.

Рядом была поляна. На ней сквозь прелую листву выступала свежая травка. По травке деловито расхаживали куры. Казалось, они ничего не хотели видеть и знать, кроме желанных личинок и червяков. А их, назло курам, было мало в эти апрельские дни.

Не по-весеннему солидная кошка с загадочным видом проплыла между занятыми курами. Вдруг она остановилась, рассеянно посмотрела по сторонам и уже безо всякой загадочности направилась мелкими шажками через дорогу к дому...

Костик ходил по поляне, то и дело оглядываясь на дорогу: его больше интересовали машины.

Вдоль дороги стояло несколько одиноких кривоствольных сосен. Нижние ветви их свисали почти над землей, а молодые вершинки бодро тянулись к небу.

Между двумя соснами покачивалось тонкое кленовое деревце. Почки на нем еще не распустились, их почти не было видно.

Рядом росли березки: молодые, и чуть постарше, и совсем взрослые. Они росли, словно грибы, целыми семейками — по несколько от одного корня.

Одна береза — видимо, самая старая — была спилена. Ее бело-черный ствол валялся возле обочины дороги рядом с почерневшим снегом в канаве. И береза и снег были одного цвета, и, наверное, вечером их легко можно было спутать.

Солнце пробилось сквозь молочную дымку облаков

и осветило поляну. И сразу ярче зазеленела первая травка на поляне и крона сосен, забелели стволы берез, и засветились под ногами какие-то первые весенние желтые цветы — то ли одуванчики, то ли мать-и-мачеха. Нина не знала. Низкорослые, с белым пушком на стеблях, они неожиданно-негаданно вылезли из земли, будто спешили погреться на солнце.

Тут как тут появилась бабочка-лимонница — на-верное, тоже самая первая по этой весне — и опустилась на цветок. Бабочка была одна, а цветов не так уж мало. И, видно, от жадности, она стала метаться между ними, то опускаясь на один, то перелетая на второй, то перепархивая на третий. Через какую-то минуту появилась пчела и, соревнуясь с бабочкой, стала перелетать с цветка на цветок.

Костик заинтересовался пчелой и протянул руку, чтобы познакомиться с ней поближе:

— Муха! Ж-жду!

— Как хватит сейчас за палец! — припугнула его Нина.

Когда они пришли домой, Андрей Дмитриевич сидел около приемника — слушал радио. Приемничек был старый, маленький, и его следовало уже давно заменить другим. Но Андрею Дмитриевичу он был дорог, и не только потому, что вот уже четырнадцать лет слушал ему верой и правдой.

Не раз слышала Нина рассказ о том, как много лет назад, когда еще ее не было на свете, в госпиталь, где лежал отец, приехал генерал. Ему показали на кровать офицера с забинтованным лицом, потерявшего в бою руку, слепого после контузии и только что вновь научившегося слышать. Генерал подошел к офицеру, по-жал ему руку и сказал:

— Крепитесь! И спасибо вам, дорогой товарищ, за все!..

А через несколько дней отцу принесли маленький походный радиоприемник.

— Это вам от начальника гарнизона, — сказали ему.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ШКОЛА КАК ШКОЛА...

Надежда Ивановна вернулась из Москвы в полдень. Вернулась раскрасневшаяся, нагруженная авоськами и выпалила прямо с порога:

— Ну и жара! Как чувствуют себя мои новоселы?

— Новоселы — нормально! — доложил отец. — Кроме Константина Андреевича...

— А что с Кости́ком? — не без тревоги спросила мать, хотя застала сына как будто в полном порядке: он возился на полу со своими машинами и даже не выразил особой радости по поводу ее приезда.

— Константина Андреевича, видите ли, не устраивает малое количество автотранспорта на местных дорогах, — сказал отец.

— Ну, это полбеды! — Надежда Ивановна с ходу принялась хозяйничать. — А я успела повернуть кучу дел. Работу себе привезла. Документы все оформила, новых жильцов у нас устроила и даже была в твоём будущем институте. Да, Нинок, была я и в школе. Взяла характеристику, табель с отметками. В общем, все в порядке.

— Девочек не видела? — поинтересовалась Нина.

— Видела и девочек твоих, и мальчиков. Все шлют тебе привет!

С возвращением матери в доме все как-то ожило и закрутилось.

Можно было подумать, что в доме появился мальчишка — веселый, живой непоседа, который все перевернет сейчас по-своему, всех растормошит и заставит вертеться вместе с ним.

«Газель», — невольно вспомнила Нина. — Почему он так меня назвал? А может, я и правда похожа на газель? И мама? Чудак!

Нинина мать ни минуты не сидела без дела, казалось, всегда была бодра и не терпела кислого выражения на чьем-то лице. Ко всему она относилась просто, чуть-чуть легкомысленно, но при этом диктовала всем свое настроение и жажду деятельности. Даже на машинке она работала, как казалось Нине, весело, будто это была вовсе и не работа, а так — одно удовольствие.

Да и внешне Надежда Ивановна напоминала мальчишку — маленькая, худая, с вихрастой прической и чуть вздернутым носом. По крайней мере, именно такими бывают мальчишки в детском театре, где ребячьи роли исполняют женщины.

— Ты у нас прямо комсомолка тридцатых годов, — шутил Андрей Дмитриевич.

— А что? Вот возьму и повяжу красную косынку, — отвечала ему в тон Надежда Ивановна, которая, впрочем, как и ее муж, представляла себе комсомольцев тридцатых годов скорее по кинофильмам да фотографиям, чем по собственным наблюдениям.

Она когда-то была пионервожатой, потом работала детским массовиком в клубе строителей и с тех пор словно не изменилась. Да и голос у нее был таким хриловатым, как у большинства людей, для которых работа с детьми стала профессией. И неважно, что ей пришлось бросить прежнюю работу: и дома у нее была тысяча дел — и ни одной свободной минуты.

Нина понимала, что мама держится так еще и по-

тому, что хочет всем своим видом взбодрить отца, не дать ему впасть в уныние.

Однажды, еще года четыре назад, когда отцу нельзя было много читать и Нина как-то пожаловалась, что не успела сделать уроки потому, что читала папе книгу, мать сказала ей довольно резко:

— Чтобы ни я, ни папа никогда не слышали от тебя такого! Ты должна все успевать, а особенно успевать помогать папе! И не просто тогда, когда он просит тебя, а сама. Лучше помочь отцу и получить в школе тройку, чем не помочь и получить пятерку! И вообще, чем папа будет меньше чувствовать, что он нездоров, тем лучше!

Нина не знала и не могла знать, каким был ее папа до войны, и, откровенно говоря, никогда не задумывалась над тем, что у нее мог бы быть другой, здоровый отец. С малых лет, когда она сама и читать еще не умела, Нина привыкла к тому, что мать читает книги и ей и отцу, привыкла к тому, что читать папе самому вредно. Потом Нина не раз по примеру мамы вырывала у отца книгу или газету и начинала читать ему сама. Правда, она многого не понимала из того, что читала вслух отцу, и тогда он объяснял ей непонятное. Так было и в последнее время, когда Андрей Дмитриевич учился в школе и готовился к поступлению в лесотехнический институт. Хотя отец и мог теперь уже заниматься сам, Нина часто перечитывала ему учебники, помогала составлять конспекты, без которых он обычно не обходился. И само собой выходило так, что чем больше Нина занималась с отцом, тем больше узнавала сама...

— Ну, вот мы и получили аттестат зрелости! — сказал отец в прошлом году.

И Нина и Надежда Ивановна почувствовали, что в это «мы» вложено немало и их усилий и времени...

И сейчас, возвратившись из Москвы, Надежда Ива-

новна обрадовалась, увидев в руках у Нины отцовский учебник.

— Мы с Ниной и позаниматься успели,— поняв ее мысли, сказал Андрей Дмитриевич.— Повторенье — мать ученья... Особенно для меня!

— И для тебя и для всех! — сказала Надежда Ивановна.— Вот мы ходим с Нинком в школу и тогда еще почитаем. А потом я немного поработаю: две дипломные работы надо перепечатать. Вот тебе газеты. Я привезла. Только не увлекайся.

Она уложила Костика спать на балконе, в коляске, на скорую руку накормила свою «семейную братию»; теперь можно и в школу!

На улице стояла необычная для середины апреля двадцатиградусная жара. С каждым часом все зеленее становилась трава, все больше появлялось цветов, и уже не одна бабочка и пчела порхали над ними.

Собаки теперь не грелись, как утром, на солнышке, а прятались в тени.

С деревьев разносилось щебетанье птичьей мелюзги, вдоль дороги расхаживали целыми табунами пугливые грачи, вздрагивающие при каждом шуме, при появлении любого прохожего. Грачата помоложе, с серыми капюшонами на головах, никого не пугались. Они ходили по лужайкам и по полянам, по вспаханым под картофель квадратам уже подсохшей серовой земли и не обращали никакого внимания на людей.

В воздухе пахло тополевым цветом, хотя самих тополей поблизости не было. Зато вдоль ручья зеленели осины с покрытыми ржавчиной стволами, а наверху, возле кладбища, вырядился в белый цвет какой-то куст, наклонившийся набок.

— А церковь какая красивая! — сказала Нина, увидев блесевшие на солнце золотистые купола с крестами и белые с синевой стены колокольни.

— Красивая,— согласилась Надежда Ивановна.— Снаружи,— добавила она.— Как пряник. Ты ведь не бывала в церкви... А внутри мрачная, холодная, строгая. Вот и выходит, что снаружи церковь привлекает, а внутри подавляет. Хитрое сооружение!

— У одной девочки отец здесь в церкви работает,— сказала Нина, вспомнив рассказ Павлика.— Не понимаю, как это можно! Глупость какая-то! Работать в церкви!

— Свобода религии! — развела руками Надежда Ивановна.

И Нина почувствовала, что мама шутит.

Через несколько минут они уже спустились вниз по дороге и подошли к мосту через ручей. Вода в ручье была голубая от распахнувшегося над ним неба. Но стоило воде отклониться чуть в сторону и попасть в стоячие лужицы, как она моментально покрывалась сухими листьями и какой-то пылью. И не было уже видно в стоячей воде ни неба, ни деревьев. И казалось, что вот-вот вытаращит на нее глаза лягушка и громко квакнет.

Школа находилась за железнодорожным полотном, недалеко от дороги. Вокруг нее стояли пока еще голые яблони и вишни, словно метлы, торчали кусты сирени, смородины, малины.

— Летом здесь хорошо! — сказала Надежда Ивановна.— Вся школа в сплошном саду!

Нина молчала. Ей было не по себе при виде этой небольшой двухэтажной школы, в которой и учатся и хозяйничают другие, незнакомые ей ребята. Что-то ждет ее здесь, в этой школе?

И вдруг не успели они свернуть в ворота школы, как услышали:

— Вот и она идет!

У подъезда стояло несколько ребят — мальчишек и

девчонок. Нина сразу же узнала среди них Павлика Алексева.

— Я же говорил, что ты идешь! А они не верят!..— произнес он обрадованно.

Остальные ребята молчали, с любопытством разглядывая пришедших. Лишь одна небольшого роста девочка в стареньком, выгоревшем пальто, с голубыми полинявшими лентами в косах стояла, полуствернувшись от всех, и усиленно терла рукой глаза.

— Здравствуйте, ребята! — почти выкрикнула Надежда Ивановна. — Ну и нелюбезно вы нас встречаете!

Школьники, видимо, оторопели от этих слов и потому довольно бодро, словно на физзарядке, произнесли:

— Здрав-ствуй-те!

— Вот так-то лучше! — с удовлетворением сказала Надежда Ивановна. — А я вам привела новую подружку. Примете?

— Примем! — за всех сказал Павлик Алексеев.

И еще несколько голосов повторили:

— Примем!

Нина, окончательно смутившись, теребила косы.

— Вот это и есть Алексеев. Я рассказывала,— шепнула она матери, чтобы не молчать.

Надежда Ивановна, видно, заметила, что ребята явно чем-то огорчены, и без обиняков спросила:

— Скажите-ка, что у вас приключилось? И почему здесь были слезы? — И добавила, взглянув на Нину: — А ты не крути свои косы, последние волосы вырвешь!

Павлик, судя по всему самый разговорчивый, выступил на шаг вперед:

— Да, понимаете, физик вклеил Заботиной двойку. А это несправедливо. Он у нас новичок и ничего не знает...

— Это у нее отец в церкви,— шепнула Нина.

— Плохо, очень плохо,— сказала Надежда Ивановна.

И ребята не поняли, то ли она осуждает физика, то ли Заботину.

— Вовсе это и неверно,— вдруг сказала Заботина, та самая девочка, что только что плакала.— Просто мне трудно дается физика...— Она смутилась и покраснела.

— Это хорошо, что ты сказала! Мне нравится! — призналась Надежда Ивановна.— И, кажется, я знаю, что надо сделать... Ты разбираешься в физике, Нинок? — неожиданно спросила она дочь.

— Разбираюсь,— ответила Нина.

— Вот и хорошо, что разбираешься,— сказала мать.— Поможешь и Заботиной разобраться. Тебя как зовут, Заботина?

— Катей,— робко сказала Заботина.

— Вот, Нинок, и поможешь Кате одолеть эту страшную штуку, которая именуется физикой.

Ребята улыбнулись. Улыбнулась и Катя Заботина.
— Ты приходи тогда завтра после уроков ко мне.
Ладно? — спросила Нина.

— Ладно, — согласилась Катя.

— Так ты будешь в нашем классе учиться? — спросил Нину Павлик.

— Этого мы пока не знаем, — сказала за дочь Надежда Ивановна. — Вот пойдем сейчас к директору, и тогда все выяснится.

— Вы попросите Серафиму Кузьминичну, чтобы она ее в шестой «Б» определила! — посоветовал Павлик. — Тогда им и с Катькой лучше будет заниматься.

— Попробую попросить, — пообещала Надежда Ивановна. — Ну, пойдем, Нинок!

— Мама! Можно я не пойду? — попросила Нина. — Я здесь с ребятами постою.

— Ну, как хочешь.

— Мать-то у тебя — во! — сказал Павлик, когда Надежда Ивановна скрылась за дверью школы.

— Почему? — не поняла Нина.

— В смысле мировая, то есть хорошая! — пояснил Павлик. — А что, неправда?

— Верно! — сказал кто-то из мальчишек.

— Она случайно не учительница? — поинтересовался опять Павлик. — Вот бы такую нам! С ней и дружить можно!

— Она вожатой работала, — объяснила Нина. — Раньше, правда. А сейчас на машинке печатает, дома...

— Пусть хоть и вожатой! — обрадовался Павлик.

— Какая же из нее вожатая! — возразила Нина. — Ведь маме уже тридцать шесть лет.

— Тридцать шесть? Такая старая! — не поверил Павлик. — А на вид молодая и простая...

— Она у нас хорошая! — сказала Нина. — Только работать ей сейчас нельзя. Братишка у меня малень-

кий. Вот когда в детский сад пойдет... А сейчас у мамы и так много хлопот.

— Жалко! — искренне произнес Павлик. — Нам бы такую в самый раз! Но у нас тоже вожатая неплохая! Вот увидишь!

Вскоре на пороге появились директор школы Серафима Кузьминична и Надежда Ивановна.

— Так завтра пусть ваша девочка приходит, — сказала Серафима Кузьминична. — А, вот и она сама. Ну, здравствуй! Завтра приходи!

— Здравствуйте. Приду, — пообещала Нина.

— А школа у нас самая обыкновенная, — добавила Серафима Кузьминична. — Думаю, что ты подружишься с ребятами и к школе привыкнешь. Школа как школа...

ГЛАВА ПЯТАЯ

НЕПОНЯТНАЯ ИСТОРИЯ

На следующее утро Нина впервые пришла в шестой «Б». Место ей досталось хорошее — на второй парте, у окна. Но вот соседка... С соседкой Нине явно не повезло.

— Садись, садись, пожалуйста. Тебе здесь будет хорошо, — внимательно захлопотала она, когда Нина подошла к своей парте. — Меня зовут Женя Киселева, а о тебе я уже все знаю. Боже, какое несчастье с твоим отцом! Я представляю, как тяжело, когда человек так пострадал. Ведь он совершенно беспомощный!..

— Почему же беспомощный? — возразила Нина. — Вовсе он не беспомощный. Он учится. Скоро работать будет...

— Ну, что ты! Я знаю! — убежденно запротестовала Женя. — Нет ничего хуже, чем контузия. И вообще у всех так тяжело с отцами. Вот у Алексеева — отец тоже раненый, и у тебя... И у Заботиной папа на войне пострадал... А такой хороший человек! Это кошмарно!

— А у тебя? — уже без злости спросила Нина.

— У меня? — удивилась Женя. — Нет, у меня папа здоровый. Но все равно. Ведь я представляю, как это, например, тяжело твоему отцу!..

Нина уже не знала, как бы она отнеслась ко всей этой болтовне, но в этот момент в класс вошел Павлик.

— Кому тяжело? Почему тяжело? Опять сто-нешь! — сказал он грубо.

Видимо, Павлик уже не раз слышал подобные разговоры Киселевой.

— Уж лучше бы ты помолчала, кликуша! Занимайся своими делами!

— Почему я кликуша? Пожалуйста, не оскорбляй меня! — возмутилась Женя.

— Конечно, кликуша! Балаболка! — настоятельно подтвердил Павлик. — А ты, Стрешнева, вообще поменьше слушай свою соседку, — добавил Павлик. — Она и тебе наговорит!

— Ну и пожалуйста, можете не слушать! — обиделась Киселева и замолчала.

Первым уроком оказалась физика. В класс вошел тот самый учитель, который вчера «влепил» Заботиной двойку. Его звали как-то по-древнему: Матвеем Ферантовичем, хотя он был еще вовсе не стар.

И тут произошло неожиданное.

— Я вчера вызывал Заботину, — сказал физик, — и, к сожалению, поставил ей плохую оценку. Сейчас я хочу еще раз спросить Заботину и лучше выяснить, как она знает пройденный материал. Всяко может быть... Вдруг и не так плохо, как я думал. Пожалуй-

ста, Заботина, иди к доске. Кстати, а что у тебя, Катя, было раньше по физике?

— И четыре было, и три,— тихо ответила Катя.

Класс замер, ничего не понимая.

И только Нина, кажется, начала кое-что понимать. Ведь вчера, когда они возвращались из школы, мама сказала ей, что передала услышанный от ребят разговор о Катиной двойке директору. Неужели Серафима Кузьминична рассказала об этом физику и заставила его спросить Заботину еще раз?

Между тем учитель задавал Кате вопрос за вопросом, и та, хотя и не совсем уверенно, отвечала на них.

— Что ж, правильно! Верно! — довольно подтверждал Матвей Ферапонтович. — А теперь вспомни формулу мощности и напиши ее на доске.

Катя на минуту задумалась и написала на доске:
 $N = At.$

— А ты посмотри! — посоветовал учитель. — Не ошиблась ли в чем-нибудь?

Класс зашипел, подсказывая Кате.

А она, сбита́я этим, не понимая, что ей подсказывают, растерялась и ничего не могла вспомнить.

— Давай я тебе помогу, — сказал физик и подошел к доске. — Надо так: $N = \frac{A}{t}$. А в целом я тобой доволен. Ставлю тебе четверку. Кстати, я слышал, ты собираешься подзаняться физикой с нашей новой ученицей Стрешневой? Так?

— Да.

— Подзаймитесь. И я уверен, дела у тебя пойдут еще лучше. Садись.

Уроки в этот день тянулись невыносимо долго. Нина томилась в незнакомой обстановке и никак не могла поверить, что и завтра, и послезавтра, и всегда теперь должна приходить в эту незнакомую школу, в незнакомый класс.

Наконец настал последний урок. В класс вошла преподавательница биологии Мария Григорьевна. Это была уже немолодая, немного располневшая и, как показалось Нине, добрая женщина.

Она подошла к столу и первым делом сказала:

— Знаете, друзья, нам пора уже пикировать рассаду. Ну-ка, двинулись!

Шестиклассники прошли через весь коридор и оказались в большой, очень светлой комнате рядом с лестницей. Здесь на окнах и на столах стояли ящики с землей, в них росла какая-то зелень.

Нина не знала, что такое «пикировать», но оказалось все довольно просто. В ящиках была рассада помидоров, и надо было пересадить ее более свободно — это и называется пикировкой.

— Вот станет потеплее, — сказала Мария Григорьевна, — и мы высадим рассаду в почву. У нас ведь, Стрешнева, большой пришкольный участок — два с половиной гектара.

— Сейчас уже тепло, — простодушно сказала Нина.

— Тепло-то тепло, да почва еще не прогрелась, — объяснила Мария Григорьевна. — Да и нельзя верить такому раннему потеплению. Всяко еще может быть: и снег и холод.

Павлик пикировал рассаду рядом с Ниной.

— А потом куда эти... ну, помидоры девают? — поинтересовалась Нина.

— Как куда? В столовую нашу идут и самим ученикам, — сказал Павлик. — И не только помидоры, а все, что мы выращиваем. Я, например, в прошлом году яблок получил полмешка, малины, смородины, кукурузы, сена, картошки пять ведер. Знаешь, как мама была довольна! Я после уроков покажу тебе наш участок. Ладно?

— Ладно, — сказала Нина, но вдруг вспомнила: —

Нет, сегодня нельзя. Я же обещала с Заботиной по физике позаниматься. И Матвей Ферапонтович сказал...

— А-а!..— как-то неопределенно протянул Павлик.— Только... Да, ну ладно... Посмотрим, как будет...

После уроков все стали собираться по домам. Нина увидела, что Катя сложила в портфель книги и тетради и направилась к двери.

— Катя! Подожди! — крикнула она.— А физика? Мы же договорились...

Нина подбежала к двери. Катя смутилась. Она стояла молча, опустив голову, и чертила носком ботинка по полу.

— Я не могу,— наконец сказала она.— В общем, не могу никак... У меня дома дела есть... В общем, не могу...

И убежала из класса.

Нина опешила.

— Так пойдем? Я тебе покажу наш участок! — сказал подошедший Павлик.

— Подожди! — сказала Нина, выходя вместе с Павликом в коридор.— Я что-то ничего не пойму. Договорились вчера с Заботиной, что будем по физике заниматься, и вдруг — «не могу», «дела». Ничего не понимаю!

— Ну и брось! — сказал Павлик.— Не может и не может! Подумаешь!.. Может, и правда у нее там какие дела. Чего ты обращаешь внимание?

— Я и не обращаю...

— Ну и ладно,— сказал Павлик.— Пошли лучше участок смотреть. Сама же интересовалась. А и не интересовалась бы, все равно должна знать. С нами же учишься! Пошли?

— Ну, пошли,— нерешительно согласилась Нина.

Они спустились на первый этаж, оделись и вышли из школы.

Павлик начал объяснять официальным тоном, как заядлый экскурсовод.

— Вот участки пятых и sixth классов, — сказал он, показывая за ограду перед школой. — Здесь яблонь сорта Пепин десять корней, по краям — сирень, посередине — клумбы многолетних цветов. Тут розы будут, конечно, сейчас они еще не видны, декоративная трава и так далее... Пойдем дальше... Налево!

Этот тон немного развеселил Нину.

— Что же, ты так и будешь со мной разговаривать, как на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке?

— Как же с тобой разговаривать! — возмутился Павлик и уже мягче проворчал: — Все переживания, переживания... Устал я от них!

— Прямо и устал! — Нина откровенно рассмеялась. — Говори лучше по-человечески, я уже не переживаю...

— Вот так-то лучше, — пробасил Павлик. — Пойдем сюда, налево. Там у нас, знаешь, что есть!

Они свернули за левый угол школы, где также стояли яблони и еще какие-то деревья.

— Это яблони, — сказал Павлик, — в общем, тот же Пепин, а это вишни. А вот это... — и он многозначительно поднес руку ко рту, словно собираясь сообщить величайшую тайну, — это яблони Комсомолец. Всего две штуки! Знаешь, как они цветут!

— Не знаю, — призналась Нина.

— Ярко-розовым цветом! — объяснил Павлик. — До чего ж красиво! Вот увидишь сама.

Дальше они направились за школу. Там тянулись поля и огороды.

Нина только успевала выслушивать объяснения Павлика:

— Здесь мы сажаем кукурузу!..

— Тут у нас посе́вы на зиму редиса, моркови и свеклы!..

— Вон посадки декоративных растений — боярышника и барбариса...

— Рядом — крыжовник...

— Слева — озимые: яровая пшеница, рожь...

— Вот многолетние травы: клевер, тимофеевка...

Нина не видела ни тимофеевки, ни редиса, ни пшеницы. Перед ней были лишь грядки и участки сырой земли, аккуратно обработанные чьими-то руками. Неужели скоро появится на этих грядках и участках все: и пшеница, и рожь, и клевер, и тимофеевка, и редис, и морковь, и свекла?

По правде говоря, пока Нина не очень понимала восторги Павлика, и все ей показалось здесь довольно скучным и унылым. Ветерок гулял среди голых деревьев и кустарников, одинаково однообразными были квадраты и прямоугольники черной земли, пустынные дорожки и берега пруда.

Нина вспоминала сельскохозяйственную выставку в Москве с ее богатыми садами, полями и огородами: там все куда интересней!

«Ну, пусть я была на выставке летом,— подумала она,— к этому времени и здесь, пожалуй, что-нибудь разрастется, но и сейчас за школой в лесу и на полянах куда больше зелени. А тут даже и птиц не видно и не слышно».

Чтобы не молчать, Нина спросила о том, о чем чаще слышала:

— А кукурузу вы тоже посеяли?

— Что ты! — поразился Павлик.— Кукуруза тепло любит. Ее сажают только в мае, и то если погода хорошая. А пока мы кукурузные семена в помещении выращиваем.

— Значит, вы все лето здесь работаете? — поинтересовалась Нина.

— Как же! Конечно, все лето! — объяснил Павлик. — А школу сдаем детскому саду. Московскому. Деньги получаем, как раз на ремонт хватает.

Чувствовалось, что Павлик говорит обо всем, как хозяин. Будто он если не директор, то по крайней мере завхоз школы.

— Там у нас пруд. Сами выкопали! Впрочем, не мы, а постарше ребята. Пруд копали года четыре назад. Мы карасей в нем разводим и карпов. Вот увидишь, когда в столовую пойдешь. Карась в сметане — оближешься!

Наконец, судя по всему, энергия Павлика иссякла:

— Теперь домой пора. Разыскивать еще будут тебя. Пошли.

Они отправились домой вместе. Теперь уже шли молча, словно исчерпали все темы для разговора. Молча дошли до станции, молча пересекли железную дорогу. Возле кладбища Павлик спросил:

— Ты кладбища боишься?

— Не знаю, — сказала Нина. — Одна, наверное, боюсь...

— А я не боюсь, — похвалился Павлик. — Я даже могилу копал, когда бабушка умерла.

Миновав кладбище, они вновь замолчали. Молча прошли теперь мостик через безымянный ручей, молча шли по дороге к своим домам.

— Хочешь, я скажу тебе, почему Катька не пошла? — вдруг спросил Павлик и тут же добавил: — Только дай слово, что ей не скажешь!

— Я никому не скажу, — пообещала удивленная Нина. — Только ты...

— В общем, ей отец запретил к вам ходить, — сказал Павлик.

Нина остановилась:

— Как запретил? Почему?

— Не знаю, почему. Катька приходит сегодня в школу и ко мне: «Ты дружишь с новенькой?». Я говорю: «Дружу». А она: «Не знаю, как мне быть, но я не буду с ней заниматься по физике». Я спрашиваю: «Почему?». А она говорит, будто ее отец с твоим знаком и не хочет, чтобы Катька к вам ходила. Вот и все. Как ты думаешь, чего это он?

— Странно...— сказала Нина.— А ты что?

— Что я? Я ничего... Не хочешь — не ходи, да и только! Ведь отец у ней, знаешь, какой странный! Мало ли что ему взбрело!

— Странный? А Киселева говорит, что он хороший человек и несчастный...

— Киселева! Киселева! — возмутился Павлик.— А почему она говорит? Потому, что мать ее в бога верит и в ту же церковь ходит. А несчастным он, по-моему, просто прикидывается. Он, наверно, Катьку лупит.

— За что?

— А за то, что она в пионеры вступила. Только у Катьки ничего не допытаешься. Или боится она его, или просто гордая такая. Только я догадываюсь...

— А отец ее правда в бога верит?

— А-а! Какой там верит! И как верит, когда бога нет! Просто деньги с попами зарабатывает... Они, знаешь, какие деньги имеют! Вон дома себе отгрохали! На машинах ездят!

Нина молчала.

— Ты только не обращай внимания на то, что я про Заботину тебе сказал. Ну, не хочет и не хочет! Ей же хуже...

— Не пойму все-таки, почему он не разрешил,— сказала Нина.— И почему ты мне только сейчас говоришь, а утром молчал?

— Не хотел.

— Почему?

— Что тебя обижают! Я думал, ты обидишься...

— Как я могу обидеться? — сказала Нина. — Ведь я сама не понимаю этого... А как ты считаешь, — вдруг спросила она, — если я у папы спрошу, ну, как бы не нарочно! Чтобы тебя не выдавать. Ведь могу я спросить, знает ли он Заботина или нет?

— Наверное, так можно, — сказал Павлик. — Ты только про Катькины слова не болтай. Я обещал ей. А так можно, без Катьки... В общем-то, я и сам ничего не понимаю. Просто, наверное, ей отец натрепал.

— Что? — спросила Нина.

— Ну, наболтал, — пояснил Павлик. — Выпивает он у них, говорят. Вот и болтает всякое...

— А может, мне все же зайти к Кате самой?

— Зачем? — не понял Павлик.

— Ну, спросить! Ведь сама-то она хотела заниматься...

— Не знаю! Ну, зайди! — неуверенно сказал Павлик. — Только про меня не говори.

Они уже почти дошли до Нининых ворот. Павлику предстояло идти дальше: он жил около плотины.

— Да, подожди, — вдруг вспомнила Нина. — А почему это ты сказал Заботиной, что дружишь со мной? Мы же только вчера увиделись.

— Ну и что? — смутился Павлик. — И дружу! А что?

— Разве ты дружишь с девочками?

— Нет, — окончательно смутился Павлик. — С ними не дружу.

— Почему?

— Чего с ними дружить! Подумаешь, интерес, все знакомые, обычные...

— Чудак ты! — сказала Нина и хотела добавить

«Павлик», но повторила: — Чудак ты, Алексеев! Ну ладно! Я пойду домой!

— Я тоже, — сказал Павлик и спросил: — Завтра в школу придешь?

— Конечно, приду, — ответила Нина. — Куда же я денусь! Ну, пока!

Нина медленно шла к дому, еще медленней поднималась по лестнице. Сказанное Павликом не выходило у нее из головы.

«Как же спросить? — думала она, перебирая в уме самые различные варианты. — И лучше спрашивать, когда папа будет один, без мамы. Иначе...»

Вот и дверь их квартиры. Нина постучала и поняла по шагам, что к двери идет отец.

— Это я, — сказала она, входя в квартиру. — А мамы нет?

— Мать наша пошла делать набег на местные магазины! — сказал Андрей Дмитриевич. — Пока Константин Андреевич спит. Ну, а как ты? Как в школе? Рассказывай все сто тысяч «как».

Нина стала рассказывать про школу, про ребят, про уроки, про школьный участок, опуская лишь то, что было связано с фамилией Заботиной. Она даже покраснела, говоря об уроке физики: чувствовала, что хитрит, называя Катю «одной девочкой». «Одна девочка получила вчера двойку», «учитель спросил сегодня эту девочку»... Под конец рассказа Нина, покраснев еще больше, решила:

— Да, папа! Я все забываю тебя спросить: ты не знаешь такого Заботина?

— Наготина? — удивился отец.

— Да нет, не Наготина, а Заботина. Я просто так, — сказала Нина и, чувствуя, что она уже не может больше врать, пояснила: — Заботин здесь в поселке живет, а дочка его учится в нашей школе.

— Нет, Заботина вроде не знаю,— сказал отец.

Нина поняла, что больше спрашивать ни о чем не надо, иначе она проболтается, расскажет об услышанном от Павлика. «Но почему так странно повела себя Катя Заботина? Пойду-ка я к ней и спрошу сама».

— Сейчас наша мать придет, и будем обедать,— сказал отец.— Одним нам с тобой командовать запрещено. Говорят, пожар устроим.

«Придется потом,— решила Нина.— Пообедаем, тогда и схожу».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НЕНАПИСАННЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

— Что-то ты мрачная сегодня, Нинок! — заметила Надежда Ивановна.— Случилось что-нибудь?

— Нет-нет, ничего,— поспешила ответить Нина.— Все хорошо.

И она принялась за примеры по алгебре, стараясь сосредоточиться. Но сосредоточиться было трудно. Было уже восемь часов, а Нина никак не могла разделаться с домашними заданиями. События прошедшего дня не выходили из головы, путались, и Нина вновь и вновь отрывалась от стола, грызла ручку и думала, думала, думала...

Больше всего ей хотелось посоветоваться с родителями, но и этого сделать она не могла. Раз обещала — надо молчать.

Нина отложила задачник, достала дневник. «Ничего интересного пока нет»,— прочла она позавчерашнюю запись. Подумала: «Записать? Но как? Разве обо всем расскажешь, да еще на бумаге!»

Пришлось закрыть дневник.

После обеда Нина, как и собиралась, пошла к Кате. Она постучала в дверь маленького домика Заботиных, но ей никто не открыл. Нина заглянула в окно и увидела Катю. Та была одета и, как показалось Нине, в растерянности стояла около стола.

Лишь после стука в окно Катя открыла дверь. Через заставленные бочками и ведрами крестьянские сени Нина вошла в комнату. Здесь было и тесно и бедно. Бревчатые почерневшие стены, старый громоздкий сундук, несколько скамеек и табуретов, два покосившихся венских стула, покрытый газетами стол. И только две кровати с высокими железными спинками сияли белизной подушек и покрывал. Над одной висел вырванный из тетради в клетку листок с расписанием уроков, над другой, что ближе к двери,— потускневшая деревянная иконка с каким-то странным изображением: одна голова с тремя ртами, носами и бородами, четыре глаза, и все это в лучах, похожих на лепестки подсолнуха.

— Ты уходишь? — наконец спросила Нина. — А я-то думала, мы... — Она заметила в Катиных глазах слезы: — Ты что?

— Не знаю,— как-то неопределенно сказала Катя. — Вот записку мама оставила...

Нина взглянула на протянутую Катей записку, прочла: «Катюша, если к твоему приходу отца не будет, сбегай поищи. Как бы не случилось чего с ним».

— Он и ночь не ночевал, со вчерашнего,— сказала Катя.

— Так пойдем вместе! — предложила Нина. — Только куда?

— Не надо тебе! А то увидит, ругаться будет...

— Но почему же?! — удивилась Нина.

— Не знаю... Ничего не знаю... — сказала Катя.

Они вышли из дому и направились в сторону церкви. Нина шла рядом, и Катя уже больше не возражала. До моста через безымянный ручей дошли молча.

— А это что, икона такая? — вспомнила Нина.

— Где?

— Там, дома у вас.

— Икона, — ответила Катя. — Это не наша, его...

— А почему она такая странная?

Нина никогда раньше не видела икон, а если и видела, то просто не обращала на них внимания.

— Трехликий Христос называется. Бог — отец, бог — сын, бог — дух святой, — объяснила Катя. — Это его... Он ведь в церкви...

— Я знаю, — сказала Нина.

♦Почему трехликий? Даже слово-то какое-то не-

приятное: трехликий! Двуликий! Трехликий! И на вид он страшный! Иногда говорят: «Бог троицу любит». Наверное, поэтому так и говорят, что он трехликий», — шла и размышляла Нина.

Катя и Нина вошли за церковную ограду.

Вблизи церковь оказалась вовсе не такой красивой, как издали. Облезлые стены, засиженные голубями карнизы, мрачные продолговатые окна. Над двумя куполами кружилось каркающее воронье, а возле массивных потертых дверей толпились какие-то человеческие фигуры. Безликие, будто со стертыми лицами старухи в черных платках, старики с растрепанными седыми головами, калеки с обнаженными обрубками рук и ног — все нудно качались, дергались, крестились, гремели кружками и костылями, вытягивали руки, взы-

вали к чьей-то помощи. И казалось, что над ними уже нет ничего живого: ни неба, ни солнца, ни птиц. Даже деревья, что росли здесь, отделяя церковный двор от кладбища, были естественно корявы, сгорблены, придавлены, словно и не суждено им больше отойти от зимнего сна и вскинуть к солнцу зелень своих молодых ветвей. Деревья были похожи на этих людей, пришедших откуда-то из иного, давно забытого мира, а люди были похожи на эти лишенные жизни деревья.

— Я сейчас,— сказала Катя и стала пробиваться к дверям церкви.

Нине было не по себе. Никогда еще ей не доводилось видеть такого. Даже в страшном сне не попадала она в такой непонятный мир, где все было подавлено, заморожено чем-то неправдоподобным.

Оставшись одна, она невольно попятилась, чтобы выбраться из этой толпы.

— Дух божий привел тебя сюда, доченька! Пади перед ним, сложи к ногам свои грехи, и он омоет тебя своей кровью, пролитой на кресте, и ангелы на небе будут радоваться за тебя! — услышала Нина и почувствовала, что кто-то схватил ее за руку.

Нина с испугом отдернула руку и обернулась. Средних лет женщина с болезненно-блаженным лицом стояла перед ней и продолжала бормотать непонятное:

— В очищении от грехов найдешь ты успокоение и благоденствие, доченька...

— Пропустите меня! — сказала Нина, направляясь в сторону.

— Господи! Да расточатся врази твои... Безбожница!.. Нацепила сатанинский ошейник, прости господи!..

Нина вернулась к церковной ограде. «Подожду здесь», — решила она.

— Ты что? Испугалась?

— Алексеев? — удивилась Нина. — А ты зачем здесь?

Оказалось, что Павлик шел все время за ними.

— Я к заботинскому дому подошел. Хотел узнать, будешь ты с Катькой заниматься или нет, — признался он. — Потом смотрю, вы сюда пошли. Ну, и я...

— У Кати отец пропал, — сказала Нина.

Пожалуй, в этот момент Нина даже обрадовалась, что рядом был Павлик.

Мимо них проехала похоронная машина. Из ворот церкви вышли две женщины с грудными детьми на руках. Вдоль дороги прямо на земле сидело несколько нищих. Женщины остановились у просящей милостыню старушки и бросили ей в ладонь по монете.

— Подайте, родименькие! За деточек ваших! С крещеньцем! Дай бог им быть здоровенькими! — наперобой запричитали нищие.

Откуда-то из глубины церкви слышалось протяжное пение хора.

— Отец Афанасий деньгу зашибает! — авторитетно сказал Павлик.

— А кто это?

— Да поп здесь такой... Самый главный, — объяснил Павлик. — Во живет! Здесь, что ни шаг, — гони монету! Все говорят: «Бог! Бог! Дело святое!» А дело

это все на деньгах. За покойника, говорят, двадцать рублей берут. За крещение младенца — десять. За свечку — тридцать копеек. За всякие там отпущения грехов и прочее тоже берут... В общем, набегает денежки!..

Неискушенная Нина поинтересовалась:

— А что это за сатанинский ошейник?

— Как что? Галстук пионерский! — сказал Алексеев. — Это попы его так называют!

— А! Тогда понятно! Значит, это меня обозвали так за галстук!

...Катя вернулась ни с чем.

— Нет, — сказала она, даже не удивившись появлению Павлика, — тут его нет.

— Где же искать? — спросила Нина.

— Прямо и не знаю, — ответила Катя. — Может, он у дьякона? Его тоже нет в церкви... Только я боюсь идти туда.

Павлик запротестовал:

— А чего бояться? Пошли, и все. И мы с тобой! Подумаешь, дьякон!

Дом дьякона находился неподалеку. Он был огорожен глухим темно-зеленым забором. Сложен из белого кирпича, под серой черепичной крышей.

Участок вокруг дома был хорош. Даже в эти ранние весенние дни нетрудно было угадать тут хозяев умелых, рачительных, знающих цену каждому клочку земли. Справа тянулись аккуратно обработанные грядки, вдоль забора — кусты крыжовника и малины, слева стояли яблоневые и вишневые деревья, перед крыльцом был разбит цветник.

Именно это и отметил Павлик, как только они открыли незапертую калитку и оказались перед домом:

— А хозяйство ничего себе! Культурное!

Катя в нерешительности остановилась перед крыльцом.

— Может, спросить кого? — сказала Нина, оглядываясь по сторонам.

В правом дальнем углу участка она заметила какую-то одинокую женскую фигуру, копавшуюся в земле.

— Вон хотя бы ее!

— Сейчас, — сказал Павлик и побежал между грядками.

Через минуту он вернулся вместе с круглолицей девушкой, повязанной серым клетчатым платком. Лицо у девушки было довольно простодушное, из-под платка виднелось синеватое родимое пятно на подбородке.

— Прямо беда, как матушка Софья Матвеевна уезжает, — с огорчением сказала она, вытирая руки о фартук. — Как вчера уехала, так они все и пьют, и пьют... Давесь прикорнули чуток и обратно в лавку проводили за зельем этим... Слава господу, разойдутся теперича...

В это время Павлик заметил на крыше дома радиантенну и искренне развеселился:

— Что ж это у вас телевизора нет? Радио есть, а телевизора нет?

— Никакось нельзя нам этого, — серьезно сказала девушка. — Всякое праздное зрелище греховно... А радио отец дьякон не из праздности имеют. Они по ему лишь духовные передачи слушают из «Голоса Америки»... Ну да пойду доложу. А вы покамест пойте.

Девушка поднялась на крыльцо и, вытерев ноги о суконный половик, скрылась в доме.

— Представление! — сказал Павлик.

— Помолчи уж! — попросила Нина, взглянув на молчавшую все время Катю.

За дверью слышались шаги, и на крыльце появился Заботин.

— Явились! — произнес он, театрально наклонившись и чуть не упав. — А это кто?

Заботин был пьян, ворот его рубахи расстегнулся, из-под него виднелось нижнее белье. Красное, стекшее лицо выражало не то безразличие, не то сонную усталость.

Девушка вынесла на крыльцо его одежду — телогрейку и потертую ушанку, помогла одеться.

— Застудитесь, не ровен час, — сказала она, просовывая руки Якова Кузьмича в рукава телогрейки.

Заботин ворчал:

— Привела! Одна не могла! Свидетели! Да? Пионерия!

— Не осуждайте сурово ягнят заблудших, дорогой Яков Кузьмич! На то есть воля божья! — слышалось в дверях, и на крыльцо вышел дьякон.

В отличие от Заботина, он крепче стоял на ногах, лишь помятый, замусоленный подрясник да такое же помятое лицо с всклокоченной бородой и маленькими блестящими глазами выдавали его.

— Дети невинны в своих заблуждениях, а господь милосерден к юным чадам своим!

Дьякон был, видно, в хорошем настроении. На полном, покрытом испариной лице его царила блаженная улыбка, его певучая речь так и журчала всеми оттенками доброты. Он взял Якова Кузьмича под локоть и осторожно сошел с ним по ступенькам крыльца.

— Ну как, дети мои, идут ваши занятия? — спросил он, обращаясь уже прямо к ребятам.

Нина и Катя промолчали.

— Ничего идут занятия! — ответил за всех Павлик. — Нормально!

— Да, в наш век никак нельзя без знаний. На все воля божья! Господь помогает человеку, дерзнувшему познать тайны вселенной. Великие деяния народа нашего на поприще новой жизни освящены волей господней. Но вы еще молоды, а молодость легкомысленна и не задумывается о спасении и бессмертии души. А с годами всем суждено вкусить просветляющие душу размышления, которые неизбежно приводят к убеждению о бытии божьем. Мир божий превыше всего, да соблюдаю сердца наши и помышления во Христе Иисусе!

Павлик дернул Нину за руку:

— Пошли скорей, а то...

— Пойдем, папа, домой,— попросила Катя.

— Идите, дети мои! — согласился дьякон.— И вы ступайте, дорогой Яков Кузьмич. И не терзайте себя мыслями дурными, ибо каждому, чье сердце ищет Христа, протянет Христос руку и спасет от напасти. Да и досточтимый батюшка наш Афанасий Лазаревич хлопочет за вас по необходимости. Ступайте спокойно. А завтра поутру жду вас. А то вон бедняжка наша Маруся замучилась совсем. Время теплое, земля не ждет...

— Она, говорят, на них, как на буржуев, работает,— шепнул Нине Павлик.

А Нина, слушая благостную речь дьякона, думала: «Верно мама сказала, что церковь только снаружи красива, а внутри... Так и дьякон этот! Снаружи человек человеком — и добрый и ласковый... А внутри!...»

— Пойдем! Прошу тебя! — опять сказала Катя, беря отца под руку.

Заботин неуверенной походкой двинулся к калитке. Нина и Павлик пошли сзади.

Выйдя на улицу, Заботин споткнулся и упал в грязь. С трудом приподнявшись, он прислонился к забору и пробормотал:

— Попутал нечистый, ох, попутал!..

— Ну, пойдем! Прошу тебя!..— умоляла его Катя.

— А что я? Идти не могу? — бодро воскликнул Заботин. — Не знаешь ты меня, грешная твоя душа, не знаешь! Вот сейчас встану...

Он поднялся с помощью Кати, уперся руками в забор и попытался двинуться вперед. Но стоило ему опустить одну руку, как он потерял равновесие и вновь сполз на землю.

Павлик подошел ближе, предложил:

— Давай, Кать, мы вместе отведем...

Катя не возражала, и тогда Нина тоже подошла к ним:

— Правда, отведем вместе...

— А вы кто такие? — возмутился Яков Кузьмич. — Цыц, безбожники! Я сам...

— Вы уж простите его, — сказала Катя, ни к кому не обращаясь. — Не может он...

Нина, Павлик и Катя взяли Якова Кузьмича под руки и с трудом оттащили от забора.

Сначала он пытался возражать, упирался ногами в дорогу, но потом смолк. Голова у него повисла.

Они миновали ворота кладбища и пошли в сторону дома.

— По-похоронят меня!.. И никто не узнает!!! — вдруг взвыл Яков Кузьмич. И тут же добавил, переходя на другой тон: — Думаете, я подлец? А вы такие чистенькие, пионерчики с галстучками! Ш-ш... Дудки! Я, может, лучше вас всех... Я бога не променял! Он, господь наш, все видит!

— Не надо! Помолчи! — всхлипнула Катя.

— Идемте, идемте! — торопил Павлик.

— Чего реवेशь? — возмутился Заботин, опять оставившись. — Все против меня? Да? Мать и ты? Анти-христово отродье! И этот вот безрукий приехал — все

против меня? Брошу вот всех вас! Меня батюшка... Я верой и правдой господу служу!

— Никто не против тебя! Домой тебе надо... Выспаться,— сказала Катя и виновато глянула на Нину.

Нина молчала.

«Значит, он знает все-таки папу. Знает и почему-то боится. Но почему?» — думала она.

— Пошли! Дядя Яша, надо идти! — сказал Павлик, пытаюсь сдвинуть Якова Кузьмича с места.

Так, останавливаясь, делая вновь по несколько шагов и снова останавливаясь, они с трудом дотащили Заботина до дому.

Тут Яков Кузьмич вновь заскандалил.

— Ксюшка! Ид-ди! Мужа встречай! — завопил он.

— Как тебе не стыдно! — упрашивала его Катя. — Не надо! Пойдем в дом.

— Стыдно!.. Не перечь! Кто глава жены? Муж! — рассуждал Заботин. — Я и есть! Христос — глава церкви, а муж — глава жены!.. Ксюшка!..

Ксении Степановны дома не оказалось, и пришлось довести Якова Кузьмича прямо до комнаты. Уложили его на кровать. Катя стащила с отца сапоги.

— Ну, мы пойдем,— сказала Нина.

Катя, растерянная, с красными от слез глазами, не знала, как себя вести, что говорить. Она довела Нину и Павлика до двери и только здесь, словно извиняясь, прошептала:

— Вы уж... Спасибо вам! Сами видите... И пожалуйста, не надо говорить никому! Очень прошу!.. Хорошо?..

Нина и Павлик спустились вниз. На поляне зеленела свежая травка. В солнечных лучах купались птицы, и легкие бабочки по-прежнему деловито осваивали первые весенние цветы. И даже на вербе уже ви-

сели мохнатые шишки не успевших еще зацвести цветов.

— А все-таки Катька наша молодец! — довольно произнес Павлик. — Я не знал, что отец ее такой. А она не поддается!

— Что ты заладил: «не поддается, не поддается»! — возмутилась Нина. — Нельзя так! Кате помочь надо! И не только по физике! А вы приняли ее в пионеры — и успокоились! А как она живет, знаете? И вообще!..

Живете рядом с церковью и привыкли! Скоро сами богу будете молиться! Да? А что там происходит, никого не касается!

Нина озадачила Павлика.

— А что сделаешь! Церковь эту не закроешь, — подумав, сказал он. — Свобода религии... Попы за Советскую власть молятся...

— Не знаю, что делать... Но что-то надо...

Домой Нина вернулась рассеянная и грустная. Ни

уроки, ничто не шло на ум. Надо было переварить увиденное, разобраться, подумать... В Москве ей ни разу не приходилось сталкиваться с подобным. Она знала, что есть где-то какие-то темные люди, которые верят в бога, но ни разу не встречала их в жизни. Она знала, что есть в Москве церкви, но никогда не бывала около них. Она знала, что бога нет, и этого было достаточно, чтобы считать всех своими единомышленниками... Все немногое, что доводилось ей знать о церкви до сегодняшнего дня, было древней историей, которая, казалось, давным-давно канула в вечность. Ведь давно нет ни царей, ни помещиков, ни буржуев. Все это было до революции. И вдруг—дьякон! И вдруг—Заботин! И трехликий Христос! И Катя, которая совсем недавно верила в бога! И эта церковь со стонущими, причитающими людьми! И женщина, крестившая грудного ребенка... И все это сегодня, сейчас, рядом...

И ЗА ВЕСНОЙ ЗИМА ПРИХОДИТ

А дни шли. И каждый новый приносил что-то повесенному свежее, а порой и неизведанное.

Больше всего открытий делали, пожалуй, Костик и Андрей Дмитриевич. Костик то замечал незнакомую птицу, которая смешно называлась трясогузкой, то после первого сильного дождя обнаруживал на дорогах и тропинках армии дождевых червей и, не находя подходящих слов для выражения своего полного восторга, без конца восклицал:

— Бяк-ка!

Поразительно рано в этом году появились первые лягушки. Говорят, обычно лягушки пробуждаются с первой грозой. Но эти почему-то не дождались ее: может, смутила их неожиданно теплая погода, а может, и грохот поездов на железной дороге. А вероятнее всего, и то и другое, вместе взятое. Костик, обнаружив первую в своей жизни лягушку — маленькую, тощую, всю в серовато-бурых пятнах, немедленно потребовал «лягуку зеленую». Он требовал ее от отца, матери и сестры. И Нине пришлось даже отправиться с Костиком на поиски зеленых лягушек. Но зеленых они не нашли. Нина высказала Костику предположение:

— Зеленые лягушки будут тогда, когда трава окончательно зазеленеет. А пока они не зеленые. — И, подумав, добавила: — Это я так догадываюсь, конечно. Я не уверена...

Костику было безразлично, что думает сестра и насколько точно ее предположение. Он продолжал требовать «лягуку зеленую», но теперь уже только у Нины. Родителей он почему-то оставил в покое.

Ну, а Андрей Дмитриевич совершал с женой и дочерью дальние и близкие прогулки по песочинским просторам, делая, как он говорил, «рекогносцировку местности», слушал по вечерам, как первые соловьи разбрасывают свои первые трели, как шумят, потрескивая и поскрипывая, могучие сосны, и вдыхал и вдыхал всегда по-новому свежие запахи лесов и полей.

С детства сохранил Андрей Дмитриевич радостное волнение от встреч с землей и лесом. Для этого не надо было ездить к дальним берегам крымским или кавказским, а достаточно было побродить по лесам и полям Средней России или посидеть час-другой на любом московском скверике, а то и просто оказаться на обычном тротуарчике окраинной улицы, сквозь который пробивалась травка.

Когда-то в детстве он любил каждое лето оставлять в местах, где ему доводилось быть впервые, посаженные своими руками деревца. Делал он это и в пионерском лагере, и на даче, и в деревне у деда. И неизвестно, сколько таких посаженных им деревьев повзросло в Подмоскowie, и на берегах реки Тверцы, и на лесной опушке возле ярославского села Мачилы, и под ивановским городом Кольчугином...

Лишь с одним деревцем удалось ему встретиться потом, осенью сорок первого года под Старой Руссой. Он не мог не узнать его, еще совсем молодого дубка, хотя и оказался в этих местах через семь лет, уже не мальчишкой из пионерского лагеря, а командиром взвода. Ствол дерева был пробит пулями и осколками, листья с его ветвей уже опали, и все же дубок рос, существовал, жил и напоминал Андрею Дмитриевичу о чем-то бесконечно дорогом, за что ему и приходилось теперь воевать в этих местах.

Любил Андрей Дмитриевич природу и всякого рода живность, самую подчас нецивилизованную. Не води-

лись у него в детские годы ни волнистые попугайчики, ни какие-нибудь вуалехвосты и спаниели, зато в огромном количестве, сменяя друг друга, а то и скопом жили выпавшие из гнезда галчата и воробьи, выловленные на Оленьих прудах в «Сокольниках» караси и тритоны, найденные возле дворовой помойки юные наследники дворняжьего рода, а то и вовсе отъявленная «гадость» вроде ужей и белых крыс.

Все это запало в душу с давних лет и жило в Андрее Дмитриевиче по сей день видимой, ощущаемой и радующей человека жизнью. Всем сердцем теперь ощущал он прелесть незнакомых песочинских мест, с которыми у него будет еще много-много лет дружбы.

Вот и сейчас, гуляя с отцом по поселку, Нина, словно почувствовав его состояние, спросила:

— Тебе нравится?

— Хорошо! И смотри, как парит,— сказал отец.— Гляди, гроза будет. Где-то гремит...

— Это поезда, наверное,— сказала Нина.

Было уже довольно темно. Поэтому они выбирали дорогу посуше и старались не сходить с асфальта. Они гуляли уже больше часа, и Нина всю дорогу экзаменовала Андрея Дмитриевича, «гоняла» его по исторической хронологии. Дело это было нетрудное, поскольку хронологию Нина знала неплохо. И все же ей сегодня так и не удалось «подцепить» отца хоть на какой-нибудь дате.

— А когда венчался на царство Иван Четвертый? — придумала она, наконец, еще один вопрос.

— Четвертый? В 1547 году,— ответил Андрей Дмитриевич.— Ну, что? Не отбил немец памяти?..

— А я не знала,— призналась Нина.— Но тебя все равно ни на чем не поймает! И кажется, начинается дождь...— Блеснула молния, осветив над их головами вершины сосен, ударил гром, и начался ливень.

— Забаловал Илья-пророк! Бежим! — предложил Андрей Дмитриевич и, положив руку на плечо дочери, подтолкнул ее вперед.

Они побежали: Нина — осторожно, выбирая дорогу, а отец — более уверенно. И со стороны трудно было бы поверить, что это бежит инвалид.

Дождь хлестал Андрея Дмитриевича в лицо, и он по-мальчишески подгонял Нину:

— Скорей! Не бойся! Гроза не лоза, глаз не высечет!

Когда они через несколько минут добежали до дому, гроза уже вовсю властвовала над поселком. Шум дождя и встревоженного леса заглушал гудки поездов. Стекла и даже стены вздрагивали при каждом ударе грома.

— Ну и молодцы вы у меня! — сказала Надежда Ивановна так, будто позавидовала, что сама не была там, на улице, под проливным дождем. — А я тоже молодец: полдиплома как не бывало! — добавила она, показав на машинку. И такая откровенная радость была на ее лице, словно она совершила что-то бедовое, мальчишеское.

— Это хорошо, когда ранняя гроза да при южном ветре. Всю грязь смое! — сказал Андрей Дмитриевич. — Грозись, гроза, — зелень пойдет! Только вот папиросы промокли, — добавил он, вынимая правой рукой портсигар из левого кармана плаща.

Но назавтра погода резко изменилась. Южный ветер сменился северо-западным, температура упала, а к вечеру была уже почти на нуле. Начал сыпать пушной снег. Он все усиливался и к ночи покрыл плотным слоем землю, крыши домов, повис на лапах елей и сосен, на ветвях берез и осин. По дорогам пошла заметуха.

— Что же теперь будет с нашими участками? — забеспокоилась Нина.

— Вот это мне нравится! — воскликнул Андрей

Дмитриевич.— Чувствую, что наша Нина Андреевна начинает привыкать к школе. А говорила: «Страшно!», «Боюсь!».

— Да нет, я серьезно! — возразила Нина.

— А я не серьезно? — сказал отец.— Помнишь, как в Москве не мог заставить тебя во дворе нашем поработать? Ребята работали, а Нине Андреевне все некогда и некогда...

Неожиданное похолодание спутало все карты. Когда на следующий день Нина прибежала в школу, оказалось, что и там все завалено снегом.

— Как ты думаешь, все пропало? — спросила она, встретив в школьном дворе Павлика.

— Да нет, не бойся! — сказал он.— Я уже спрашивал Марию Григорьевну. Говорит, что померзнуть ничего не может. Вот только посевы редиса, моркови, свеклы да лука могут долго не взойти. После уроков костры разожжем...

В этот день последним, пятым уроком была биология, и Мария Григорьевна отпустила ребят, чтобы собрать побольше хвороста и соломы. Младшие школьники уже разгребали снег вокруг грядок.

Наконец шестиклассники вернулись с охапками хвороста и соломы; запылали костры. Дым стлался по земле, по свежему, только что выпавшему снегу, согревая грядки и не успевшие взойти ростки овощей.

— Ну, теперь все будет в порядке! — сказала Мария Григорьевна.— Да и похолодание долго не удержится.

В школе кончился пятый урок, и на участках появились новые работники.

Шестиклассники отправились по домам.

Нина заметила, что Катя Заботина опять постаралась уйти самой первой. Все эти дни Нина не переставала думать о встрече с Заботиным, о том, с какой злостью и страхом он сказал о ее папе: «Этот безру-

кий». Катя больше ни о чем не говорила. Она еще больше замкнулась в себе, избегала ребят, и особенно Нину и Павлика. Может, боялась сочувствия, а может, просто стеснялась, стыдилась — ведь они стали невольными свидетелями того, о чем Катя никогда не рассказывала.

— Опять о ней думаешь? — спросил Павлик, угадывая Нинины мысли. — Пошли лучше домой.

Как-то повелось, что из школы они теперь возвращались вместе.

— Пошли, — сказала Нина и, увидев, что лицо у Павлика в саже, рассмеялась: — Ты как кочегар. На носу и на щеке копоть.

Они вышли со школьного двора.

— Нашла кура петуха, а невеста — жениха, — хихикнула шедшая за ними Женя Киселева.

Кто-то из девчонок весело поддакнул ей:

— Вон отправились вместе!..

Павлик молча повернулся и так взглянул на девчонок, что те сразу смолкли и замедлили шаги.

Нина покраснела.

— Не пойду я с тобой, — вдруг сказала она. — И правда, почему я должна с тобой идти?

Павлик смутился:

— Что же здесь такого? Вовсе не должна!

Нина и сама понимала, что зря обидела Павлика, но какое-то непонятное упрямство не позволило ей отступить.

— Не понимаю, почему ты ни с кем из девочек не дружишь, а со мной ходишь!

Павлик молчал, и Нине стало жаль его. Она уже рассердилась больше на себя.

— Ты злая? Да? — вдруг спросил Павлик.

Нина не ответила.

Про себя подумала: «И верно, чего я злюсь? На то,

что сюда переехала? На новую школу? Нет... Просто я глупая, наверно...»

— Не сердись,— сказала она Павлику.

— А я и не сержусь! — Павлик обрадовался.— Чего мне сердиться! Знаешь, а смешно получается...

— Что смешно?

— Да вот дьякон этот все говорил: «Воля божья», «По божьей воле», а сам? Разве бог ему вишни посадил, малину, землю на участке вскопал? Деваха эта небось у него с утра до вечера в саду копается. И отец Катки Заботиной на него работает... И деньги у него не от бога, а от людей... В церкви-то всё денежки стоит. А нашу школу возьми. Допустим, не будем мы на нашем участке работать, что тогда? Бог нам землю вскопает? Грядки польет? Рассаду вырастит? А попробуй не удобрять землю. Какой тогда урожай? Если бы взаправду бог был, то он бы все за людей делал, как в сказке. Только скучно бы это было. Для чего ж тогда люди жили бы! Есть да спать — и все. С тоски помрешь от такой жизни!

— Ты прав,— сказала Нина. Она и сама, пожалуй, так думала, но, наверное, не смогла бы выразить, как Павлик.— Но почему же они верят в этого бога? В церковь ходят? Детей крестят? Какие-то непонятные слова говорят?

— Как почему? Пережитки,— авторитетно заявил Павлик.— Пережитки капитализма в сознании людей.

Большого Павлик сказать не мог, ибо сам не понимал многого. Подумав, он для вящей убедительности добавил:

— Это мне отец говорил. Он-то уж знает!

— Кстати, почему ты о себе ничего не рассказываешь? Как живешь дома, кто твои родители? — поинтересовалась Нина.

Павлик дернул плечами:

— Чего ж рассказывать? Живу, как все люди живут. С отцом и матерью живу. Мама в поселковом Совете работает, а отец — в лесничестве.

За разговорами они не заметили, как дошли до Ниногого дома. Нина побежала к себе.

Придя домой, она начала было рассказывать, как они спасали весенние посадки на пришкольном участке, но Надежда Ивановна перебила ее.

— Помоги-ка мне, Нинок, — попросила она, выходя в коридор.

Нина вышла вслед за ней.

— А потом мне надо с тобой поговорить, — добавила Надежда Ивановна уже в коридоре. — Встретилась я с матерью твоей одноклассницы Кати Заботиной. Только я при папе не хочу... Хорошо? Посоветуемся вместе...

— Ладно! — обрадовалась Нина. — И мне с тобой хотелось поговорить. О том же.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

А было все так.

Утром, после ухода Нины в школу, Надежда Ивановна, часок попечатав, отправилась с Андреем Дмитриевичем и Костиком на станцию за газетами.

Надежда Ивановна не привыкла и, пожалуй, не умела совершать бесцельные прогулки или просто, как говорят, гулять. Вот и придумала она ходить по утрам с мужем и сынишкой за газетами.

...Они купили на станции газеты и там же просмотрели их. Газеты сообщали о приезде в Москву иностран-

ных делегаций на празднование Первого мая, о строительстве Американской выставки в «Сокольниках», о третьем спутнике Земли, который еще продолжал свое путешествие в небесах, и о причинах, вызвавших похолодание и снегопад в Москве.

Костик не очень еще разбирался во временах года и особенностях изменения погоды и посему, услышав слово «снег», авторитетно заявил:

— Зим-ма!

Как ни пытались Андрей Дмитриевич и Надежда Ивановна убедить сына в том, что уже настала весна, Костик упорствовал на своем:

— Зим-ма! Зи-ма!

Вернувшись домой, Надежда Ивановна перечитала мужу несколько глав из учебника зарубежной истории и после этого решила сбегать в магазин.

Она уже вышла из ворот, как ее окликнули:

— Простите! Вы, кажется, мама Нины Стрешневой? Здравствуйте!

— Здравствуйте! — ответила Надежда Ивановна, обернувшись.

Перед ней стояла невысокая женщина с гладко причесанными волосами, в потертом пальто.

— Моя девочка с вашей Ниной учится в здешней школе, — сказала она. — Заботиной Кати я мать. Ксения Степановна. Вы в магазин?

— Ну, как же, знаю Катю. Видела ее, — ответила Надежда Ивановна. — По-моему, они даже заниматься вместе с дочкой собирались физикой. При мне договаривались.

— Я провожу, если вы не против, — сказала Ксения Степановна. — Я тоже в магазин...

— Конечно, пойдемте вместе, Ксения Степановна. Я очень рада.

И они пошли.

Часто случается так, что, встретив незнакомого человека, ты сразу проникаешься к нему расположением. Так случилось и сейчас: Надежде Ивановне чем-то была приятна встреча с этой женщиной, у которой было располагающее русское лицо, большие, серые, чуть усталые глаза, приятный голос.

Они разговорились. Как всегда, начали с самого обычного — с разговора о здешних местах, которые нравились Ксении Степановне. Оказалось, она давно живет здесь, работает много лет в доме отдыха сестрой-хозяйкой. Сегодня у нее был выходной.

— Вот и мы потихоньку обживаемся,— сказала Надежда Ивановна.— Места здесь и верно хорошие. Как раз все то, что нужно мужу.

— А я видела вас с мужем, с дочкой и с мальчишкой,— призналась Ксения Степановна.— Семья у вас, наверное, дружная... Вам тут славно будет: воздух у нас, лес — ребятишкам настоящее раздолье.

— А где же вы нас встречали? — поинтересовалась Надежда Ивановна.

— Вы гуляете все вместе, вот я и видела вас раза три уже.— Помолчав, она сказала: — Кстати, с продуктами у нас тут неплохо. Почти как в Москве. Вот только мяса не бывает хорошего, так я советую вам в Воскресово ездить. Здесь удобно: всего две остановки, а там и магазины большие. Возле станции как раз мясной. Если пораньше, так там большой выбор, и недорогое бывает, очень приличное.

Они еще поговорили о всяких хозяйственных делах, и Надежда Ивановна даже пошутила:

— Вы и верно сестра-хозяйка! А я, знаете ли, не умею как-то этими делами заниматься, да и не очень люблю, хотя и приходится. Обычно все на скорую руку: пельмени там какие-нибудь или сосиски. Что побыстрей.

— Да, вам нелегко, конечно, с такой семьей,— посочувствовала Ксения Степановна.

— Подрастет Костик, можно устроить его в детский сад,— сказала Надежда Ивановна,— тогда проще будет...

Дорога сворачивала направо и шла вниз к мосту через плотину пруда. Здесь чаще ездили машины и обочины развезло: снег растаял, лишь у заборов да на крышах домов виднелись следы вчерашнего снегопада.

Выглянуло солнце, не такое ясное и горячее, как несколько дней назад. Заблестел асфальт, засветилась яркими блестками вода пруда, а на противоположном его берегу вдруг забелели молодые бережки, зажатые рыжеватые глинистые откосы. И даже трава сбросила с себя во многих местах снежное покрывало, прорвалась к солнцу и зазеленела под его лучами всеми оттенками — и прошлогодними, осенними, и нынешними, апрельскими. Вот вроде и почувствовалось возвращение весны, что пришла в этом году так рано и в которую уже поверили люди.

— Не сердитесь на меня,— неожиданно призналась Ксения Степановна,— но, право, уж не умею я лукавить. Посоветоваться хотелось мне, поговорить с вами. Я затем и дождалась, когда вы выйдете. Утром хотела, да вы не одни были. А сейчас иду, и душа болит, вроде обманываю я вас... Как с женщиной хотела поговорить... Как с человеком, у которого тоже вот нелегкая судьба. Уж простите меня...

— Слушаю вас, Ксения Степановна. Конечно, слушаю. Говорите,— попросила Надежда Ивановна. Она почувствовала себя неловко оттого, что не поняла сразу свою попутчицу и вела с ней слишком непринужденный, легкомысленный разговор.— Наоборот, вы меня простите, что я сразу...

— Даже и не знаю, как начать. Вот беда у меня большая, давняя,— сказала взволнованно Ксения Степановна.— С мужем беда... И не знаю, как мне быть? Что делать? Ведь и Катюшка вот уже не маленькая... Все начинает понимать... Вот вы о совместных занятиях дочек наших сказали, а ведь не разрешил он Катюшке к вам ходить. Я вот и думала, может быть, вы мне что-то объясните... Как приехали вы, так он еще хуже стал. Раньше хоть на людях стеснялся. Как-никак вроде слуга божий. А последнее время что ни день, то выпимши. С дьяконом они пьют, что ли, еще с кем, не знаю. Да только как напьется, кричит, что сатана ему испытание послал, и все мужа вашего вспоминает: видно, боится он его, не иначе...

— Как с дьяконом? — не поняла Надежда Ивановна.— Разве муж у вас... священник?

— Нет, что вы!.. Это долгая история, чтобы рассказывать. При церкви работает. Сторожем числится... Да только сторожит у них другой... Псаломщик там есть, так он при церкви живет. А Яков Кузьмич все больше при попе да дьяконе крутится... Вроде как бы в холуях у них состоит. А до этого он на свечном заводе работал. Выгнали его оттуда, вот поп наш его к себе и приманил. Не чисто там все! Да только я не об этом. Что у них с мужем вашим произошло — вот чего не пойму... Все на мне да на Катюше отыгрывается... Ваша дочка уж знает об этом...

Ксения Степановна говорила так сбивчиво, что Надежда Ивановна никак не могла понять главного. Да, она сама подсказала Нине, чтобы та помогла Кате Заботиной по физике. Более того, действительно Катя обещала прийти на завтра после уроков, но не пришла. А она, Надежда Ивановна, как-то упустила это и даже ничего не спросила у дочки. А сама Нина почему-то и не вспоминала больше о Кате, о том, что они собира-

лись заниматься. И почему она вообще ни слова ей не сказала об этом? Неужели Нина становится с годами скрытнее? На нее это вроде не похоже. Она всегда была искренняя, непосредственная, особенно с ней, матерью. Правда, она здорово выросла в последнее время. И внешне стала другая: вытянулась почти вровень с матерью, как-то возмужала. Ее прежде светло-карие глаза почернели, потемнели и волосы. И казалось, от этого Нина стала серьезнее. Прошли у дочки и прежние горячность и непоседливость. Она стала степеннее, задумчивее, рассеянее. Да вот и учиться Нина стала хуже: до пятого класса круглая отличница, перешла в шестой уже с несколькими четверками, а в этом году у ней появилась и тройка — по математике.

Но отметки отметками, дело не в них. Пожалуй, это и закономерно.

Мать не могла не замечать перемен в дочери, но она объясняла их просто: значит, Нина становится старше, взрослее. Хорошо, что она тянется к отцу, что у них складываются добрые, товарищеские отношения.

Когда-то, еще до рождения Костика, Надежда Ивановна не раз думала, как к этому отнесется Нина, как она воспримет появление маленького. Тогда для этих размышлений давала повод и сама Нина.

— Хочу, чтобы у нас была только дочка, — решительно говорила она. — Мальчишку не хочу! Ну их, мальчишек! Они все задиры, драчуны...

Надежда Ивановна молча улыбалась, а про себя думала: «Может, лучше будет, если девочка...»

— Ну и чудачка ты! — смеялся отец. — Куда же братцу с тобой тягаться? Ведь тебе уже одиннадцать, а он только родится! Ему будет пять лет, а тебе уже шестнадцать!

— И все равно девочка лучше! — настаивала Нина.

Конечно, когда появился Костик, Нина привязалась

к братишке. Она даже уроки готовила в два раза дольше, без конца отрываясь к Костику.

Вот почему перемены, которые Надежда Ивановна замечала в Нине, не очень беспокоили ее. И все-таки это плохо, если Нина стала менее откровенна. Знала же она, что Кате Заботиной не разрешили бывать у них дома? А ничего ей, матери, об этом не сказала. И отцу ничего не сказала. Но почему? И совсем уже непонятно, почему Катин отец запретил.

— Вы знаете,— сказала она Ксении Степановне,— право, я сама не понимаю. От Андрея Дмитриевича я вроде никогда ничего не слышала о вашем муже. А ведь мы с Андрюшей уже четырнадцать лет вместе...

— Да... Да,— сказала Ксения Степановна.— Вот мы тоже без малого четырнадцать лет как поженились, но не дай бог кому-нибудь таких лет. Совсем свихнулся человек. Да и стыд какой: в наше время в церковники определиться! Занимается там какими-то темными делами, пьянствует. И чем дальше, тем все хуже, все хуже. Уж до чего дошел: вещи стал пропивать. Я его денег и не вижу. Здесь как-то принесла из дома отдыха рубашки. Знаете, просят иногда отдыхающие постирать, погладить. Вот, глядишь, и подработаешь немного. Так он чужую рубашку у меня унес. Стыд такой — не знала, куда деваться. В Москву ездила, все магазины обегала, чтоб такую же найти. Пришлось врать, что сожгла...

— И он что же, в бога верит? Давно он так? — спросила Надежда Ивановна.

— Связался с этими попами, вот и стал юродствовать. Да и то больше на глазах у других, для порядка. Икону повесил, крестится, иногда на богослужение сходит, дабы другим показаться. На словах-то он верующий, а на деле... И ругань и брань — и все у Катюшки на глазах. Так опустил, что и смотреть-то не хочется.

Людам пыль в глаза пускает: мол, святой человек, на войне пострадал, а теперь верой и правдой господу служит. А господь-то этот — поп да дьякон, которые карманы себе набивают в церкви. Насмотрелась я на них, аж тошно стало... Вы уж не сердитесь, что говорю все это... Наболело...

— Ну, что вы! Я понимаю, — стараясь хоть как-то поддержать Ксению Степановну, сказала Надежда Ивановна. — Ну, а хоть любит он Катю, вас?

— Какая там любовь! И раньше-то ее не было, а уж сейчас... Просто дура я была, девчонка! Что взять! Ведь восемнадцать лет мне было, когда выскочила за него.

— Значит, вы моложе меня? — удивилась Надежда Ивановна.

— Какая тут молодость! — безнадежно произнесла Ксения Степановна. — Вот вы и верно молодая.

— Мне уже тридцать шесть, тоже не очень-то молодой возраст. — Надежда Ивановна улыбнулась.

— Вот, а мне тридцать два. Так разве я гожусь куда-нибудь рядом с вами? Да не во мне дело сейчас. Вот Катюшку жалко! — горько сказала Ксения Степановна. — Что за жизнь у девочки? Забитая она, запуганная. Церковью застрапал, сказками всякими бредовыми, антихристами! Раньше-то молиться заставлял, а потом рукой махнул. Да издеваться не перестает. Небось его там попы-то стыдят за Катюшку: мол, пионеркой стала и бога забыла. Вот он и измывается. О себе уж молчу, а дочку жалко. Дома Катюшка его боится, на улице людей стесняется. В школе небось ее ребята дразнят...

— Ну, это вы напрасно! — возразила Надежда Ивановна. — А Катюше вашей надо помочь. И, право, не смотрите так безнадежно.

— Вы счастливая! — сказала Ксения Степановна. —

Вот и муж у вас, и семья, и все хорошо. А мне, на беду, трудное счастье выдалось.

— Да, посоветовать что-нибудь здесь нелегко,— сказала Надежда Ивановна, когда они дошли до плотины.— Но вот вы сказали «трудное счастье». А подумайте, счастье ли это? Ведь вы еще совсем молоды... И потом, не забывайте о Катюше! Все это может ска-заться на ней.

Под мостом, что лежал через плотину, бурлила и пенилась вода. Летели брызги, мелкая водяная пыль, наполнявшая воздух, отражалась в солнечных лучах желто-лиловыми оттенками. Берега пруда как-то повеселели, будто согрелись на солнышке, зазвенели птичьими голосами.

На воде появилась стайка солидных белых гусей и поплыла за своим вожакom к противоположному берегу. Какой-то мальчишка в огромной кепке все пы-тался забросить с берега удочку, но боялся оступиться в воду, и у него ничего не получалось. Рядом появился второй, вырвал у него удочку и повел приятеля чуть левее, где берег был выше. Мальчишка в кепке понуро брел за ним, но когда тот остановился и вернул удочку, преобразился, лихо забросил леску, стукнув концом удилица по воде.

Сейчас только Надежда Ивановна и Ксения Степа-новна сообразили, что они уже давным-давно стоят на плотине, так и не дойдя до магазина.

— Заговорила я вас,— спохватилась Ксения Степа-новна.— Уж не обессудьте! И не подумайте обо мне худо: честное слово, я не слабая. Было время — подда-валась ему, а теперь нет. Да и Катюша вот старше стала, разобралась что к чему. Нет, не слабые мы. Я много еще могла бы сделать, если бы решить это главное... И вы правы, ох как правы! Конечно, какое же это счастье!..

— Давайте дружить, — просто предложила Надежда Ивановна. — Во всяком случае, рассчитывайте и надейтесь на меня и на всех нас. Заходите к нам запросто с Катей. Пусть и девочки наши подружатся. А с Андрюшей я поговорю. Может быть, и правда он знает вашего мужа. Может, и поможет вам в чем-нибудь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

И БОЛТАТЬ НАДО, ДУМАЯ...

— Хорошо, Нинок, что так получилось, — сказала Надежда Ивановна. — Теперь надо подумать, как быть. Пожалуй, прежде всего Кате надо помочь. А у папы я сама спрошу, знает ли он Заботина. Так будет лучше. Наверное, знает...

У Нины как гора с плеч свалилась. Оказывается, мама знала о жизни Кати куда больше, чем могла рассказать ей она. И о Заботине. И о церкви, где он работает. И даже о дьяконе.

— А почему же люди в бога верят? — спросила Нина. — Мы коммунизм строим, у нас власть Советская — и вдруг церкви эти?

— Сложный, Нинок, вопрос, — сказала Надежда Ивановна. — Как бы тебе попроще объяснить? Вот до войны, когда тебя еще на свете не было, верующих, по моему, куда меньше было. Казалось бы, как же так? Жизнь вперед идет, а некоторые люди назад катятся? Причин здесь много...

— До какой войны? — спросила Нина.

— До Отечественной, конечно. У нас еще много людей отсталых, — продолжала Надежда Ивановна, — которым надо яснее и чаще объяснять что к чему. До

войны у нас много было лекций, бесед, докладов на антирелигиозные темы. Было даже общество такое — «Союз безбожников», которое вело эту работу. Помню, мы, тогдашние пионеры, тоже антирелигиозную работу вели. Да и церковь в те годы иной была. Возьми, к примеру: во время революции, гражданской войны большинство попов против Советской власти были. На стороне белых даже специальные «полки Иисуса» сражались. И позже, во время коллективизации, попы все еще верили, что кончится Советская власть, и открытыми антисоветчиками были. А потом поняли, что рухнули их надежды, что нечего им ждать конца Советской власти. Вот и стали пристраиваться, хитрить. В годы войны они уже за победу нашу над врагом молились, оружие на свои деньги для Красной Армии покупали. Время тогда трудное было: у большинства людей близкие на фронте, у каждого в семье свои беды и несчастья, голод, холод, гибель близких... А церковь тут как тут. С утешениями своими, с молитвами, со сказками про загробную жизнь, где всем якобы уготовано счастье и благополучие. Те, кто душой и сердцем послабее, и стали тянуться к церкви, искать утешения. Да и путаться многие стали: мол, церковь ничего плохого не делает, а вроде бы наоборот, молится о даровании победы русскому оружию, молится о здравии русских воинов, проклинает захватчиков, напавших на страну нашу. Вот почему больше людей стало в церковь ходить. А попам от этого только выгода...

— Мамоchка, но это в войну было, давно, — перебила ее Нина. — А сейчас? Сейчас-то почему? Ведь и войны нет, и живут все по-другому.

— Сейчас попы еще хитрее, еще умнее стали вести себя, — сказала Надежда Ивановна. — Они знают, что старыми, глупыми сказками про бога никого не обманешь, и идут на всякие хитрости. Пристраиваются как

могут. Одни говорят, что у Христа и у коммунистов вроде бы цель одна: забота о счастье человека. Другие говорят, что они пробуждают у наших советских людей лучшие чувства. В общем, пристраиваются... А мы что? Попы вовсю ведут работу в защиту религии, а мы почти никакой не ведем. Вот ты в школе учишься, в пионерах не первый год, а много ли ты знаешь? Столкнулась с этим впервые и растерялась. И мы с папой виноваты, что никогда с тобой об этом не говорили. И школа, и пионерская организация... Ведь смотри, почему та же Катя, ровесница твоя, раньше в церковь ходила? Не только потому, что отец ее заставлял, а и потому, что сама мало знала о религии, плохо понимала что к чему. А где были ее товарищи, ее друзья?

— Они же как раз помогли ей, — возразила Нина. — Ее бы не приняли тогда в пионеры.

— Думаю, что не столько товарищи ей помогли, сколько сама жизнь, — сказала Надежда Ивановна. — Не очень-то ей и сейчас помогают. А ведь живется Кате трудно, и мало кто знает об этом...

— Мамуля! А как ты думаешь, если я предложу Кате в школе заниматься? — спросила Нина. — Ведь отец ей к нам запретила ходить, а мы после уроков будем.

— Можно и так. Для начала, — поддержала Надежда Ивановна.

Утром Нина пришла в школу задолго до занятий. Она была дежурной, и ей предстояло как следует убрать класс: протереть мокрой тряпкой парты и стекла, подготовить доску, полить цветы на окнах, подмести пол.

Ученики Песочинской школы уже больше года назад отказались от услуг уборщиц и нянечек и сами выполняли их работу. А в августе перед началом занятий ребята своими силами красили стены, белили потолки и приводили в порядок мебель.

Нина не успела еще завершить и половины дел, как в классе появился Павлик.

— Ты знаешь, какое безобразие! — закричал он прямо с порога. — Эта самая Киселева, твоя соседка, растрепалась всем...

— Про что?

— Да про отца Катьки Заботиной, — пояснил Павлик. — Как он напился. Как мы его искали. Как домой тащили... Все! Не знаю, откуда ей это известно? То ли она нас видела, то ли еще откуда. Катька ей, конечно, не могла рассказать.

— Кате надо помочь, — сказала Нина. — И кстати, не зови ее, пожалуйста, Катькой... Я с мамой советовалась, и знаешь, что мы придумали: надо с Катей в школе заниматься, после уроков. Как думаешь?

— Это здорово! — согласился Павлик. — Тогда и отец ее ничего не узнает. И Катьке, то есть Кате, лучше. А вот с Киселевой как быть?

— Что же с ней можно сделать, если она такая?

— Как что? Как что? — горячился Павлик. — Обсудить ее как следует! Продрать с песочком! Вот скажу Тимохину, пусть хоть сегодня — на сборе. А то говорим про пионерские «ступеньки» и про всякие дела. А Киселева со «ступеньки» на «ступеньку» шагает, да не туда, куда нужно. И ведь смотри: то про этого Заботина всякие добрые слова произносила, а сейчас — гадости. Мол, пьяница! А что она знает? У нее родители отсталые, и она сама такая же. Мамочкина копия. Вот увидишь, как в праздник она в церковь попрется!

— Как в церковь?

— Куличи святить! Пасха в этом году на праздник приходится, — объяснил Павлик. — Киселева и в прошлом году на пасху в церковь ходила. Галстук в карман — и пожалуйста!

— А вы что?

— А мы — ничего! Поговорили, поговорили — и все! Что, она у нас одна ходит? И другие ходили. Мол, я не сама, а бабушка просила. И Киселева на маму все валит. Видите ли, мама у нее верующая.

— Может, и правда на сборе надо поговорить, — сказала Нина. — Попроси Витю Тимохина. Он, наверное, согласится.

— А если и не согласится, — сказал Павлик, — я сам заговорю. Как член совета отряда. Подумаешь! А если что, старшая вожатая поддержит. Клава человек принципиальный.

— Ты разве член совета отряда? — спросила Нина.

— Конечно. А что ты удивляешься?

— Да нет, просто у тебя так много поручений! — Нина рассмеялась. — И бригадир, и член совета отряда. Ты прямо заядлый общественник.

— А почему ж не работать? — спросил Павлик. Давай-ка я, кстати, тебе помогу! Разговоры разговорами, а скоро звонок... А насчет Заботиной — это вы правильно придумали. Только надо время выбирать, а

то после уроков на участке дел много. Погодка-то вроде налаживается! К вечеру потепление обещают. Так что не пропадут наши посеы.

...В класс стали собираться ребята. И когда вошел Витя Тимохин, Павлик сразу же направился к нему.

Витя Тимохин был неплохим парнем, но одного качества ему не хватало — решительности. С Киселевой Вите не хотелось связываться. Такая вредная девчонка! Потом хлопот не оберешься.

— Да, знаешь ли, вопрос у нас на сборе сегодня другой, — сказал он Павлику. — Хотя в целом я тоже обеспокоен судьбой Киселевой.

— «Обеспокоен! Обеспокоен!» Что толку от твоего беспокойства! — вспыхнул Павлик.

— Может, тогда со старшей вожатой посоветоваться сначала? Все же такой случай...

— Можешь согласовывать или не согласовывать, — сказал Павлик, — а я, как член совета, выскажу Киселевой на сборе все. Что зря она носит пионерский галстук!

Витя понял, что Павлик настроен агрессивно, и сразу же побежал разыскивать старшую пионервожатую. Вернулся Витя в бодром настроении.

— Слушай, Алексеев! — произнес он. — Так, пожалуй, поговорим сегодня. Тебе первое слово. Договорились?

Тем временем в класс пришла ничего не подозревавшая Женя Киселева, села за парту и сразу же обратилась с сочувственной речью к своей соседке:

— Ой, Стрешнева, и не завидую я вам с Алексеевым! Как узнала, так прямо в ужас пришла! Как же это вы справились с этим пьяницей? И зачем вам надо было вмешиваться? Просто ужас!.. А Заботиной каково

иметь такого отца! Представляешь? Это же просто несчастье! Каково будет им...

— Ты знаешь, Женя, я не люблю таких разговоров,— перебила ее Нина.— Если ты видела, то почему не помогла? А что сейчас болтать!

— Помогать пьяному! — возмутилась Киселева.

— Не пьяному, а Кате,— поправила Нина.

— Ну, не знаю! — опять возразила Женя.— С моими родителями такого не бывает.

— Твое счастье,— только и могла сказать Нина.

Урок начался.

Во время первой перемены Нина подошла к Забогиной.

— Катя! Давай после уроков заниматься физикой. Прямо здесь, в школе. И не только физикой, если хочешь.

Катя не то смутилась, не то обрадовалась.

— Давай,— согласилась она.— Я сама тебе хотела... Не сердись, что я не стала к тебе ходить. А сейчас я могу и дома у тебя заниматься.

— Это еще лучше! — обрадовалась Нина.— У нас две комнаты. Дома удобнее. А заодно познакомишься с братишкой моим — Костиком. И с папой. Правда?

— Правда,— сказала Катя.— Я приду к тебе... Мама мне разрешила.

После уроков в шестом «Б» состоялся сбор. Пришла на него и старшая пионервожатая Клава. Сбор открыл председатель совета отряда Витя Тимохин. Он сказал, что приближаются Первомайские праздники и пора к ним готовиться: газету выпустить, класс украсить; неплохо было бы поздравить октябрят-первоклассников.

— Для поздравления нужно немного,— развил свою мысль Витя.— Принесите завтра каждый по пять

копеек. Мы купим поздравительные открытки и вручим их октябрятам. Согласны?

— Согласны, согласны! — закричали пионеры.

Так же быстро договорились о стенгазете и украшении класса. Потом утвердили план работы на летний период.

— У меня все! — удовлетворенно сказал Тимохин. — А сейчас слово предоставляется члену совета отряда Алексееву. Говори, Алексей!

Павлик встал из-за парты и спросил:

— А ты не скажешь, о чем я буду говорить?

Тимохин развел руками:

— Что ж говорить, когда ты сам все скажешь?

— Ну, ладно, — сказал Павлик, — тогда я сам, как умею. — Он кашлянул, словно собирался говорить очень долго, и наконец начал: — Я вот хочу задать вопрос Киселевой. А вопрос такой: что мы сейчас строим в нашей стране?

Услышав слова Павлика, все удивленно переглянулись.

— Как что строим? — спросила Женя, вставая.

— Не знаешь? — сказал Павлик. Я объясню тебе: мы строим в нашей стране коммунизм. Слышала такое слово?

— Слышала, — виноватым тоном ответила Женя.

Пионеры зашумели, кто-то хихикнул.

— Ну, а скажи, Киселева, — продолжал Павлик, — за какое право борется наш отряд? Вот рабочие бригады называют себя коммунистическими, а что же мы, пионеры? Какие мы взяли обязательства?

— За спутников семилетки, — ответила Женя. — Я это знаю.

— Очень хорошо, — сказал Павлик, — что это ты знаешь. А скажи, Киселева, что такое пионерские «ступеньки»? Для чего они, как ты думаешь?

— Как для чего? Чтоб пионер все умел делать, нормы спортивные сдавал, учился хорошо, старшим и младшим помогал... Для чего ж еще!

— Правильно, Киселева! — сказал Павлик. — Все ты знаешь правильно. Только вот почему ты не говоришь, что пионер еще болтать должен, гадости говорить друг про друга и ходить по пионерским «ступенькам» в церковь? А? Вот скажи!

Ребята ахнули.

— Вот это дает Алексеев! — воскликнул кто-то с восторгом.

— А что? Правильно...

— Верно он говорит!

— Отвечай, Киселева!

— Алексеев совершенно прав, — сказал, вставая, Витя Тимохин. — И ты, Киселева, должна ответить.

Женя продолжала стоять, положив руки на крышку парты.

— А что? В чем я виновата? — наконец сказала она уже без всякой уверенности в голосе. — Что я сделала плохого?

— Что плохого? — спросил Павлик. — А то, что болтаешь слишком много. Сплетни разводишь. Таких, как ты, кликушами раньше звали. Я в книжке одной читал. Все у тебя плохие. Только сама хорошая. Это первое. Не дружишь ни с кем, никому не помогаешь. Как кто плохую отметку получит — радуешься. А работать кто за тебя будет? В прошлом году на участке ничего не сделала! А в бога веришь? Веришь.

— Не верю я в бога! — зло возразила Женя. — Не верю!

— А в церковь зачем ходишь? Куличики святить? — наступал Павлик. — Что, они вкуснее от этого становятся? У нас такие открытия! Скоро на Луну полетим! Спутники, ракеты и прочее. А ты? Церковь!

— Меня мама просила. Я не виновата, — оправдывалась Киселева.

— Бабушка с дедушкой тебя не просили? — настаивал Павлик. — «Мама... Мама...» А если мама у тебя осталая, ты должна ее перевоспитывать. Ты же пионерский галстук носишь... на уроках!

Женя Киселева растерялась и не знала, что отвечать. Такого разговора она не ждала.

— Я все сказал, — заключил наконец Павлик. — Надо что-то решать с Киселевой. А то всем говорим, говорим... В общем, я все сказал. — И опять не выдержал: — А вот насчет болтовни я еще скажу. И болтай, пожалуйста, сколько тебе угодно, но чтобы вреда от твоей болтовни людям не было. Болтать надо, думая. А не просто так!

Павлик сел на свое место рядом с Катей Заботиной.

— Ну что? Не прав я? — громко спросил он.

— Прав! Прав! — закричали ребята.

И все посмотрели в сторону Клавы: «А что скажет старшая вожатая?»

Вожатую ребята любили. Клава доверяла пионерам, никогда не отчитывала их попусту, не читала нотаций. «Подумайте сами». «А как вы считаете?» — часто говорила она ребятам. А если что-то и подсказывала, то лишь такое, что было интересно всем.

— Мне тоже кажется, что Павлик Алексеев прав, — сказала старшая вожатая. — И, по-моему, вы поступили правильно, что заговорили об этом на сборе. Хорошо учиться надо всем — это верно. Хорошо трудиться надо всем — это тоже верно. Но не менее важно быть при этом хорошим человеком. А какой же получится хороший человек с высоким званием строителя коммунизма из пионерки, которая не любит своих товарищей, не дорожит их именами и, наконец, не имеет своих убеждений? Пусть Женя Киселева не будет сегодня в

обиде на своих товарищей за то, что они сказали ей правду. Не надо, Женя, отвечать сейчас, не надо оправдываться. Подумай. Но подумай хорошенько! А когда подумаешь, приходи к своим товарищам — пионерам и скажи им, как ты собираешься жить дальше...

— У меня предложение есть,— встал Павлик.— Можно? Я предлагаю попросить нашу классную руководительницу Марию Григорьевну пересадить Киселеву от Стрешневой. А к Стрешневой надо посадить Катю Заботину. Они дружат со Стрешневой и занимаются вместе.

— С кем же сидит Киселева? — спросил Витя Тимохин.

— С кем? С кем? Пусть хоть со мной,— сказал Павлик.— Я ей не очень-то дам болтать.

Все поддержали предложение Павлика. Поддержали его и Нина с Катей. Уж кто-кто, а они с радостью будут сидеть на одной парте.

Тимохин посмотрел по сторонам и с тоской подумал: «Надо и мне что-то сказать».

— Хорошо,— наконец заявил он.— Передадим нашу просьбу Марии Григорьевне. Она классный руководитель. Пусть решает!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ИСПОВЕДЬ НА ДОРОГЕ

Отец Афанасий, или досточтимый батюшка, как величали его прихожане, очень торопился. Отслужив обедню, он еле-еле успел передохнуть, как уже пора было собираться в Москву. Надо успеть на вокзал встретить иностранную делегацию из Австрии, а потом

попасть в редакцию журнала «Московская епархия» — передать свою проповедь.

Афанасий Лазаревич взял с комода заранее переписанный текст проповеди и еще раз пробежал глазами первую страницу:

«Народ наш испокон веков славен был подвигами во имя светлой веры. Вспомним, братья и сестры, о подвижниках, пустынниках, отшельниках, что были предшественниками нашими на земле Российской. Какие подвиги добровольно брали они на себя? Подвиги поста, умерщвления плоти, стояния на столпах, целонощной молитвы. Какою силою свершали они эти подвиги? Той силой божией, которая нисходила на них по вере их. И в годы поздние, когда радости Советской власти стали нашими радостями, а горести ее — нашими горестями, народ наш славил господа подвигами великими. В пору страшной напасти на землю нашу, свершенной лютыми врагами, посланными сатаной в обличье воинства фашистского, подвиги народа нашего, господом одухотворенные, превзошли все ожидания и спасли землю Русскую и земли братьев наших от осквернения и унижения. Вот и ныне...»

«Должны напечатать, обязательно должны, — подумал Афанасий Лазаревич. — Проповедь удалась и звучит современно. Даже слово «семилетка» использовано».

Свернув текст проповеди трубкой, Афанасий Лазаревич вышел из дому и подошел к машине. Открыл дверцу, подобрал полы подрясника и тяжело сел рядом с шофером.

— Поехали! С богом! — сказал он, стараясь заклопнуть дверцу. — Опять не закрывается. Пора бы и починить. Уж сколько говорено!

Шофер — совсем еще молодой парень — повернул

ключ, ухмыльнулся и, будто передразнивая хозяина, произнес с упором на «о»:

— Известно! «Волга»! Вот у «Чайки», говорят, двери — первый класс! Попросите, батюшка! Вам и «Чайку» дадут. А что? Вы народ знатный! В почете!

Отец Афанасий не любил нового шофера. Одно слово, таксист, а они все выжиги и пройдохи. И к машине у него никакого внимания. Привыкли к чужим, государственным, а эта как-никак своя, деньги стоит. И зачем он нанял такого?

Он промолчал, дабы не спорить.

— Зажигание сегодня что-то барахлит, — сказал шофер, как будто собираясь окончательно испортить настроение Афанасию Лазаревичу.

Машина тронулась, выехала на дорогу, и постепенно отец Афанасий стал успокаиваться. Он открыл ветровое стекло.

Хоть в дороге подышать свежим воздухом! Говорят, что это помогает при повышенном давлении. А у Афанасия Лазаревича по всем признакам с давлением не все в порядке. Уж слишком много хлопот и волнений. Приход большой, а члены церковного совета почти ничего не делают, каждый норовит урвать что-нибудь себе. И отец дьякон, хоть и служат они вместе давно, завистлив. Ох как завистлив! До сих пор не может простить Афанасию Лазаревичу покупку «Волги». А сам? Сколько сам тянет денег на свое хозяйство! Сад разбил, забор новый поставил, не говоря уже о доме. Матушка дьяконова через этот сад немалую выгоду имеет, а сама все приbedняется.

И по части питания дьякон сильно избаловался. Пил он всегда чрез меру, а в последнее время уж и водки ко рту не подносит — все коньяк да коньяк. От водки, говорит, изжога у него сильная. А коньяк-то, он по нынешним временам каких средств требует!

Афанасий Лазаревич поймал себя на мысли, что, пожалуй, он завидует дьякону. Тот молод и здоровьем крепок. Чего ж ему и не побаловать себя! Но жадности в нем, слава богу, нет. Он и отца Афанасия с охотой потчует. Да только нельзя Афанасию Лазаревичу пить. Шестьдесят пять не пятьдесят! Куда уж тягаться!

Чем больше рассуждал Афанасий Лазаревич о дьяконе, тем больше приходил к мысли, что дьякон не так-то уж и плох. Он даже и умен, и, пожалуй, по-своему, на людях кроток и благочестив, и осторожно-стью его господь наградил. Единожды лишь дьякон поспешил, когда в войну немцам присягнул. И надо же было ему с явно похвальной проповедью тогда в храме выступить. «Мы, слуги Христа, с благодарностью поем молитвы славному немецкому воинству, принесшему освобождение нас и народа нашего от большевистской тирании..» Немцы, конечно, обрадовались и даже в газетах текст проповеди напечатали. А дьякону худо было за ошибку ту. «Но кто в то трудное время не ошибался?» — думал отец Афанасий.

Правда, сам Афанасий Лазаревич куда разумнее поступал. В первый год войны, когда неясности много было, он избегал в своих молитвах и проповедях крайностей, а уж когда немцев и под Москвой побили, и на Волге и судьба их предрешена была, послал крупный взнос из своих сбережений на строительство танка «во имя окончательной победы народа русского в справедливой войне». От Сталина благодарность получил. «Правда» напечатала.

Вспомнив сейчас об этом, Афанасий Лазаревич довольно улыбнулся и, забыв о своей нерасположенности к шоферу, произнес:

— Божественно очаровательна пора весны в местах здешних!

— А по мне, наоборот, хоть бы ее и вовсе теперь не

было, — сказал шофер. — Грязь одна, а у вас и мойки в гараже нет. Драй собственными руками. Удовольствие! То ли дело в таксомоторном парке! Там и тарантас тебе вымоют, и работа развлекательная — все на народе! Черта с два заскучаешь.

— Не богохульствуй! Нехорошо это, — добродушно произнес Афанасий Лазаревич. — На дорогу лучше смотри!

Машина миновала мост и пошла в гору. Здесь чаще попадались пешеходы, мимо то и дело проскакивали грузовики, по обочинам тянулись подводы.

Неожиданно Афанасий Лазаревич заметил впереди Заботина и попросил:

— Затормози-ка, дружок, возле того человека.

Заботин тоже заметил отца Афанасия, перешел на другую сторону дороги и остановился в ожидании.

— День добрый, батюшка! — сказал он, когда машина затормозила на обочине и отец Афанасий опустил стекло.

— Подожди, дружок! О чем-то я спросить хотел тебя? Дай бог память, — сказал Афанасий Лазаревич. — Со свечами-то как?

— Свечи я доставил, батюшка, — доложил Заботин. — Двадцати- и тридцатикопеечных тысячу штук да рублевых полтыщи. На той неделе еще партию привезу.

— Тысячу мало, Яков Кузьмич, до паски не хватит. Дешевых побольше следует, — произнес Афанасий Лазаревич. — А с рабочими что? Храм ремонтировать пора...

— А я уже договорился, маляров из студентов возьмем. Дешевле станет...

— Это хорошо! Хорошо! — одобрил Афанасий Лазаревич. — О чем же это сказать-то тебе хотел? Ведь вот она, память-то... Да, вот что! — вспомнил он. — Недово-

лен я тобой, дружок Яков Кузьмич. Ой как недоволен!

— Чем же, батюшка?

— Да как чем! Храм ты святой позоришь, пост служителя божьего! Слышал я, что днями ты не в себе был и какие-то ребятишки, пионеры, будто домой тебя провожали. Нехорошо это, дружок! На народе-то да в таком виде. Что же люди подумают!

— Бывало, батюшка! Грешен! — признался Яков Кузьмич. — Погубила меня нечистая сила!.. Да ведь только все с того, сами знаете. Нельзя мне теперь тут оставаться! Я уж просил вас замолвить обо мне словечко...

— Знаю, знаю, — согласился Афанасий Лазаревич. — Замолвлю, хоть и не хочется мне отпускать тебя, дружок, в Москву. А вот то, что ты давеча в таком виде на улице появился, не одобряю. Скажи, дружок, часто ли ты видишь батюшку своего или дьякона во хмелю среди бела дня? Уж коли случилась беда, так в доме бы посидел, пока не отошел. А ты на люди! Нехорошо! Нехорошо!..

— Каюсь, батюшка.

— Ну, вот так-то, дружок, так-то! — согласился Афанасий Лазаревич. — А про свечи не забудь! Мало будет, не обойдемся. А теперь ступай с богом. Ступай. Вернись, побеседуем еще. Я к вечеру возвращусь.

Афанасий Лазаревич поднял стекло.

— Ну, поехали! Да поскорее, а то опоздаем, — обратился он к шоферу.

— Выходит, не одна наша братия слаба по этой части, — сказал шофер, трогая машину. — Смотрю, и вам антиалкогольной пропагандой заниматься приходится.

— Приходится! — Афанасий Лазаревич вздохнул. — Такова уж воля божья!

СТРАННОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

— Так это и есть Заботин? — недоумевал Андрей Дмитриевич. — О нем ты меня спрашивала? А ты не путаешь фамилию? Может, Наготин?

— Ну, папа! — воскликнула Нина. — Как же я могу путать? Ведь это отец девочки нашей, Кати Заботиной. Я ж говорила тебе!

— Да. И мама меня спрашивала о Заботине, — не переставал поражаться Андрей Дмитриевич. — Странно! Очень странно!

...Андрей Дмитриевич вышел из дому, чтобы встретить Нину. Он успел несколько раз пройтись по шоссе до моста и обратно, пока увидел дочь. Она шла из школы не одна, а с каким-то товарищем.

— Алексеев, — представился тот, — Павлик. Ну, я пойду!..

Павлик ушел вперед, а Андрей Дмитриевич и Нина не спеша двинулись по обочине дороги в сторону дома. Их перегнала «Волга», в которой сидел священник.

Андрей Дмитриевич еще пошутил:

— Вот как современные попы живут! На своих машинах катаются!

Неожиданно «Волга» остановилась. Сидевший в ней священник стал о чем-то говорить со встретившимся на пути мужчиной в пстертom ватнике и шапке-ушанке.

— Исповедь на дороге! — сказал он.

— А ты знаешь, с кем он говорит? — сказала Нина. — С Заботиным...

И Андрей Дмитриевич узнал его. Правда, изменился Яков Кузьмич за эти годы, как-то пообтерся, постарел, но не узнать его было нельзя.

«Но почему же Заботин? — думал Андрей Дмитриевич. — Не сошел же я с ума? Ведь это Наготин...»

— Пап, ты знаешь его? Да? — допытывалась Нина. — На войне вместе были?

— Да, на войне, — подтвердил Андрей Дмитриевич.

Когда в семье Стрешневых по какому-либо поводу вспоминалось слово «война», все реагировали на него по-разному.

— Бух! Бух! Машина — бух! Еще машина — бух! — с отчаянным восторгом восклицал Костик, которому лишь однажды в Москве удалось увидеть на экране соседского телевизора танковую атаку. Это все, что знал применительно к слову «война» Костик, но это было ярким впечатлением в его маленькой жизни.

Нина обычно спрашивала:

— Это о какой войне вы говорите — об Отечественной или о гражданской?

Для нее последняя война была фактом чисто историческим.

Но для взрослых Стрешневых, а особенно для Андрея Дмитриевича, война не была историей. Желал он того или нет, но ему пришлось сейчас вернуться в мыслях к военным годам.

«Странно. Как странно случается на свете! — думал Андрей Дмитриевич. — Опять мы встретились, опять оказались рядом. Кто бы мог предполагать такое! Но почему же пропавший без вести Яков Наготин стал Заботиным? Почему он сменил фамилию? На две буквы... Ошибка? Недоразумение? Вряд ли...»

— Пап! Ну и что? — поинтересовалась Нина, когда Андрей Дмитриевич сказал ей, что знает Катинного отца по войне. — Расскажешь?

— Расскажу, — пообещал Андрей Дмитриевич. — Только дома, чтоб и мать наша послушала.

Вспоминал ли все эти годы Андрей Дмитриевич о Наготине или нет, трудно сказать. Скорее всего, вспоминал. Но вспоминал лишь последнюю встречу с ним, которая оставила у Андрея Дмитриевича чувство загадочности. И вот теперь...

Теперь все вставало на свои места, все становилось понятным. Наверное, не случайно Наготин пропал так много лет во время войны. Не случайно он сменил фамилию. Не случайно и сейчас боялся встретиться со Стрешневым. Не случайно... Но почему? Может, он был в плену? Но это еще не повод, чтобы скрываться. Значит, совершил что-то такое, что не дает ему покоя и сейчас, заставляет его прятаться, скрывать свое имя.

Пожалуй, меньше всего сейчас Андрей Дмитриевич удивлялся тому немногому, что он узнал о сегодняшнем Заботине. Так и бывает в жизни. Однажды проявил человек трусость, и вот теперь эта трусость окончательно победила его. Ведь и уход его в церковь, и то, что он пьет, разве это не трусость человека, который прячется от жизни, от прошлого, боится трудного?

Андрей Дмитриевич знал Наготина почти с начала войны. Еще в августе сорок первого года, когда Андрей Дмитриевич служил в учебном полку, он советовал Наготину перейти со склада в батарею. Тогда у Наготина были мелкие неприятности: у него обнаружились недостатки; солдаты жаловались на то, что получают сырой сахар, что Наготин обвешивает их. Наготин оправдывался, и ему верили. И Андрей Дмитриевич верил, особенно после того, как Наготин внял его совету и перешел в батарею.

Андрей Дмитриевич командовал в то время топографическим взводом, а Наготин был ординарцем у командира батареи. И, кажется, все были довольны Наготиным — его аккуратностью, услужливостью, спокойным характером.

В октябре был сформирован отдельный разведывательный артиллерийский дивизион, и Наготин так и остался ординарцем у комбата. Дивизион бросили на

Западный фронт, в Подмоскowie. Началась боевая жизнь. У разведчиков-артиллеристов она всегда была немного не похожей на жизнь обычных воинских частей. Взводы и батареи дивизиона работали на большом расстоянии друг от друга, их придавали многим артиллерийским частям, бросали на разные участки фронта. Андрей Дмитриевич редко, и то мельком, встречал Наготина и, по существу, почти не видел его в деле.

В начале сорок второго, когда враг был уже отброшен от Москвы, неожиданно от шального снаряда погиб комбат, и Андрею Дмитриевичу приказали взять командование батареей на себя. Так и достался ему тогда Наготин как неотъемлемая часть хозяйства батареи. Наготин вроде обрадовался.

— С вами мне даже лучше,— сказал он Стрешневу.— Будете довольны.

— И я рад. Старый знакомый лучше новых двух! — ответил Андрей Дмитриевич. И он действительно был рад: на фронте знакомый человек — это уже и товарищ и друг.

Но служба службой, а дружба дружбой. Служил Наготин своему командиру исправно. Андрей Дмитриевич был человеком не ахти каким требовательным и капризным и привык довольствоваться малым.

Случалось, что по нескольку дней кряду Андрей Дмитриевич вовсе не видел своего ординарца, который обычно базировался при штабе дивизиона и почти не попадал на передовую.

А когда они наконец встречались, то оказывалось, что вроде и нет у Андрея Дмитриевича общих тем для разговоров с Наготиным. Хотя и был Наготин молод годами, но характером обладал бирюковатым, замкнутым, никак не располагавшим к откровенности.

Пробовал Андрей Дмитриевич заговорить с ним о Москве, о доме, о планах на будущее, но Наготин отве-

чал односложно, и трудно было понять состояние его души.

«А что Москва — она далеко! Какой сейчас дом! Будем живы — увидим!» — вот, кажется, и все, что можно было услышать от Наготина.

Андрей Дмитриевич знал, что до войны Наготин работал в какой-то типографии, откуда и был призван в армию. Семьи у него по молодости лет еще не было, не было, видно, и близких. По крайней мере ни в учебном полку, ни потом, на фронте, Наготин не получал писем, да и сам вроде никому не писал.

«Может, поэтому он и такой, — думал тогда Андрей Дмитриевич, — чувствует себя одиноким, вот и неразговорчив, замкнут».

Когда бойцов и командиров дивизиона представляли к наградам, Андрей Дмитриевич сам написал представление к награждению Наготина медалью. Пусть не было у Наготина особых заслуг, но он, как казалось Андрею Дмитриевичу, честно переносил все тяготы фронтовой жизни и уже потому заслуживал быть отмеченным.

«А главное, — решил Андрей Дмитриевич, — награда даст новые силы человеку и, глядишь, взбодрит его».

Медаль Наготин получил, отнесся к этому событию довольно спокойно, и опять было трудно понять, что думает он.

Потом дивизион бросили на юг вместе со вновь сформированным артиллерийским корпусом. Обстановка здесь оказалась тяжелой, и дивизион сразу же попал в пекло. Приходилось не столько обслуживать артиллерию, сколько отбивать атаки врага в открытых боях.

В одном из таких боев и исчез Наготин. Исчез бесследно. Часть отступала — мало ли что могло случиться в этой обстановке? Навели справки в ближайших

медсанбатах — в списках раненых Наготин не числился.

«Значит, погиб», — заключил Андрей Дмитриевич и, как водилось в таких случаях, поставил рядом с фамилией «Наготин» — «пропал без вести». Ведь никаких свидетелей гибели Наготина не было.

С того дня много воды утекло. Воевал Андрей Дмитриевич в Донбассе и под Ростовом, отлеживался в госпитале на Волге после ранения, брал Киев, шел по дорогам Западной Украины и освобождал Львов.

В январе сорок пятого года началось наступление на сандомирском плацдарме — решающее в цепи наступлений на всех фронтах войны. Волна его покати-лась по Польше и дальше по дорогам Германии.

К двадцатым числам февраля на их участке фронта наступила небольшая передышка, и батарея Стрешнева получила отдых. Это было в Бунцлау — небольшо́м городке, что стоит на перекрестке дорог из Силезии в Саксонию, на западном берегу реки Бобер.

Городок был знаменит, и, если бы даже он не стал последним населенным пунктом во фронтовой биографии капитана Стрешнева, Андрей Дмитриевич все равно бы запомнил его на всю жизнь.

У многих бойцов и офицеров екнуло сердце, когда здесь, в далеком от родной земли и доселе неизвестном городе Бунцлау, увидели они на центральной площади памятник Кутузову и прочли на нем слова: «До сих мест довел князь Смоленский Кутузов победоносные войска свои, но смерть положила предел славным делам его. Да будет благословенна память героя!»

Андрей Дмитриевич знал, что Кутузов умер в Бунцлау, во время преследования войск Наполеона. Он помнил даже дату его смерти — 17 апреля 1813 года — и завещание, в котором Кутузов просил похоронить его

сердце здесь, в Бунцлау. И все же и он был потрясен: «Как поразительно переплетались судьбы старой и новой истории!»

Они простояли в Бунцлау почти неделю, и Андрей Дмитриевич успел осмотреть весь город. Он смотрел на него с холмов от местечка Тилендорф, с железнодорожной насыпи, возвышающейся над городом, и с берегов Бобра, по соседству с поникшими конструкциями взорванного моста. А по временной переправе с надписью «30 тонн» (он запомнил даже эту надпись) и дальше через тоннель под железнодорожной насыпью бесконечной вереницей тянулись немецкие пленные. Они шли почти без охраны вместе со своими офицерами, и офицеры эти аккуратно козыряли каждому встречному советскому бойцу. Пленные шли через город, мимо здания комендатуры, под откровенно злорадными насмешками толпившихся здесь русских женщин. Наши солдаты безразлично смотрели на проходивших мимо пленных, занятые куда более важным делом — поисками землячек:

- Откуда ж вы, девоньки?
- Мы курские.
- С пид Полтавы!
- Волынские.
- Киевские.
- С Валдая!
- Ну и занесло вас, родимые!
- Уж и не говори, хлопец! Занесло!..

Рядом, на сухой, освещенной по-весеннему ярким солнцем мостовой, стояло несколько веселых французов с желтыми треугольниками на одежде.

На домах еще виднелись надписи на немецком языке: «Победа или Сибири!» и «1918 года не повторится!» — и тут же рядом листовки с русским текстом: «Восточные рабочие Комиссаров, Вдовиченко расстре

ляны за систематическое уклонение от военных работ в октябре 1944 года».

Возле станции Андрей Дмитриевич зашел в один из барakov, в котором содержались советские военнопленные. Трехэтажные нары были уже пусты, и только на стенах барака остались бесчисленные следы человеческого горя.

«Солько нужно терпения!..», «Нет большего счастья, чем вспоминать о Родине», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — прочел Андрей Дмитриевич несколько надписей на стене. А потом еще одну, стихотворную:

Тот, кто видел хоть однажды
Эту ширь и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножки рад поцеловать.

(Россия. Сидел 21 сутки.)

Все это так прочно вошло в память, словно было вчера. И хотя Андрей Дмитриевич и раньше немало повидал трудного на фронтовых дорогах, стоило ему вспомнить войну, как в памяти почему-то возникал именно Бунцлау.

Двадцать шестого февраля капитан Стрешнев получил очередное задание — произвести привязку постов для одной из арtdивизий. Батарея выехала из города.

К вечеру остановились возле небольшой деревушки Нидер-Лангенау, километрах в тридцати от Бунцлау. Деревушка была пуста, и Андрей Дмитриевич приказал занять крайний дом. Рядом начиналось поле с перелеском на противоположной стороне. Отсюда было ближе всего к месту предстоящей работы.

— Работу начнем в три ноль-ноль, до рассвета, — сказал капитан Стрешнев. — А пока — спать!

Бойцы вошли в дом, но оказалось, что в нем уже кто-то есть.

— Хенде хох! — по привычке крикнул один из бойцов.

Навстречу ему с пола поднялся наш солдат и, виновато улыбаясь, пробасил:

— Да что вы, братцы славяне! Своего не приметили?

Андрей Дмитриевич взглянул на солдата — и не поверил своим глазам:

— Наготин? Яша? Да откуда же ты? Из мертвых воскрес!

Наготин тоже, видно, не ожидал такой встречи.

— Товарищ командир? Неужто вы?!

Они обнялись, расцеловались да так и продолжали смотреть друг на друга, словно на чудо.

— А ведь мы тебя похоронили, — наконец сказал Андрей Дмитриевич. — Что ж случилось? Где ты? Что? Рассказывай...

— Да что случилось? Дело обычное, — начал Наготин. — Тряхнуло меня здорово, в госпиталь попал, потом на пересыльный — в другую часть направили. Вот и служу по сей день там. А сейчас в штаб бегал, теперь своих догоняю, да притомился малость. Наступают ребята!

— И не написал даже. А мы искали тебя, справки наводили, — пожурил его Андрей Дмитриевич. — Неужто и номер полевой почты забыл?..

Поговорили еще в этом же духе, и Наготин стал топиться:

— Ну, побегу к своим! Пора! А то и не догонишь.

Они распрощались, оба вроде одинаково пораженные встречей и одинаково радостные.

Так по крайней мере считал тогда Андрей Дмитриевич.

Наготин ушел.

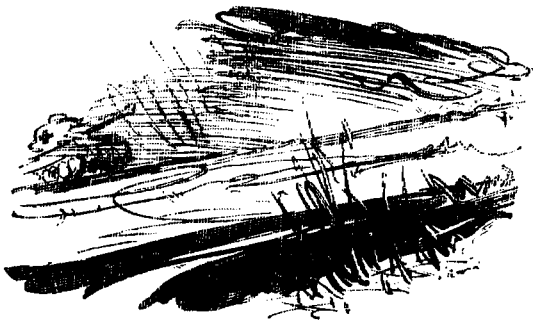
Выставили часовых. Свободные от дежурства бойцы и офицеры, не раздеваясь, улеглись где придется. Прилег и Стрешнев. Но почти никому не спалось: то ли мешала непривычная для фронтовиков тишина, то ли ожидание предстоящей работы.

Вдруг около трех часов начался дикий артобстрел. Стреляли вражеские дальнобойки откуда-то из-за леса. Снаряды ложились в поле возле деревни.

— Подъем! В ружье!.. — приказал Стрешнев и сам выбежал на улицу.

Через несколько минут огонь стих, и Андрей Дмитриевич отчетливо разглядел в предрассветной дымке две самоходки. Они появились на опушке перелеска и двигались в сторону деревни.

«Будет тяжело, — подумал Стрешнев. — Нас всего четырнадцать...»

Он отдал приказание приготовить гранаты и занять оборону на поле. Находиться в деревне было теперь опасно: дома служили слишком хорошим ориентиром.

Бойцы залегли с гранатами перед деревней. Окапываться было некогда.

Вслед за двумя самоходками из леса появилась еще одна. Теперь все три шли по открытому полю на деревню.

Раздался выстрел, за ним еще и еще... Сомнений быть не могло — Андрей Дмитриевич разглядел на одной из машин фашистский крест.

— Давай в воронку слева! — крикнул Стрешнев лежавшему рядом с ним солдату. — Гранаты — под гусеницы и в башни!

Слева от Стрешнева была довольно глубокая воронка — самое подходящее место для обороны. Андрей Дмитриевич пополз вслед за солдатом к воронке.

Не успел он проползти и метра, как раздался выстрел. Что-то хрустнуло в голове и левой руке. Андрей Дмитриевич еще крепче сжал правой рукой гранату и с трудом оторвал голову от земли.

«Скорей к воронке! Скорей! — сверлило мозг. — Лишь бы доползти, а оттуда легче бросить гранату».

До воронки оставалось не больше пяти метров. Андрей Дмитриевич напряг все силы и вдруг понял, что эти пять метров для него сейчас непреодолимы.

И в ту же секунду прямо перед ним что-то грохнуло, лязгнуло, взвилось. Андрей Дмитриевич схватился рукой за глаза и потерял сознание.

...Только на восьмой день он пришел в себя уже в госпитале, ничего не помня, не в силах осознать случившееся и даже произнести свою фамилию. Голова наглухо забинтована, левой руки как не бывало. Одна жгучая боль...

Долгие месяцы врачи боролись за его жизнь, за его зрение, слух и память.

Первое, что он вспомнил тогда в госпитале,— даже не подробности последнего боя, а памятник Кутузову, улицы Бунцлау, дом на краю деревушки Нидер-Лангенау и встречу с Наготиным.

И тогда появился у Андрея Дмитриевича какой-то странный, беспокоящий осадок от этой встречи. И все же в то время он не думал о том, о чем подумал сейчас, через столько лет. А сейчас ему стало ясно: не чиста совесть у Наготина. Видно, неспроста он пропадал! Неспроста прятался!

— Ну, что вы скажете? — спросил Андрей Дмитриевич жену и дочь, рассказав им все, что мог, о Наготине.— Что делать?

— Интересно все-таки, почему он сменил фамилию? — сказала Нина.

— Обычно такие вещи делаются, когда фамилия неблагозвучна или человек не хочет, чтобы его узнавали,— сказал Андрей Дмитриевич.

— Но Наготин и Заботин — почти одно и то же,— пояснила Нина, не уловившая в рассказе отца ничего предосудительного.— Ну, недостатки на складе... Так ведь о них узнали?..

— То-то и оно! — согласился Андрей Дмитриевич. — И, пожалуй, будет лучше, дочка, если пока то, о чем я рассказал вам, никто знать не будет. Договорились?

— Договорились, — подтвердила Нина.

— По-моему, тебе надо поехать завтра в Москву, — посоветовала Надежда Ивановна, когда Нина вышла в соседнюю комнату.

Андрей Дмитриевич и сам так думал. Беспокоило его только одно:

— А ты понимаешь, Надюша, что это значит для Ксении Степановны? Для девочки их?..

— Все равно поезжай. Посоветуйся там, а потом решим, — сказала Надежда Ивановна. — Если будет нужно, я сама поговорю с Ксенией Степановной.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

А ВСЕ-ТАКИ ЭТО ВЕСНА!

Погода, кажется, начала устанавливаться. Зацвела скромными подмосковными красками весна. На полянах отогрелась, расправила стебельки подмерзшая было трава, потянулись, вскинув к солнцу желтые головки, одуванчики, и опять закружились над ними бабочки и пчелы. Птицы, приунывшие было от неожиданных холодов, зашумели, заволновались пуще прежнего, словно стараясь наверстать упущенное.

Солнечные лучи светили час от часу заманчивей. Медлить было нестерпимо трудно: первыми не выдержали — лопнули почки тополей, за ними — березок, и как-то сразу пошел зеленеть подмосковный лес со всем своим множеством хвойной и лиственной красоты.

Нина прислушивалась к шуму леса и голосам птиц, к запаху полей и молодой листвы. И все это радовало ее, заставляло о чем-то думать, к чему-то стремиться, что-то узнавать вновь и вновь.

— Итак, совершается второе чудо,— сказал Андрей Дмитриевич в ответ на радость дочери.— Кажется, Нина Андреевна стала замечать природу. Берет она ее за живое!

— А первое какое? — спросила Нина.

— Первое, как я заметил: ты довольно быстро привыкла к новой школе.

— А ты рад, что весна вернулась? — шутя спросила Нина у Костика, который что-то разглядывал через окно.

— Я? — не понял Костик и показал рукой на улицу.— Там машина?

— Эх, машинная душа! — пошутил отец, на самом деле очень довольный.— Кто о чем, а сапожник о сапогах!

Костик мог часами играть один, пока его не трогали. Но уж коль скоро с ним заговорили, держись! Он не даст покоя!

— Давай играть! — немедленно предложил он Нине.

— Мне некогда. Я сейчас в школу пойду,— сказала Нина.

Но Костика это вовсе не огорчило. Он знал, что играть Нина не умела. С ней можно гулять по улице, но играть — нет. Как и с мамой! Вот папа — другое дело!

Нина вспомнила, что отец собирался сегодня в Москву, и поинтересовалась:

— Зачем ты едешь? В институт?

— Нет,— сказал отец.— Так. Есть дела.

— Папа, давай играть! — предложил Костик.

— Вы и правда поиграйте, пока я на стол соберу,—

сказала Надежда Ивановна, войдя в комнату с чайником.

— Давай, — согласился Андрей Дмитриевич, усаживаясь на пол рядом с сыном. — Только недолго.

Играть с Костиком было вовсе нетрудно. Костик возит по полу машины, при этом кричит, дает «дудки», как он говорит, а ты просто должен его поддерживать: тоже кричать, тоже гудеть и спрашивать: «А эта машинка куда едет?», «А эта — в Москву?», «А эта — в Ленинград?». Вот и вся игра. Костика это вполне устраивает.

— Нет! — кричит Костик. — Эта машина уехала в лес! Там хорошо!

— Правильно! В лес! — подтверждает Андрей Дмитриевич. — Мимо деревьев, по оврагам, по траве мчится наша машина. Кати, шофер, во весь опор!

Костик доволен. В лес — это интересно! Ему и самому понравилось в лесу — там Нина нашла ему лягушку, жаль только не зеленую. А папа рассказал сказку про стрекозу. А мама показала гнездо с яичками, на которых сидят настоящие птицы. Костик с удовольствием отправлял в лес свою новую пожарную машину.

— Мы пойдем в лес? — спросил он. — Пойдем?

— Вот из школы приду, поспишь, и пойдем, — предложила Нина. — Хорошо?

Нина, дожевывая, вскочила из-за стола, взяла портфель, наскоро попрощалась и выбежала из дому.

У ворот она задержалась на минуту, посмотрела по сторонам, но Павлика не обнаружила.

«Чудно! — подумала она. — Что-то его сегодня нет».

Нина уже привыкла к тому, что обычно по утрам Павлик дожидался ее у ворот и они вместе шли в школу.

Неожиданно появилась Катя, и Нина обрадовалась:

— Пойдем вместе?

— Пойдем! — сказала Катя. — Да, ты знаешь, я встретила сейчас Алексеева: куда-то несется, говорит, «дела». Что бы это могло быть? А?

— Не знаю! — удивилась Нина. — Я сама думаю, почему его нет. А какие у него дела? Он в школу побежал?

— В школу. С портфелем. А какие дела, не сказал...

Чем больше Нина присматривалась к Кате, тем больше замечала, что в общем-то она вовсе не такая уж замкнутая и мрачная, как показалась сначала. Вот вчера их посадили за одну парту, и на первом же уроке они так расшушукались, что историк Виктор Николаевич даже сделал им замечание. А потом, вечером, Катя приходила к Нине домой, и они вместе занимались физикой, а заодно и примеры по алгебре делали.

Нина спросила у Кати, как дела дома, не заругает ли ее отец за приход к ним, но Катя довольно уверенно сказала:

— Мне мама разрешила.

Нина чувствовала, что Катя становится смелее, да и сама Катя, видимо, понимала это.

— Сегодня мы будем заниматься у тебя? — спросила она. — Завтра, наверное, Матвей Ферапонтович меня спросит.

— Конечно, — ответила Нина. — Как вчера вечером, ладно?

Они шли по подсыхавшему асфальту шоссе, сторонясь проезжавших мимо машин и подвод. Из-за края серой тучки над кладбищенским бугром выглянуло солнце — заблестела дорога, молодые листочки на деревьях, паутина на ветках и островки зеленой травы в низинке возле ручья. Там паслось стадо коров — черно-белых и бурых, серовато-дымчатых и почти розовых;

и, глядя на них, казалось, что ты ощущаешь в воздухе с детства знакомый теплый запах парного молока.

Сбрасывая утренний туман, вокруг задышали почерневшие поля, и простым глазом стало видно, как парит в лучах солнца земля, как дрожит над ней воздух. И грачи с еще большей важностью прохаживались по вспаханной земле, как будто они, и никто другой, были ее единственными хозяевами.

Воробьи, а их было почему-то немного в этих краях, прыгали по дороге, держась ближе к обочинам, где проезжали подводы. Они не галдели, как их московские собратья, а деловито занимались добыванием корма. Видно, сейчас, в пору прибавления воробьиных семейств, это и впрямь было важнее всего на свете.

— Ты любишь это? — неожиданно спросила Нина у Кати.

— Что люблю? — переспросила Катя.

— Ну, вот все, что вокруг, — лес, деревья, поля... все.

— Не знаю, — ответила Катя. — Я привыкла, и мне нравится. Да и разве может это не нравиться?

— А я вот раньше говорила «люблю», а на самом деле ничего не любила, не понимала, — призналась Нина. — Мне только сегодня папа сказал, что я стала что-то видеть...

Нина вспомнила ящики с молодой рассадой на школьных окнах, и яблони, которые показывал ей Павлик, и грядки, на которых они согревали ранние посевы, и подумала: «Наверно, тот, кто выращивает все это, выращивает сам, как Павлик, как Катя, и правда любит по-настоящему. А что я?»

И еще Нина вспомнила, как когда-то очень давно, в детском саду, их группа сажала во дворе деревца, а она, Нина, всегда забывала поливать их. Да и позже, когда папа увлекся дворовым садом, Нина так и не со-

бралась ни разу поработать со всеми ребятами вместе, не посадила ни одного деревца во дворе. А в прошлом году им на каникулы дали задание подготовить гербарий, а она так и не успела сделать этот гербарий. Вспомнила о нем только тридцатого августа, и папа ругал ее тогда за то, что она не знает, как выглядит клевер.

Почему же она так мало видела раньше? Ведь она умела радоваться! Но когда? Когда видела ребят, когда вступала в игры. И даже в Доме пионеров, пожалуй, ее не столько увлекала сама история, хотя она и любила ее, сколько ребята — девочки и мальчики, с которыми она подружилась. И еще походы в музеи, на выставки и в другие места — да мало ли в Москве интересного!

И вот сейчас она стала замечать не только это.

А может быть, просто она стала старше?

Они уже миновали железнодорожный переезд, подошли к станции и вдруг впереди увидели Павлика. Он спокойно шел по дороге в школу.

— Алексеев! Подожди! — крикнула Нина.

Девочки бегом догнали Павлика.

— А-а, это вы! — в голосе Павлика прозвучало не то сожаление, не то оправдание. — Вы в школу?

— В школу! А куда еще? — не выдержала Нина. — Ты, Алексеев, что-то хитришь!

— И верно, — поддержала ее Катя.

— И откуда вы взяли? Почему я хитрю? Чепуха какая! Просто дело было одно — вот и все. Не могу же я о каждом шаге докладывать, — заявил Павлик не без обиды и, чтобы перевести разговор на другую тему, добавил: — Сегодня после уроков на участке много работы. Не забудьте! Погодка-то ничего! Все-таки пришла весна!

Павлик так заметно пытался увести разговор в сто-

рону, что Нина не выдержала и расхохоталась. Улыбнулась и Катя.

— Ну ладно! Пойдем, дипломат, в школу,— сказала Нина.— А насчет весны ты прав. Кстати, рассаду помидоров мы скоро будем высаживать на грядки?

— Теперь уже скоро,— сказал Павлик.— Мария Григорьевна говорит: постоит несколько таких дней, земля прогреется, и можно высаживать. Сегодня спросим у нее. А теперь пошли побыстрее, а то опоздаем!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПАВЛИК ПРОЯВЛЯЕТ ИНИЦИАТИВУ

После уроков, когда шестиклассники высыпали на пришкольный участок, Нина, как обычно, стала работать в бригаде Павлика, а Катя — в своей, соседней.

К удивлению Нины, им поручили опрыскивать яблони железным купоросом. Правда, Нина и раньше слышала, что фруктовые деревья чем-то опрыскивают, но по наивности считала, что это делают каким-то особым раствором, вроде удобрений. А здесь — железный купорос!

— А деревья не погибнут? — искренне поразилась она.— По-моему, железный купорос — это яд.

— Ну и смешная ты! — Павлик рассмеялся.— Это яд только для вредителей, а яблоням от него ничего не будет.— Павлик посмотрел по сторонам и, увидев, что Катя Заботина находится довольно далеко от них, добавил: — Ты не сердись, что я утром, ну... в общем, ничего не сказал вам. Это я при Заботиной не хотел... Ты только не проговоришься ей... Тебе-то я, конечно, скажу.

Нина пообещала молчать.

— В общем, я решил,— продолжал Павлик,— поговорить с ее отцом сам. По-серьезному, по-мужски...

— О чем?

— Как о чем? Обо всем! О поведении его. О том, что он дочку мучает и жену. О том, что в бога верит, пьет, безобразничает — обо всем...

— Подожди, подожди,— перебила его Нина.— А это удобно?

— Что удобно?

— Ну то, что ты во взрослые дела вмешиваешься,— пояснила Нина.— Ведь Катин отец — взрослый человек. А ты...

— Ничего себе взрослые дела! И Катька — это тоже взрослые дела? Сама же говорила, что нужно ей чем-то помочь. А Клава, помнишь, как на сборе говорила: «Вы должны думать о каждом пионере». Кто же, потвоему, о Заботиной будет думать? Я вот с отцом советовался, так он то же сказал...

— И это тебе папа посоветовал — с Катиним отцом поговорить? — спросила Нина.

— Да нет. При чем тут папа? Я с ним об этом не говорил. Просто сам решил, и все... Я и отчество его узнал: Кузьмич.

— Ну и что ж ты? Поговорил? — спросила Нина, еще более озадаченная услышанным.

— Да, понимаешь ли, пока нет. Не получается! — с огорчением произнес Павлик.— Утром хотел, даже встал пораньше. Думал, пойдет Катин отец в церковь, а я с ним — вот и поговорю. Да и прозевал его: он уже ушел. К церкви побежал, а там все время народ. Не будешь же при всех говорить! Это вдвоем надо. Ждал, ждал, но так и не дождался. Вот вы с Заботиной и встретили меня потом.

— Он сегодня... не пьяный?

— Не знаю... Я не видел его,— сказал Павлик.— К вечеру бы только не напился. Закончим работу, пойду караулить. Ты смотри не проболтайся Заботиной. А за меня не волнуйся. Я все хитро скажу, тактично. Не так, как тебе. Я придумал: ни про пьянство, ни про что не будет ни слова. А про свободу религии скажу: мол, ваше это дело. Но он все равно должен понять. В общем, не беспокойся!

Часа через два закончили опрыскивать яблони. Было половина пятого.

Пока Павлик шел к церкви, он еще и еще раз обдумывал свой разговор с отцом Кати.

«Скажу так,— думал он.— Уважаемый Яков Кузьмич! Разрешите с вами поговорить? По какому делу? По личному. Вопрос о судьбе вашей дочери Кати Заботиной всех нас очень волнует. Кого нас? Ее товарищей, пионеров, учителей. Катя — хорошая девочка, даже способная, и она могла бы хорошо учиться. Но у нее трудные условия дома, и это ей мешает нормально готовить уроки. В свое время вы заставляли Катю в бога верить. Но насильно заставить никого нельзя. И, пожалуйста, не сердитесь на Катю, что она пионеркой стала и не ходит в церковь. Наша страна сейчас строит коммунизм, выполняет семилетку. Мы, ребята, уже будем жить при коммунизме. И ваша дочь тоже. Представляете, как важно, чтобы из нее вырос настоящий человек! Я, конечно, моложе вас и вовсе не собираюсь давать вам советы. Но вы сами все понимаете и обязаны помочь нам, помочь своей дочери. Катя должна спокойно учиться и расти в нормальной домашней обстановке. Вот о чем я хотел сказать вам от имени всего нашего отряда, класса и всей школы».

Павлику казалось, что разговор получится правильный и серьезный. Как между двумя мужчинами.

Вдали показалась церковь. Возле нее, как всегда,

толпился народ. И тут Павлику неожиданно повезло. Не успел он дойти до церковных ворот, как из них вышел Заботин и направился то ли к дому попа, то ли к дому дьякона.

Павлик ускорил шаг и наконец догнал Якова Кузьмича почти у ворот поповской усадьбы.

— Простите,— как можно вежливее сказал Павлик, забегая вперед.— Разрешите поговорить с вами?

— Тебе чего? — довольно грубо спросил Яков Кузьмич, который уже успел открыть калитку.— Чего поговорить? Спешу я, не видишь!

И вдруг Павлик почувствовал, что подготовленный им разговор с этим человеком никуда не годится. Не годится с самого начала, со слова «уважаемый» и дальше. Надо говорить как-то иначе, без всяких хитростей. Но как?..

— Мне ничего,— ответил Павлик и сразу, неожиданно для самого себя, добавил: — Я из школы, где ваша дочка учится... Пришел поговорить с вами.

Яков Кузьмич удивленно уставился на Павлика и расхохотался:

— А чегой-то мне с тобой разговоры разговаривать? Премного чести! Давай, давай отсюда! Некогда мне! Проваливай...

— Никуда я не буду проваливать! — заупрямился Павлик.— Можете вы в конце концов с человеком поговорить, если нужно?

— Тоже мне человек!..

— Да, человек! И пионер еще! — зло сказал Павлик!

— Пионер! Испугал! Не о чем мне с безбожниками разговор вести! — произнес Яков Кузьмич и, внимательно посмотрев на Павлика, уже более миролюбиво спросил: — Лицо твое вроде бы знакомо. Я тебя видел где-нибудь?

— Видели, когда мы с Катей вас домой провожали,— сказал Павлик.— Недавно это было.

Заботин промолчал. Покачиваясь, отошел от калитки и буркнул:

— Ладно! Давай выкладывай, что там у тебя!

Павлик понял, что он ошибся: от Якова Кузьмича опять несло вином, да и на ногах он стоял непрочно.

«Вот возьмет да изобьет меня чем попало,— подумал Павлик.— Ну, да все равно, была не была! Только так я ему не дамся!»

— Я хотел вам сказать... В общем, от имени всех Катиных товарищей,— начал Павлик.— Я хотел сказать, что мы очень беспокоимся за Катю, потому что вы... В общем, мы ее в обиду не дадим!

— Что ты сказал, щенок? — поразился Заботин.— Да какое тебе дело? Что она — твоя дочь или моя? Куда ты лезешь?!

— Я никуда не лезу,— уже спокойно сказал Павлик,— но издеваться над нашей пионеркой мы не позволим. Кате помочь надо, а...

— Вон отсюда, богохульник! Я тебе покажу, как меня учить! — заорал Заботин.— Нашел кого учить! Сатанинское отродье!

— Я вовсе не боюсь. Не думайте,— как можно спокойнее сказал Павлик.— Мы все о вас знаем, и если вы... Вам же хуже!

Лицо Якова Кузьмича вдруг изменилось:

— Подожди, дружок! Постой! Я пошутил. Во имя господи не сердчай! Скажи-ка мне лучше, что вы знаете?

Павлик остановился, ничего не понимая. Почему Заботин вдруг сменил гнев на милость?

— Как что? Что ругаете вы Катю, когда выпивши бываете, молиться заставляете, денег на жизнь не даете...

— А-а!..— будто обрадовавшись, протянул Забо-

тин.— А откуда вам все это известно? Кто эти антихристовы сплетни вам приносит? Уж не сама ли Катька?

— Нет! Катя нам ничего не говорит,— сказал Павлик.— Да мы все знаем. Все знают об этом...

— Ну и проваливай, пока не попало! — вновь повысил голос Яков Кузьмич.— Будешь соваться не в свои дела да трепать языком, получишь от меня. Так и знай!

— Все равно я вас не боюсь! — сказал Павлик.— До свиданья.

— Я вот покажу тебе «до свиданья»! — произнес Заботин и зло выругался.

Павлик пошел прочь от поповской усадьбы. Теперь он уже не знал, приведет ли к чему-нибудь этот разговор и не зря ли он его затеял.

Еще издали, подходя к дому, где жили Стрешневы, Павлик заметил Нину. Она стояла у ворот и, видимо, ждала его.

— Ну что? — спросила она подошедшего Павлика.— Поговорил?

— Поговорить-то поговорил, да что толку? — признался Павлик.— Это такой человек, что его никакими разговорами не возьмешь.

Павлик слово в слово пересказал Нине свой разговор с Заботиным.

— Вот так я и знала,— сказала Нина.— Представляешь, что теперь может быть? Придет он домой, да еще пьяный, и набросится со злости на Катю.

— Я что-то не подумал об этом,— признался Павлик.— Что же делать? Вдруг ты права! Ведь он может и убить ее. В милицию заявить?

— Ну, в милицию не в милицию,— сказала Нина,— а что-то делать надо. И, пожалуй, вот что. Побежим-ка сейчас в школу и предупредим Клаву. Расскажем все, как было, и посоветуемся.

— Давай! Ты права,— еще больше забеспокоился Павлик.— Ну и наделал же я дел! И как только не подумал!

— Подожди меня. Я дома скажу,— попросила Нина.— А то ко мне как раз Катя должна прийти.

Нина побежала домой.

— Мамочка,— сказала она,— я в школу на минутку с Алексеевым. Придет Катя, скажи ей, что я сейчас вернусь. Только не говори, зачем я в школу побежала. Просто забыла, мол, учебник. Ладно?

— Как же я скажу, когда ты мне самой не говоришь! — рассмеялась мать.— Ты мне, Нинок, вот что лучше скажи: ты хочешь, чтоб к нам на Первое мая Катя с мамой пришли? Ведь праздник. Вот мы бы и отпраздновали его вместе.

— Ой, мамочка! Конечно, хочу! — обрадовалась Нина, обняв мать.

— Ну вот и хорошо. Я сегодня как раз встретила Ксению Степановну и предложила ей. У нее выходной первого числа. А ты Катю пригласи.

— А как отец ее? — спросила Нина.

— Он не придет,— сказала Надежда Ивановна.— Мне Катина мама сказала, что он не придет. И вообще, но это по секрету пока, он уезжает на днях в Москву. Ксения Степановна говорит, что будто бы он собирается работать в другой церкви на каком-то кладбище.

— Ну и хорошо! Так я пошла,— сказала Нина.

Когда Нина и Павлик прибежали в школу, оказалось, что старшей вожатой уже нет. Она отправилась с ребятами-старшеклассниками в соседний колхоз.

— Что же делать? — заволновался Павлик.— Может, к Серафиме Кузьминичне сходим?

— Ой, я боюсь ее! — призналась Нина.

— А я не боюсь,— сказал Павлик.— Сам заварил кашу, мне и расхлебывать. Пойдем!

Они поднялись на второй этаж, где помещалась учительская. Из нее шла дверь в кабинет директора.

В учительской никого не оказалось, и Павлик сразу же постучал в директорскую.

— Войдите! — сказала Серафима Кузьминична.

Павлик открыл дверь. В кабинете директора оказалось еще несколько учителей: Мария Григорьевна, Матвей Ферапонтович, Виктор Николаевич.

— Алексеев и Стрешнева? Случилось что-нибудь? — спросила Серафима Кузьминична.

— Здравствуйте! — сказала Нина.

— Здравствуйте! — сказал Павлик и тут же добавил: — Вы знаете, Серафима Кузьминична, я, кажется, что-то натворил, и очень страшное.

Тут не выдержала Нина и вступилась за Павлика:

— Ничего Алексеев не натворил, Серафима Кузьминична. Просто он хотел сделать как лучше, а потом мы подумали...

— Вы расскажите нам, в чем дело. — Серафима Кузьминична улыбнулась. — Мы ничего не понимаем.

Павлик рассказал все, как было.

— А кому пришла мысль поговорить с отцом Заботиной? — спросила Серафима Кузьминична, когда Павлик закончил рассказ и виновато опустил голову. — Чья это инициатива?

— Моя инициатива, — признался Павлик. — Я думал... В общем, надо было что-то сделать... А то все разговоры только...

— Это ты прав, — сказала Серафима Кузьминична. — Что-то делать надо было, но, пожалуй, не так. Ты хоть бы посоветовался с кем-нибудь...

— Он со мной советовался, — сказала Нина.

— Это, конечно, хорошо, что он с тобой советовался. Но надо было и со старшими посоветоваться. Тогда бы этого не случилось...

— Ничего я с ней не советовался. Просто сказал, когда уже сам все решил, — произнес Павлик.

— Вот видите, как у нас получается, — сказала Серафима Кузьминична, обращаясь уже к сидевшим рядом учителям. — Сколько раз мы говорили о том, чтобы зайти к Заботиной домой, посмотреть, как она живет, и ничего не сделали. Приняли Заботину в пионеры, обрадовались, что она от вредного влияния освободилась, и успокоились.

— Вот Алексеев говорит, что надо в милицию заявить, — сказала Нина. — Может, правда?

— Я предлагаю сейчас же сходить к Заботиным и сориентироваться по обстановке, — предложил физик Матвей Ферапонтович. — Давайте я и схожу!

— Нет, на сей раз идти надо мне, — сказала Мария Григорьевна. — Я жалею, что не сделала этого раньше.

— Вот и прекрасно, — поддержала ее Серафима Кузьминична. — Мы с вами вместе пойдем. Ну а вы, Алексеев и Стрешнева, свободны. Шагайте спокойно домой, но в следующий раз будьте умнее. Инициатива — дело хорошее, но лишь тогда, когда она полезна.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ

Андрей Дмитриевич приехал в Москву в полдень. На улицах было, как всегда, шумно илюдно. И впервые Андрей Дмитриевич почувствовал, что отвык от темпа городской жизни. Но уже через минуту это состояние прошло, стоило ему попасть в поток людей на привокзальной площади, людей в большинстве своем приезжих. Многие из них не бывали раньше в Москве:

то здесь, то там мелькали лица удивленные, чуть растерянные и просто взволнованные.

Город готовился к празднику: чистился, прихорашивался, сутился. Зеленеющие липы вдоль тротуаров, железные строительные леса на зданиях, гирлянды разноцветных лампочек и плакатов, разложенные прямо на асфальте, вот-вот готовые украсить стены домов,— все это вместе с солнцем и голубым весенним небом вписывалось в предпраздничный пейзаж большого города, неповторимого в своей красоте и величественности.

В такой день не хотелось нырять под землю, в метро. Андрей Дмитриевич втиснулся в переполненный, украшенный уже майскими флажками троллейбус, шедший в сторону центра. И казалось, что это не просто троллейбус идет по московской улице, а целый вагон добрых настроений, улыбок, ожиданий и предчувствий. Кондукторша предупредительно объявляла остановки и окрестные достопримечательности, девочки-школьницы наперебой предлагали свои места какой-то весьма еще юной девице, а пассажиры в проходе при каждом рывке троллейбуса без конца извинялись друг перед другом и улыбались при этом так, словно поздравляли с праздником.

Очень уж не хотелось думать сейчас о чем-то дурном — ехать бы да ехать вот так по Москве, а если и выйти из троллейбуса, так только для того, чтоб шагать по улицам и заходить в магазины за покупками.

...Андрей Дмитриевич получил пропуск и поднялся по белой мраморной лестнице на второй этаж. В комнате, на которую ему указали, его встретил высокий, уже почти седой штатский мужчина с редкой бородкой, которая прикрывала шрамы на лице.

— Садитесь, пожалуйста, товарищ Стрешнев,— сказал он, здороваясь, и тут же, взглянув на Андрея Дмит-

риевича, на его пустой левый рукав, добавил: — Смотрю, мы вроде коллеги с вами. Где воевали-то? А?

Начался разговор, обычный для двух друзей по фронту: оказалось, что оба воевали последний год войны на 1-м Украинском. Только собеседник Андрея Дмитриевича служил в танковых частях, в армии Рыбалко.

— Наши тоже были в Праге... Как раз сопровождали вашу армию,— вспомнил Андрей Дмитриевич.— Да, меня еще на юге Германии ранило... Вот и не дошел грибок до кузовка!

Андрей Дмитриевич замялся, не зная, как обратиться к сидящему перед ним человеку, и тот, видимо, понял это.

— Зовите меня просто Игорем Константиновичем,— сказал он.

— Так вот, Игорь Константинович,— продолжал Стрешнев,— я пришел рассказать вам одну странную историю...

И он поведал все, что знал о Наготине, начиная с его исчезновения в сорок втором, встречи с ним под Бунцлау и кончая его превращением в Заботина.

— Любопытно! Пропавший без вести, значит...— произнес Игорь Константинович, выслушав рассказ, и записал что-то в блокнот. Он минуту подумал и наконец поинтересовался: — У вас какие-нибудь дела еще есть в Москве на сегодня? Не за покупками приехали?

— Нет, я специально к вам приехал,— сказал Андрей Дмитриевич.

— Тогда я попросил бы вас немного подождать,— предложил Игорь Константинович.— Можете? А?

— Конечно,— согласился Стрешнев.

— Вот и хорошо. Тогда посидите здесь у нас в коридоре, покурите, а я сейчас...

Они вместе вышли из кабинета.

Игорь Константинович вернулся только через полчаса, и достаточно было взглянуть ему в лицо, чтобы понять — не с добрыми вестями.

— Заходите, заходите, — пригласил он, пропуская Стрешнева в кабинет. — К сожалению, ничего хорошего... Наоборот, — продолжал он, доставая из кармана блокнот. — Наготин Яков Кузьмич, двадцать второго года рождения, попал в плен в сорок втором году. Добровольно пошел на службу к гестаповцам. Был помощником старосты в Черновицах, участвовал в расстрелах сотен советских людей во Львове, потом работал в концлагере под Трибелем, и притом усердно работал — не один десяток жизней на его совести... Матерый волк. К моменту прихода наших войск в район Трибеля удрал вместе с охраной лагеря, предположительно — на

Запад. Наши товарищи разыскивали его и здесь, у нас, и среди перемещенных лиц, но безуспешно! Вот вам и пропавший без вести! Короче говоря, вы очень верно поступили, что пришли. Это преступник, которого надо сурово судить за гибель многих людей. Вот вам и божий деятель!

— Меня только одно беспокоит,— сказал Андрей Дмитриевич.— Может, вы учтете как-то. Я семью имею в виду его: жену, девочку. Сами понимаете, какая для них это будет трагедия...

— Да, скажите,— перебил его Игорь Константинович,— кто еще знает об этом? А?

— Пожалуй, только моя семья: жена и дочь,— сказал Андрей Дмитриевич.— Остальные могут лишь догадываться о том, что я его знаю, но без подробностей.

— А то, что этот самый Наготин-Заботин расходится с женой и уезжает из Песочного в Москву, это точно? — опять спросил Игорь Константинович.— В кладбищенскую церковь, говорите, его устраивают?

— Как будто да,— сказал Стрешнев.— И теперь мне ясно, почему он так боится меня. Как же ему оставаться?

— Очень хорошо,— сказал Игорь Константинович, раздумывая.— Очень хорошо! Пусть будет так! Служитель божьего храма! Пускай себе отправляется из Песочного. И лучше всего, если ни жена его, ни тем более дочь ничего не будут знать об этом. Вы понимаете? Это уже зависит от вас. А там видно будет: через какое-то время заживет рана, и, может быть, мы сообщим ей... Ее ведь Ксенией Степановной зовут, вы говорили?

— Ксения Степановна.

— Ну а о нашем с вами разговоре и вообще о всей этой истории, кроме вас, никто не будет знать... Я думаю, вы понимаете!

— Понимаю,— согласился Андрей Дмитриевич.— Только вот жена моя...

— Я и говорю, кроме вас с женой,— уже улыбнувшись, сказал Игорь Константинович.— Раз уж вы вместе приняли такое решение, то и жене своей передайте нашу благодарность. Большое спасибо вам за помощь!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ПРАЗДНИК

Майское утро выдалось прохладное, ясное и тихое. Так по крайней мере показалось Нине. Стрешневы впервые спали в эту ночь с открытыми окнами, и под утро в комнате стало свежо и очень светло. Нина проснулась, хотела натянуть на себя одеяло, но вспомнила, что это — праздничное утро, и удивилась необычной заго-родной тишине.

Она привыкла к раннему шуму московских улиц и площадей. Особенно в дни праздников, когда чуть свет, задолго до начала демонстрации, по городу спешат первые машины, автобусы и трамваи, а над улицами на полную мощность гремят репродукторы. Она привыкла к раннему пробуждению своей большой квартиры, где вроде так никто и не засыпает в предпраздничную ночь: от кого-то на рассвете шумно выходят гости; кто-то уж хозяйничает на кухне; кто-то плещется в умывальнике, торопясь на демонстрацию или просто к телевизору.

А здесь было удивительно спокойно. Даже шума поездов не слышно. Только робкий щебет еще не проснувшихся толком птиц да еле слышные голоса пету-

хов, которые, впрочем, начинали кукарекать чуть ли не с вечера.

Нина забралась с головой под одеяло, пряча глаза от яркого света. Она хотела еще поспать и окончательно проснулась от звуков марша на улице и еще ближе, в комнате, от звона церковных колоколов и от прикосновения свежего, пахнущего утренним воздухом лица матери:

— Нинок! С праздником!

Тут Нина поняла, что она, видно, все же уснула, а вчера вечером так и не дождалась мамы: Надежда Ивановна уезжала в Москву сдавать работу и «пройтись», как она сказала, по магазинам.

— Ты уже вернулась?

— Вернулась. И привезла тебе один приятный сюрприз. Но о нем ты узнаешь завтра.

Нина спросонья даже не поинтересовалась, почему завтра, и только спросила:

— Наверно, книгу? Интересную? Да? Или материал на сарафан?

— Ну, какой же в этом сюрприз! Узнаешь, Нинок, узнаешь. Не спеши!

Звуки марша лились с улицы — видно, в поселке был свой репродуктор — и одновременно гремели в комнате: это отец включил приемник.

Нина чмокнула отца, сказала: «С праздником!» — и взглянула на часы: семь. Спать уже не хотелось, и она начала тормозить брата.

— Костик, вставай! Слышишь, вставай! Сегодня праздник! Понимаешь, праздник!..

Костик отвернулся к стенке: слово «праздник» на него не произвело впечатления.

— На улице, знаешь, что? — спросила Нина. — Вон посмотри — там машины.

Костик моментально вскочил.

— Где машины? — спросил он, озираясь по сторонам. — Где?

— Вот пойдем на улицу, и я покажу тебе, — пообещала Нина.

Брат не без некоторого разочарования зевнул, почесал кулаком нос и глаза и немедленно предложил:

— Пойдем гулять? Гулять!

— Ты не забыла, Нинок, пригласить Катю? — спросила Надежда Ивановна.

— Что ты! Катя очень рада, — ответила Нина. После разговора Павлика с отцом Кати Нина ни о чем не спрашивала ее, только ждала. Но вчера утром Катя сама сказала о том, что к ним приходили директор и Мария Григорьевна.

— Оказывается, пока мы занимались у тебя, они и пришли, — сказала Катя. — Все посмотрели, как мы живем, где я уроки готовлю, поговорили с мамой...

— Ну что ж ты удивляешься! — успокоила ее Нина. — Это правильно, что учителя домой заходят к ученикам, интересуются, как они живут. В московских школах всегда так... А ты приходи к нам с мамой. Ладно?

— Я все собирался выяснить у тебя: в школе вашей нет исторического кружка? — неожиданно спросил дочь Андрей Дмитриевич.

— Нет! А что?

— Да я так спросил. Между прочим, — сказал Андрей Дмитриевич, — может, стоит подумать о таком кружке? Подумай сама и с товарищами посоветуйся.

— Пап, ну как же такой кружок создавать здесь? — удивилась Нина. — Ведь тут и интересного-то ничего нет... с точки зрения исторической. Чем же в нем заниматься?

— Это как сказать... Впрочем, подумай, обмозгуй. Все равно об этом можно говорить только с осени, — не

настаивал отец. — А пока там наша мать хлопочет с завтраком, пойдите-ка действительно с Кости́ком погуляйте. Посмотрите, что делается на белом свете.

Выйдя с Кости́ком на улицу, Нина опять вспомнила Москву, ее улицы и дома, скверы и площади. Там сейчас уже собирались демонстранты, и скоро они заполнят все мостовые и тротуары, весь огромный город. И не час, не два по нему будет бурлить бесконечный поток праздничных людей.

Здесь, в Песочном, тоже на домах висели флаги и плакаты, тоже гремела в весеннем воздухе музыка. Но почему-то казалось, что все это — уже вторая половина праздничного дня, когда разойдутся по домам демонстранты, чтобы веселиться уже не всем вместе, а со своими семьями и компаниями друзей. Так бывает в Москве, так было и сейчас в Песочном.

— А куда они все идут? — поинтересовался Кости́к, глядя на дорогу.

По дороге и влево и вправо шли очень похожие друг на друга старушки в белых платках, ковыляли бородатые и безбородые старички, торопились женщины в светлых косынках — все они несли в руках бережно завернутые в белоснежные платки, украшенные сверху бумажными цветами тарелки и миски с куличами и пасхами. Многие взрослые вели с собой ребят, больше малышей Кости́киного возраста. Но иногда то здесь, то там попадались и одни ребята — вернее, девочки, — которые по двое, по трое спешили вправо по дороге в сторону церкви или шли влево — из церкви.

— Это они в церковь идут, — сказала Нина, вспомнив, что в этом году пасха приходится на Первое мая.

— Зачем? — не понял Кости́к.

— Понимаешь ли, Кости́к, — сказала Нина, подбирая слова, — ну, в церкви молятся богу. Чудаки, правда? Это сами люди выдумали, что есть на небе бог...

— Вертолет? — спросил Костик, услышав слово «небо». — Где вертолет? — И он поднял глаза к небу: — Нету!

— Какой вертолет! — Нина рассмеялась. — Бога выдумали на небе, а ты — вертолет!

— Нет вертолета, и самолета нету, — продолжал Костик, разводя руками.

— Вырастешь — поймешь! — сказала Нина. — А пока рано тебе объяснять...

— А машина где? — вспомнил Костик.

— Машины вот, верно, нет. Ну, подожди! Может, и приедет сейчас какая-нибудь машина, — сказала Нина, продолжая смотреть на дорогу.

«Неужели и Киселева вот так же пойдет сегодня в церковь? — вспомнила она. — Странная Женя девочка... Завистливая, безвольная и трусиха, наверно. А если трусиха, то вряд ли она решится после того сбора. Да и не все в Киселевой плохо. Маленьких она любит. Никто ей не подсказывает, а возится с первоклассниками. Неужели она все-таки пойдет?»

Костику, видимо, надоело стоять у ворот, и он потребовал:

— Пойдем гулять!

— Подожди! Постоим еще немного, — попросила Нина, вглядываясь в прохожих.

Но Жени Киселевой не было. Костик от нечего делать присел на корточки и стал рассматривать землю.

— А бля-ка где? — вдруг вспомнил он дождевых червей. — Нету! И лягуки зеленой нету!

— Червей птицы съели да куры, — объяснила Нина. — А про лягушек зеленых я тебе уже говорила.

— Червей? Съели? — удивленно повторил Костик и рассмеялся.

Наконец Надежда Ивановна позвала их завтракать.

Нина вернулась домой в хорошем настроении: она была рада, что не встретила Женю.

А к обеду в большой комнате был накрыт праздничный стол. Вокруг него хозяйничали все. Нина и Надежда Ивановна готовили салат и раскладывали закуски. Андрею Дмитриевичу досталось традиционное открывание банок и бутылок: он отлично справлялся одной рукой. Ну а Костику — не менее важное дело: он подносил к столу ножи, вилки и ложки.

Нина без конца выбегала на балкон — посмотреть, не идет ли Катя. И вот, наконец, она крикнула:

— Идут! Ура!.. Идут!..

Гости пришли вовремя. Знакомиться никому не пришлось: Ксения Степановна видела Андрея Дмитриевича и Костика как-то на улице, а Катя и вообще была своя в доме.

Сели за стол. Взрослые выпили за Май, за счастье...

Вдруг Нина услышала на улице какой-то свист. Она выбежала на балкон и увидела внизу Павлика.

— Ты что делаешь? Пойдем гулять? — предложил он.

— Мы обедаем, — сказала Нина. — Заходи к нам!.. Мамуля! — крикнула она в комнату. — Это Алексеев. Можно, он к нам зайдет?

— Конечно, — сказала Надежда Ивановна и вышла на балкон. — Заходи, заходи, Павлик!

— Нет, что вы! — возразил Павлик. — Да я уже и пообедал.

— У нас Катя. Заходи! — попросила Нина.

— Немедленно поднимайся — и все тут! Никаких разговоров! — прикрикнула на него Надежда Ивановна.

Павлик больше не возражал. Но стоило ему войти в комнату, как он вновь засмутился:

— У вас гости, я и не знал...

— Проходи, проходи, места всем хватит!

— Тогда я сейчас,— сказал Павлик.— Только до дому добегу. Я скоро...

— Ну ладно. Беги и заодно захватывай с собой родителей,— предложила Надежда Ивановна.— С таким условием!

— Что вы, что вы! Спасибо! — сказал Павлик.— Только они у меня не придут. Мама работает сегодня, а папа... не пойдет. Он у нас такой... Бука! В общем, ни за что не пойдет!

— Почему ж это папа не пойдет? — дружелюбно улыбнувшись, спросил Андрей Дмитриевич.— А я-то к нему в помощники собирался...

— Да нет. Вы не так поняли,— объяснил Павлик.— Папка у нас очень хороший. Просто он стеснительный такой. Ну, я сейчас!

Вернулся Павлик минут через десять. И все сразу поняли, зачем он убегал. Теперь на нем вместо школьной гимнастерки была белая рубашка с красным галстуком. В руках он держал книгу.

— Это тебе,— сказал он, сунув книгу Нине.— Тебе понравится. Как раз историческая...

После обеда Надежда Ивановна выпроводила «молодежь», как она сказала, в соседнюю комнату.

— Мы с Ксенией Степановной пока со стола уберем да посуду помоем.

— Я тоже умею посуду мыть! Давайте я помогу! — предложил Павлик.

— Нет! Вы уж идите играть. А мы сами. Нам и поговорить с Надеждой Ивановной хочется,— сказала Ксения Степановна.

— Пап! Давайте в «города»? — предложила Нина.

— Ну, что ж! В «города» так в «города»! — согласился Андрей Дмитриевич.— К этой игре мы, пожалуй, и Константина Андреевича привлечем.

Они ушли в соседнюю комнату.

— Я чуть не забыла,— сказала Ксения Степановна.— Ведь Катюшка-то моя по физике пятерку получила. Представляете? Пятерку! Это все дочки вашей заслуги.

— Мне Нина говорила. Я тоже очень рада,— согласилась Надежда Ивановна.— Катя у вас способная, умная девочка. Вот стала она приходить к нам заниматься, и я лучше пригляделась к ней. Хорошо, что они подружились. Ну а как у вас, Ксения Степановна, дома-то?

— Слава богу, в Москву уезжает он на днях, кажется. Говорит, переводят в другой храм. У них ведь там, как на службе! Переводят! — сказала Ксения Степановна.— И скатертью дорога!.. А позавчера к нам из школы приходили — директор и учительница насчет Катюшки. Ну, сами понимаете, что я им могла рассказать. Вылила душу, вот как вам, ну и расплакалась, конечно. Потом Яков пришел выпивши, хоть не сильно. При нем разговор пошел. Начал он ахиною всякую нести. Такие елейные вещи развел: мол, и несчастный он, и за веру его будто мы притесняем... А потом не выдержал, сорвался — грубить стал. Показал свое нутро истинное. «Мол, ваше дело девчонку воспитывать,— говорит,— а меня увольте. Каждый — за себя, а бог — за всех. А я здесь не муж и не отец...» Представляете, стыд какой! И, знаете, одно меня волнует. Все думаю: «Не виноват ли он в чем? Уж очень он боится, страсть как боится вашего мужа».

Надежда Ивановна промолчала.

— Я все вспоминаю наш тогдашний, первый разговор с вами,— сказала Ксения Степановна.— Помните, вы сказали: «А счастье ли это?» Давно мне надо было кончать такую жизнь. Самой кончать. Нет у нас с ним никакой жизни... Давно уже нет! Одни муки! Мне уж

даже Катюшка сколько раз говорила: «Разведись, мамочка, с ним. Разведись!» Представляете, до чего он нас довел?..

— Успокойтесь, Ксения Степановна. Успокойтесь, милая! — сказала Надежда Ивановна и почувствовала, что у нее самой комок подступает к горлу.

Женщины молча обнялись.

— Это все от вина, — призналась Ксения Степановна. — Вот выпила рюмку и расчувствовалась. А так, вы не подумайте, я крепкая, честное слово, крепкая. А с вашим приездом еще крепче стала. Теперь все по-другому у нас пойдет. Поверьте!

Она улыбулась и вытерла платком глаза.

— Хочу уж вам еще в одном покаяться, хоть и говорить-то об этом совестно. Помните, я о Катюшке вам говорила, что к церкви ее Яков приобщил. Не призналась тогда я вам. А вот сегодня вспомнила, как увидела: в церковь люди идут. Ведь и я так ходила...

— Вот бы уж чего не подумала! — удивилась Надежда Ивановна.

— Было... Да как еще было, — призналась Ксения Степановна. — И посты соблюдала, и праздники престольные. Нет того, чтобы Катюшу отвадить, сама верила... Катюшка-то первая разобралась. В позапрошлый год еще как-то пошла она в церковь — за святой водой. Так вернулась оттуда и говорит: «Не сердись, мамочка, но я больше не пойду туда. Мне стыдно. В школе на меня смотрят. Все — пионеры, а я...» Да что рассказывать-то! Бросила я все, до того мне стыдно стало...

— И правильно поступили, — поддержала ее Надежда Ивановна.

— Скажите, Надежда Ивановна, простите нескромность мою, — сказала Ксения Степановна, — как вы с

Андреем Дмитриевичем познакомились? На войне или как?

— Да как познакомилась? Очень просто,— сказала Надежда Ивановна.— В госпитале он лежал в сорок пятом году. Я тогда еще в школе работала старшей вожакой и в техникуме училась заочно. Вот мы и ходили с девушками в госпиталь, сестрам помогали за ранеными ухаживать, книги, газеты им читали. А потом Андрюша выписался из госпиталя, мать у него как раз умерла в это время. Мы и поженились. Сначала он все не хотел никак, думал, что из жалости я замуж за него выхожу. Да я настояла. Ведь вы знаете — я стойчивая, упрямая,— улыбнулась она.— С ребятами привыкла дело иметь, а с ними никак нельзя иначе!

— Я с вами встретила и, честное слово, будто человека в себе почувствовала. Смотрите, какая у вас семья дружная, хорошая! Вон ведь как они там веселятся...

И правда, в соседней комнате стоял такой гам, словно там находился целый пионерский лагерь.

— Такого города нет! — смеялся Андрей Дмитриевич.— Что это за Яванна, простофилькины? Гавана — другое дело!

— Яссы можно! Яссы! — настаивал Павлик.

— Ясса? А разве такой есть? — удивилась Нина.— Может, еще Асса?

— А Яссы есть, не кричи,— басил Андрей Дмитриевич.— Стыдно не знать. География!

— Да, но на «ы» и названия не подберешь! — высказала сомнение Катя.— Что же за город может начинаться с «ы»?

— Лучше подумайте, подумайте!

— Москва! — громче всех кричал Костик.

Видно, и он пытался играть вместе со всеми...

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

С утра второго мая заморосил дождь. Не ахти какой сильный — просто мелкая пыль, но неизвестно, как долго такой дождь мог продлиться, и Надежда Ивановна забеспокоилась:

— Все карты нам этот дождь путает...

— Какие карты? — не поняла Нина. Она с утра засела за книгу, подаренную Павликом, и потому не замечала плохой погоды.

— Да так... — уклончиво ответила мать. — На станцию мы должны пойти за газетами, только не позже одиннадцати. Неужели не кончится к этому времени?

Костик услышал слова матери, подошел к окну и сказал:

— Дождь, не иди! Не иди, дожди! Мы гулять пойдем! — и опять опустился на пол к своим машинам.

Но вот небо стало чуть светлее, сначала над дальним лесом — и от этого темные верхушки сосен позеленели, потом над самым поселком, и почудилось, что как-то по-особому молодо встряхнули свои почти уже совсем зеленые ветки молодые березки.

Прямо против окна стояла ель. И вдруг — что за чудо! — солнечный луч пробился именно к ней и задел вершинку. Поначалу ель как бы побледнела, потом вспыхнула красноватыми свечками, вся освещенная солнцем.

Несколько минут еще шел дождь, поблескивая в лучах солнца. Постепенно капли его становились все крупнее и крупнее, они уже барабанили по крышам домов, по листве деревьев, по лужам. И вдруг он как-то

сразу иссяк, будто сдавшись всесильному, окончательно прорвавшемуся сквозь облака солнцу.

Подул ветерок, затряс молодую листву и сережки на березах, закачал ветви сосен и погнал прочь остатки серого неба, теперь уже разорванного синевой на облака и облачки.

Надежда Ивановна повеселела, забегала по комнате, и только увлеченная чтением Нина, кажется, не поняла, чему радуется мать.

— Ты знаешь, папа, очень интересная книжка, — сказала она Андрею Дмитриевичу. — Вот слушай, я прочту тебе кусочек...

И она стала читать отцу о давних боях на реке Нарове, о славных делах царя Петра, о русских парнях да мужиках, воевавших за свою землю.

Андрей Дмитриевич, видимо, тоже увлекся и, когда дочь на минуту было замолчала, попросил:

— Ты дальше читай! Дальше!

— Андрюша! Собирайся! Ты забыл? — перебила их вскоре Надежда Ивановна. — И ты, Нинок, с нами!

Нина собралась было отговориться: «Книга интересная. Я посижу. Почитаю», — но мать настояла на своем.

— Нет, сегодня пойдем с нами! Сама потом будешь жалеть...

Костик бесцеремонно схватил сестру за руку:

— Гулять!

На улице их встретил ветерок, принесший из лесу запахи прелой листвы, папоротника и смолистой хвои, и вот уже к ним примешались иные запахи — полевые и дорожные.

Чуть ниже по шоссе ветерок принес запахи молодых трав луговины, запахи пасущегося стада и свежей воды, смешавшейся в безымянном ручье с дождевыми потоками, нахлынувшими со всех окрестных пригорков.

Переполненный ручей шумел, вырывался из берегов, затопляя окрестные ложбинки, образуя мутные водовороты, и, вновь вырываясь из них, бежал куда-то дальше.

Стрешневые свернули на боковую тропинку и пошли вдоль железной дороги.

Теперь мимо них неслись поезда, напоминавшие каждому о своем. Андрею Дмитриевичу — о военных годах. И еще, пожалуй, об институте. Вот уже совсем скоро такие же поезда повезут в Москву, да и не только в Москву, а во все города молодых ребят и девчат, которые, как и он, мечтают об учении. И наверное, среди них будут не только молодые, а и повидавшие жизнь и избирающие сейчас себе дело навсегда. Ну а Надежде Ивановне эти же поезда напомнили о далеком детстве на маленьком рязанском полустанке, а Нине — о Москве. И лишь Костика поезда занимали по-своему: они делились у него на зеленые и красные. Слово «пассажирские» у него не выходило еще вовсе, «товарные» он произносил с грехом пополам и потому именовал все поезда по цвету с полным пренебрежением к букве «р» в слове «красные».

На «зеленые» поезда Костик взирал довольно спокойно, но зато каждый «красный» вызывал у него восторг, особенно если он видел на платформах машины или автобусы.

И уж совсем забавным и невероятным показалось ему, как однажды в вагонах товарного поезда ехали коровы. Костик вспоминал об этом до сих пор и сейчас, выйдя к железной дороге, первым делом поинтересовался:

— А коровы где?

— Коровы там, около ручья, — сказала ничего не понимавшая Надежда Ивановна. — Мы только что их видели.

Костик решил больше не спрашивать о коровах: он привык к тому, что взрослые его не всегда понимают.

Вблизи станции им попался навстречу Павлик. Он шел с сумкой, видимо из магазина.

— Вот хорошо, что увидел тебя, Стрешнева,— сказал он почему-то подчеркнуто официально.— Мне нужно тебе что-то сказать. Извините! — добавил он, обращаясь ко взрослым.

— Пожалуйста! — сказал Андрей Дмитриевич.

— Понимаешь ли, у нас опять ЧП! — сказал Павлик, когда они с Ниной отошли чуть в сторону.

— Какое ЧП?

— Ну, чрезвычайное происшествие... И опять с Киселевой. Она ходила все-таки в церковь.

— Не может быть! — поразилась Нина.— Ведь я сама... Мы же говорили вчера с тобой...

— Мне сам Тимохин сейчас сказал. Он видел ее, на этот раз с мамой.

— Все-таки я не понимаю,— продолжала сомневаться Нина.— Ведь я вчера смотрела...

— Да что смотрела! Какие-то полчаса, и то по одной дороге. А разве в церковь только по шоссе ходят? Сам Тимохин видел, говорю тебе. Сейчас руками разводит. А сколько раз я его предупреждал! Вот и доигрались: никаких нам теперь «спутников» семилетки не выдать!

— Как же нам быть? — сказала Нина.— Я побегу сейчас, а то наши ждут меня. А потом давай поговорим. Ладно? Заходи ко мне. Мы только за газетами — и сразу домой...

Павлик ушел, и Нина догнала своих.

Возле станции мать купила газеты. Нина собралась было уже поворачивать обратно, но Надежда Ивановна взглянула на часы, сказала: «Хорошо, как раз успеем» — и потащила всех на платформу.

— Мы встречать кого-нибудь будем? — не поняла Нина.

— Вот поезд сейчас из Москвы придет, посмотрим.

— Мамуля! Ну скажи! — попросила Нина и, взглянув на отца, почувствовала, что он тоже что-то знает.

— Подожди! — сказал Андрей Дмитриевич. — Мать же обещала тебе праздничный сюрприз на второе мая! Ко времени дорог подарочек!

Но Нина почему-то думала сейчас не столько о сюрпризе, сколько о том, что сказал Павлик.

«Вот и оказалось все напрасным: и тот пионерский сбор, и все надежды на то, что Женя, хотя бы по трусости, не решится пойти. А пошла... А может быть, это мама ее с собой потащила? Но ведь сама не маленькая! Четырнадцатый год. Неужели не могла убедить мать? Нет, конечно, здесь дело в самой Жене...»

— Пап, как ты считаешь, — обратилась Нина к отцу, — вот если, к примеру, девочка-пионерка в церковь ходит, что с ней надо делать? Как поступить?

— С кем же это произошло? — спросил Андрей Дмитриевич. — Не с Катей, надеюсь!

— Ну что ты, папа! — обиделась Нина. — Как ты мог подумать? Катя давным-давно в бога не верит!.. Совсем с другой девочкой, но тоже из нашего класса.

— Что тебе сказать? — ответил отец. — Пожалуй, сначала надо разобраться как следует... Поговорить с этой девочкой. Может быть, она просто не понимает, что делает. Может, находится под чьим-нибудь влиянием. Чужая душа — потемки!

— А если с ней говорили уже не раз — и товарищи, и на пионерском сборе? — сказала Нина. — Что же тогда делать? Силой ведь ее не заставишь!

— Ну, если так, то тогда надо серьезно подумать, — сказал Андрей Дмитриевич, — может быть, даже о том, достойна ли она носить пионерский галстук.

— Она ведь ровесница твоя? — спросила Надежда Ивановна. — Значит, и в пионерах не первый год, а уже года четыре. Это, Нинок, и ваша вина. Чему же вы ее учили? Как воспитывали эти четыре года?

— Я-то здесь при чем? — обиделась Нина.

— Ну, при чем ни при чем, — сказала Надежда Ивановна, — а в твоём отряде это случилось. Конечно, другие пионеры, может, и больше виноваты, поскольку ты новенькая.

— У нас был такой случай, — вспомнил отец. — До войны еще, когда я в школе учился. С одноклассницей одной нашей, тоже пионеркой. Так, если мне не изменяет память, мы исключили ее из пионеров, но временно... Кажется, на полгода, чтобы она имела возможность подумать.

— Поезд идет зеленый! — закричал Костик.

Разговор пришлось прервать.

— Вот здесь как раз, по-моему, должен остановиться второй вагон, — сказала Надежда Ивановна.

— Кого же мы ждем? — опять вспомнила Нина.

Подошла переполненная электричка. Открылись двери вагонов.

И вдруг Нина так завизжала, что ничего не понявший Костик, который стоял, держась за папину руку, вздрогнул.

— Ой, ой! Девочки! Людмила Клавдиевна! Как хорошо!..

Уж чего-чего, а что к ней придет Людмила Клавдиевна, да еще не одна, а с ребятами из исторического кружка, она не ожидала. А здесь были и Варя, и Мапа, и Таня, и даже милый очкастик Миша Ефимов, на которого Нина уже вовсе не была теперь в обиде. Миша стоял в сторонке: он давно стеснялся Нины. «И нужно же было писать мне записку!» — было написано у него на лице.

Костик был поражен. Он не ждал такого нашествия. Ему вовсе не хотелось со всеми здороваться, всем протягивать руку, и притом еще обязательно правую, и слушать непонятные слова, которые будут произносить о нем. Костик не знал, как себя вести в такой обстановке, и посему предпочитал не отвечать на вопросы. Да, он все знает: и сколько ему лет, и что он славный, и что у него есть матроска, но, право, для него все это не имеет значения. Уж очень скучно, когда о тебе говорят взрослые!

— Ты разве не ждала нас? — спросила Людмила Клавдиевна, заметив растерянность на лице Нины. — Если бы мы с твоей мамой чуть раньше встретились, я бы еще больше ребят привезла!

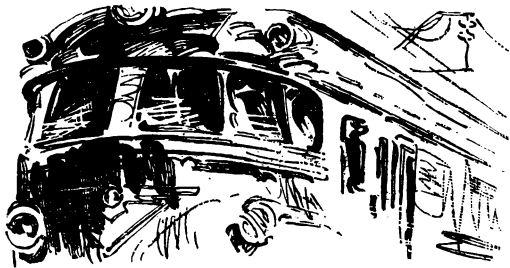
— Да что вы! Конечно, ждала! То есть вовсе не ждала и не знала, — сказала Нина.

— Это Надя решила ей сюрприз устроить, — объяс-

нил Андрей Дмитриевич.— Вот мы ничего и не говорили ей до вашего приезда.

— Ну а ты, Андрюша, молодцом! Слышала, слышала! Надежда Ивановна мне все доложила,— сказала Людмила Клавдиевна.— Только почему все же в лесотехнический? Уж лучше бы биологический — профиль шире. Да и потом я жду тебя к нам.

— Посмотрим, Людмила Клавдиевна, посмотрим,— пообещал Андрей Дмитриевич.— Цыплят по осени считают. Надо еще экзамены сдать. А в лесотехнический я окончательно решил. Мечта у меня есть — всю

землю лесами засадить. По примеру профессора Вихрова! — пошутил он.

— Что ж, мы так и будем стоять на платформе? — спросила Надежда Ивановна.— Пойдемте к нам, перекусим, отдохнете с дороги, а потом погуляем.

— Еда у нас с собой,— сказала Людмила Клавдиевна,— так что никаких беспокойств мы вам достав-

лять не собираемся. И никаких отдыхов... Мы не устали... Гулять! Гулять!..

— Вы все такая же неугомонная! — сказал Андрей Дмитриевич. — Неугомонных и годы берегут!

— Ну, это ты мне сказки не рассказывай! Просто обидеть не хочешь, — сказала Людмила Клавдиевна. — А мне, братцы мои, через год шесть десятков стукнет. Не шутка. Но и сдаваться не хочу! Не хочу!..

Они направились к дому. Девочки ушли вперед, болтая о своих делах, и только Миша Ефимов — то ли по долгу старосты кружка, то ли чтобы не мешать девочкам выболтаться, — молчаливо шел рядом с Людмилой Клавдиевной. Так же молчалив был и Костик: он был очень осторожен при новых знакомствах и потому с момента прихода поезда не проронил ни слова.

Придя домой, Людмила Клавдиевна наотрез отказалась отдыхать.

— Оставим здесь свои пожитки и пошли бродить, пока погода хорошая. А потом можно будет и перекусить — бутерброды мы с собой взяли, а от чая не откажемся. Пошли! Пошли!.. Показывай нам, Нина, что здесь у вас есть интересного.

Отправились всей компанией — и гости и хозяева.

— Ну а ежели Константин Андреевич утомится, возьму на руку, — сказал отец. — Он у нас ходок на часок!

По пути у ворот прихватили и Павлика, который направлялся к Нине.

— О Киселевой мы потом с тобой поговорим. Я уже с папой советовалась. Ладно? — сказала ему Нина.

Путь выбрали самый дальний: сначала через поселок к лесу, оттуда к плотине, потом вдоль ручья к станции и к Нининой школе и, наконец, обратно.

— Километров восемь обеспечено, — сказал Андрей Дмитриевич. — Собственными шагами вымерено!

Они свернули влево и направились по самой глухой улице поселка к лесу. Улица шла сквозь ряды высоких корабельных сосен. По обе стороны ее тянулся уже успевший зазеленеть кустарник, который сплошной стеной скрывал дома и постройки. У обочин дороги в канавах, где еще совсем недавно лежал снег, до краев стояла прозрачная, кажущаяся густой вода. В ней отражались вершины деревьев и лишь изредка клочки голубого неба, скрытого могучими соснами. Тихо и монотонно, словно занятый тяжелым трудом, шумел лес, да изредка слышались удары дровосеков-дятлов и доносился флейтовый писк иволги.

Вдоль придорожных канав, ближе к заборам, рос папоротник. Молодая крапива, на редкость мелкая и чахлая, никак, видно, не желала уступать место папоротнику и потому вылезала откуда-то прямо из-под его корней.

Нет-нет да и попадались кустики земляники без ягод. А рядом на пустой лысинке земли одиноко торчал стебелек ландыша с еще зеленым, не распустившимся бутонем на макушке. Черемуха и бузина, которым никак не расцвести здесь без солнца, от нечего делать смотрели в воду на то, как крутились по ней жучки-вертунки, готовые вот-вот попасть на обед лягушкам.

— До чего торжественно и сказочно красиво! — произнесла Людмила Клавдиевна.

— Здесь у нас хорошо, — согласился Андрей Дмитриевич. — Только вот беда! Нина Андреевна толкует, что с точки зрения исторической эти места малоинтересны...

— Ты шутишь, папа. Я вовсе не так говорила, — попробовала оправдаться Нина. — А кружку историческому действительно здесь нечего делать. По ягоды да по грибы, что ли, ходить?

— И я слышу это от тебя? — воскликнула Людмила Клавдиевна. — Вот не ожидала так не ожидала!.. Мы меньше тебя знаем эти места, а и то вспоминали сейчас в поезде о замечательных событиях, которые здесь происходили. Ну вот, например, возьми двенадцатый год. Партизанское движение в этих местах было? Было! Да и не только партизанское. Отсюда и до Бородина рукой подать.

— И в Отечественную войну партизаны здесь были, — подсказал Павлик. — У меня папа партизанил в здешних лесах... До самой Белоруссии доходил...

— Вот видишь, — подтвердила Людмила Клавдиевна. — А Зоя Космодемьянская, а панфиловцы, а генерал Доватор, а тысячи других героев, защищавших Москву? Можно и поглубже в историю заглянуть.

— Иван Грозный здесь где-то церковь построил, — вставил Миша Ефимов.

— Это я знаю, — сказала Нина. — Мы как раз к ней потом подойдем... Я покажу вам ее.

— Вот тебе и Иван Грозный, — продолжала Людмила Клавдиевна. — А ты говоришь: нет интересного. Да мы сейчас к вам ехали, в окна смотрели. Какие здесь города новые отгрохали, заводы! А покопайтесь, что на их месте раньше было. А вот такой, например, вопрос: как название твоего поселка? Песочное. Думала ты, почему он так называется? Вроде бы и песка здесь нет, а название Песочное. А ты пойди на ручей, мимо которого мы шли со станции, и посмотри, землю копни. Наверняка увидишь под слоем дерна песок. А это значит, что ручей этот — бывшая речка. И вероятно, немалая. Берега ее были когда-то песчаные — вот и называли люди, пришедшие жить сюда очень давно, это место Песочным. Речка текла в ложбине, и, естественно, дожди делали свое дело: намывали с полей и лугов землю, прикрывали ею песчаные берега

реки. Вот и реки уже со временем не стало, и песка почти не видно, а название осталось.

— Это и правда интересно! — не выдержал Павлик.

— Конечно, интересно, — согласилась Людмила Клавдиевна. — А вы вот возьмите да соберите все это интересное вместе, хотя бы с Ивана Грозного до наших дней. Какое дело вы сделаете полезное для товарищей своих и для себя! И главное — какими дорогими, замечательными покажутся вам эти места! Пойдете по земле своего поселка как великие хозяева и великие наследники, и каждый клочок земли вам будет рассказывать о нашем народе и о прекрасной его истории.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ЕЩЕ ОДИН ДОБРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Незаметно пролетели два праздничных дня. Утром Нина отправилась в школу, а Андрей Дмитриевич с женой и сыном, как обычно, собрались на станцию за газетами.

Хотели было уже уходить, как в дверь постучали.

— Здесь к вам товарищ один приехал, — сказала соседка. — К Андрею Дмитриевичу.

Надежда Ивановна спустилась вниз. Какой-то человек привязывал к столбу лошадь. Он был невысок ростом, коренаст. На широком лице — седая окладистая борода. Надежда Ивановна видела этого человека впервые и поэтому спросила:

— Вы к нам?

Человек, видимо, догадался, кто перед ним.

— Мне бы с супругом вашим поговорить. Кажется, нехстати я?

— Нет! Почему же? Пожалуйста!

Они поднялись наверх.

— Вот, Андрюша, к тебе,— сказала Надежда Ивановна и сразу же предложила: — Может, мы тогда пойдем, а ты...

— Правильно, а мы поговорим пока,— согласился Андрей Дмитриевич.

— Вы уж простите... Так... Вот... Вторгся к вам,— сказал вошедший, сжимая в руках кепку.

— Садитесь и будьте гостем,— просто сказала Надежда Ивановна.— А мы с Костиком пошли.

Человек постоял, ожидая, когда Надежда Ивановна с Костиком спустятся по лестнице, и только после этого сел, широко расставив ноги и положив руки на колени.

— Вот я чудак,— сказал он наконец.— Надо бы начать с этого... Я даже не назвался. Вы уж... По фамилии я Алексеев... Егор Прокофьевич... Вы, должно быть, сына моего знаете... Бывает он, говорил, у вас...

— Как же, конечно! — обрадовался Андрей Дмитриевич, сбрасывая невольную неловкость.— Павлик, можно сказать, друг нашего дома. Я очень рад, что вы зашли, Егор Прокофьевич.

Андрею Дмитриевичу стало сразу как-то легче. «Коренастый, бирюковатый, простой на вид,— подумал он.— Как сказал Павлик, немного «бука».

— Я вижу, вы курите,— сказал Егор Прокофьевич.— Так не хотите ли моего? — И он добавил: — Махорочка только... А вот и бумажка,— и протянул Андрею Дмитриевичу газету.

Они закурили.

— А ничего, что мы это здесь? — спросил Егор Прокофьевич.— Может, вы не курите в доме-то? Ребятишки все ж.

— Проветрим. Мои ребятишки уже насквозь мной прокурены,— пошутил Андрей Дмитриевич.

— Ты уж, Андрей Дмитриевич, не сердись на меня,— вдруг начал Егор Прокофьевич, перейдя на «ты»,— что вроде как бы учить пришел. Хоть и повстречались мы впервой, все ж я старше тебя годков на пятнадцать... Да и войну тоже без дела не сидел... Слышал я, что ты по нашему лесному делу работать собираешься. Так что уж попросту хочу тебя спросить: знаешь ты Заботина?

— О чем вы? — с удивлением спросил Андрей Дмитриевич.

— Подожди! Подожди! Сейчас поймешь! — пообещал Егор Прокофьевич. — Так вот говорю: если знаешь что, то скажи! Ведь не секрет: этот подлец Яшка знает тебя. Иначе чего ему бояться тебя? Чего сторониться? И ведь надо же, какого юродивого из себя разыгрывает! А на деле холуй холуем! Агент по снабжению при поповском ведомстве! И вообще церковники у нас распоясались. Недавно даже на пленуме райкома об этом говорили.

Андрей Дмитриевич был поражен.

— Егор Прокофьевич, скажите,— спросил он,— а что вам-то известно? Откуда вы знаете, что он боится меня?

— Да откуда знаю! Разве такие вещи промежду людей утаишь! Я от Павки своего узнал. А он у меня врать не будет. А что, не так это?

— Не знаю,— сказал Андрей Дмитриевич.

Больше он ничего сказать не мог. Потом подумал и добавил:

— И не во мне дело. Вот семью его жалко — Ксению Степановну, Катю. Да, кажется, они расходятся, так что им будет легче теперь. Сам же уехать куда-то собрался... В Москву, что ли... В церковь его другую вроде устраивают, кладбищенскую!

Егор Прокофьевич помолчал, прикурил потухшую сигарку.

— На кладбище ему и место... А может, ты и прав,— сказал он, словно думая о своем.— Что с ним тебе связываться? Вон он каков, современный-то святой народ! Собирают вокруг себя подонков всяких. А еще о вере говорят! У них там еще один есть. Отец дьякон! Так тот в годы оккупации открыто немцев приветствовал. Проповеди хвалебные в их честь произносил! Мерзость, и только!

— Так вы, Егор Прокофьевич, значит, партизанили в войну? — спросил Андрей Дмитриевич, чтобы перевести разговор на другую тему.

— Да, было. Всяко было... Поначалу-то я в армии служил, а потом вот здесь меня оставили. Места я здешние знаю — вот и оставили. Ну а потом уж никуда и не взяли: цапнуло меня осколком в голову. Вот такие дела...

— Ваш сын нам рассказывал о вас,— сказал Андрей Дмитриевич.— Хороший он парень у вас...

Егор Прокофьевич усмехнулся:

— А скажи, не кажется ли тебе, что моему Павке девчонка твоя приглянулась? Уж что-то он все уши нам прожужжал про нее! Да и, представляешь себе, сам вроде бы изменился: за собой следит, лоск наводит, все к зеркалу подходит. Может, как бы первая любовь у них? А?

— Трудно сказать! Дело такое. Любовь не картошка! — рассмеялся Андрей Дмитриевич.— А если и так, что ж тут плохого? Ребята они славные. И хорошо, что подружались.

— Ты, значит, учиться будешь? По нашему делу? — спросил Егор Прокофьевич.

— Да вот собираюсь. Кому в дровосеки, а мне в лесники. В помощники возьмете? — пошутил Андрей Дмитриевич.

— А чего же не взять! Я хоть сейчас! А учиться — это верно. Я вот сам-то без особого образования. Так больше, по практике наловчился, да чувствую: не всегда знаний хватает. Наука-то у нас вон как шагнула! А теперь буду собираться,— заспешил Егор Прокофьевич,— пора мне. Я ведь по пути в райком к тебе заскочил. Ты на учете-то где состоишь?

— Да пока в Москве, по старому адресу,— сказал Андрей Дмитриевич.— Вот если сдам в институт, туда перейду. А нет — так здесь буду.

— Сдашь! Сдашь! Ну а подсохнет — милости прошу ко мне, в лесничество,— предложил Егор Прокофьевич.— Собирай всех своих и приходи. Ягод полно, цветов... А попозже и грибки пойдут...

— Наверное, и охота у вас хорошая? — полуболезненно спросил Андрей Дмитриевич.

Егор Прокофьевич только фыркнул:

— Вот уж чем не увлекаюсь так не увлекаюсь... Я лес люблю! На что мне охота? Это только в книжках пишут, будто охотники души в природе не чают. А какая уж любовь! Иногда такого писателя, что из охотников вышел, читаешь — и диву даешься: только и пишет, как он все живое в лесу уничтожает. Один, правда, был. Великий охотник. Убедил. Умом поверил. Сердцем — не знаю... Это я о старике Пришвине покойном говорю. А остальные так... прикидываются... Ну, приходи. Буду рад. На какой же факультет-то поступаешь в институте?

— На лесотехнологический,— ответил Андрей Дмитриевич,— собираюсь...

— Ну и добро! — согласился Егор Прокофьевич.— И не серчай, если что не так. Может, погорячился. Уж больно мне этот юродивый Яшка постыл.

Они попрощались, и Егор Прокофьевич ушел.

Вскоре вернулись Надежда Ивановна и Костик с газетами. Пока Андрей Дмитриевич рассказывал жене о разговоре с отцом Павлика, Костик уже успел развернуть одну из газет и обнаружить снимок с автомашинами.

— Самоляп! — обрадовался он.

— Не самоляп, а самосвал! — поправила мать. — Кажется, так сестра с тобой спорит?

— А я и говорю, самоляп, — повторил Костик и удивленно повел плечами: — А еще газ и девять!

— Может, ГАЗ-69? — спросил отец. — Ты даже и такую машину уже знаешь?

— Это моя работа, — пояснила Надежда Ивановна. — С таким сыном я и сама уже почти все марки машин изучила.

Нина прибежала из школы запыхавшись, крикнула от двери:

— Павлик! Заходи! — И сразу же бросилась к родителям. — Вот мы с Алексеевым посоветоваться хотим с вами. У нас завтра сбор будет. В общем, о девочке этой, Жене Киселевой, которая в церковь ходит. Так вот мы и придумали: а что, если Ксению Степановну попросить прийти? Чтоб она всем пионерам рассказала, как верила в бога и почему сейчас не верит. Мы Катю хотели, да она стесняется. Как вы считаете?

— Так сказать, в порядке антирелигиозной пропаганды, — добавил Павлик.

— Ну что ж, пожалуй, это хорошо, — сказал отец. — Только вот как сама Ксения Степановна? Согласится?

— А мы маму попросим, — сказала Нина. — Мамуля, поговори с ней! Ладно? Ведь она твоя подруга. Она тебе не откажет, честное слово!

— Я попробую, — сказала Надежда Ивановна.

Павлик толкнул Нину под локоть.

— А ты про кружки еще скажи, — шепнул он.

— Да, и еще вот что мы придумали,— сказала Нина.— Помните, что Людмила Клавдиевна нам говорила? Так вот мы решили — Алексеев, Катя Заботина и я: с лета начать собирать историю Песочного и его окрестностей. Как? Здорово?

— Здорово-то здорово,— сказал Андрей Дмитриевич.— Но почему вы собираетесь это делать втроем, а не всем отрядом или классом?

— Папочка! Ты ничего не понимаешь! В том-то и весь смысл,— объяснила Нина.— Мы начнем втроем во время каникул, соберем самое интересное, а потом в начале нового учебного года покажем всем ребятам: вот, мол, как это здорово!

— Чтобы нагляднее было! — сказал Павлик.

— Чтобы нагляднее,— повторила Нина.— И чтобы заинтересовать всех по-настоящему. А потом соберем тех, кто заинтересовался, в кружок. И историку нашему, Виктору Николаевичу, расскажем. Здорово?

— Здорово,— согласился отец.— Я смотрю, у вас прямо умы государственных деятелей,— пошутил он.— У вас все?

— Все,— ответила Нина.

— Тогда я вам тоже кое-что сообщу,— сказал Андрей Дмитриевич.— Сегодня утром я познакомился с одним человеком, которого зовут Егор Прокофьевич Алексеев. И что же оказалось? Во-первых, он просто очень симпатичный и славный человек. И во-вторых, что у нас появился еще один знакомый. Ну как, здорово? — спросил он в тон Нине и Павлику.

— Здорово! — вместе ответили они и также вместе захохотали.

— Да, пап! — вспомнила Нина.— А Катин отец уехал сегодня! Нам сама Катя сказала...

— Они развелись,— пояснил Павлик.— С матерью Катиной...

А ТЕПЕРЬ — ЗА ДЕЛО!

Сбор пионеров шестого «Б» решили провести сразу после уроков в учительской. Народу набилось тьматмущая. Собрались и шестиклассники, и многие учителя, и директор, и комсомольцы из старших классов, и ребята — члены учкома.

— Клавдия Семеновна, мы не очень затянем? — беспокоилась Мария Григорьевна. — Ведь у нас работы полно. Все остальные бригады уже на участке.

Старшая вожатая знала об этом, но что поделаешь!

— Видите, какое дело! — сказала она. — Постараемся...

Клава и сама понимала, что сейчас у них страдная пора. От того, что будет сделано теперь, в майские дни, зависит судьба урожая.

И все же, как ни нехоти в такое время да еще к концу учебного года этот сбор, обойтись без него нельзя. Случай с Женей Киселевой взбудоражил всех пионеров, и не только шестого «Б». «В такой обстановке бездействие, проволочка не годятся, — решила старшая вожатая. — Надо, чтобы сбор этот был полезен для всех, а не для одной Киселевой. И хорошо, что сами пионеры из шестого «Б» решили пригласить сегодня мать Кати — Ксению Степановну. Если она выступит хорошо — это будет очень, очень полезно для всех».

Чтобы не привлекать внимания своим присутствием, Ксения Степановна села в дальний угол — здесь же сидели Катя с Ниной и Павлик.

О цели прихода Ксении Степановны знали немногие, и большинство ребят было явно заинтересовано: они удивленно перешептывались, глядя в ее сторону.

Вскоре Павлика вызвали к столу: он, член совета отряда, должен сидеть поближе. Попросили подсесть к столу и Женю.

Сбор открыла старшая вожатая.

— Мне хотелось,— сказала она,— чтобы сегодняшний разговор начал наш председатель совета отряда Витя Тимохин, но пионеры попросили, чтобы сбор открыла и вела я. Не знаю, насколько это верно, ибо речь идет...

— Правильно! Правильно! — закричали ребята. — Нечего Тимохину вести такой сбор! У него твердости нет! Трус он! Пусть сам послушает! Ему полезно!

Кто-то из пионеров крикнул:

— У него мнения своего нет!

Тут не выдержал сам Тимохин.

— А у тебя есть мнение? — крикнул он. — А кто мне помогал?

— Это ты уже зря,— вскочив, возразил Павлик. — А Солдатов, а Никифоров, а Вальдин, а все члены совета? Что, не помогали!

Пришлось Клаве утихомиривать собравшихся. «Может, и хорошо, что сбор повела я, а не Тимохин», — подумала она.

— Давайте переходить ближе к делу,— сказала вожатая. — Сегодня мы должны поговорить с вами о поведении пионерки Жени Киселевой. Поверьте, что в связи с этим придется нам подумать и о работе совета, и о его председателе. Но все по порядку. И прошу быть краткими, не повторяться... Все вы знаете, что у нас много дел на участке. Ваши товарищи уже работают, и будет плохо, если мы от них отстанем.

Она напомнила «историю вопроса», которую, впрочем, и так все знали, и дала слово Киселевой.

Женя встала.

— Я виновата,— сказала она и замолчала.

— Пусть она скажет, как ей бог помог тройку получить по истории! — крикнул кто-то с места.

— Перекрестись! Может, пожалеют, — сказал кто-то еще.

Женя молчала.

— Я больше ничего не могу сказать. Я виновата, — добавила она наконец и всхлипнула.

— Садись Женя, — предложила вожатая.

Первым выступил Павлик.

— О Киселевой я потом скажу, — начал он. — А сейчас вот о чем. Что мы делали? Об отметках говорили? Стенгазету выпускали? Открыточки поздравительные посылали? О романтике? Все правильно. А назовите такого человека, кто бы сказал, что учиться надо плохо, что работать вовсе не обязательно, что можно быть нечестным, своим товарищам не помогать и все такое? Нет таких чудаков! Все знают, что и учиться надо хорошо, и честным быть, и помогать. И дома говорят об этом, и в школе, и в «Пионерке» пишут. Все это знают, да не все делают. Вот тут-то бы и надо нам не в общей, так сказать, форме разговаривать. Или вот еще. Видели мы или не видели, как ребята в церковь ходят? Пусть не из нашего класса и не из нашей школы. Видели. А что делали? Между собой поговорим, и все. А когда раньше Заботина Катя ходила? Помогли мы ей? В пионеры не принимали, и все! Да она и сама не просилась. Хорошо, что она все поняла, да только без нас! Мы-то здесь ни при чем! А что мы вообще антирелигиозного сделали? Говорили: «Пионер не должен верить в бога», «Пионер не должен ходить в церковь», — и все. А почему не должен? Вот об этом мы и не говорили. В общем, я хочу сказать: мы работали плохо... Весь совет, да и я тоже. Участком увлеклись и отметками. Вот вам и вышла романтика! А то, что поважнее, прохлопали! — Павлик сел.

— Ты же обещал о Киселевой сказать? — спросила Катя.

— А что о Киселевой? — Павлик встал. — Я в тот раз говорил на сборе. Думал, поймет она... А она... И еще я скажу. Я вот так думаю, что все мы, пионеры, — коммунисты! Да, коммунисты! Но только как бы младшие пока. А коммунист, он во что верит? Он в науку верит. А разве наукой не доказано, что бога нет? Доказано! Я вот был в церкви и думал: какой же это бог, когда он на картине нарисован?

— Подожди, подожди! — перебила его Клава. — Ты сказал, что тоже был в церкви?

— Был, — смутился Павлик. — Мы яйца голубиные с мальчишками собирали. На колокольне.

Раздался хохот.

— Ну, чего смеетесь? Верно! — сказал Павлик. — Это давно было, в позапрошлом году.

— Что же ты предлагаешь в отношении Киселевой? — сдерживая улыбку, спросила вожатая.

— Киселевой? — повторил Павлик. — Снять с нее галстук да в монашки отправить. Вот и все.

— В монашки! — Кто-то даже подпрыгнул в восторге.

— Не хочу я в монашки! — робко запротестовала Женья.

— В монашки! В монашки! Правильно! — раздалось несколько голосов.

— Можно, я скажу? — попросила Нина. — Я с Алексеевым не согласна, — сказала она, подходя к столу. — То есть, в общем-то, я согласна, а вот насчет Жени... Она сама виновата. И ее надо наказать. Но я считаю, что она поймет, и тогда мы посмотрим и простим через какое-то время. И еще я хочу такое предложение внести. Надо попросить кого-нибудь из старших сходить к

Жениной маме и поговорить с ней. Пусть она не сбивает ее с правильного пути!

— Верно,— с места согласилась Мария Григорьевна.

Выступили еще несколько ребят и взрослых. Самую самокритичную речь произнес Витя Тимохин.

Наконец слово попросила Ксения Степановна. Чувствовалось, что она очень волнуется.

— Я не умею говорить так хорошо, как здесь все говорили,— сказала она.— И все-таки я скажу. Вот здесь, пока я сидела, многие ребята шептались, и я слышала: зачем, мол, она-то сюда пришла? Вот я и объясню вам... Насчет подруги своей Жени Киселевой вы здесь верно говорили. А я хочу вам рассказать о себе. Как я в бога поверила и что со мной было. Пусть и Женя меня послушает. Люди вы уже не маленькие, поэтому с вами начистоту можно говорить...

Как кончилась война, люди вздохнули, с каждым годом лучше жить стали. А у меня наоборот получилось. Была я молода, встретила человека, полюбила его. Да, видно, по молодости лет не очень-то разобралась в нем. Оказался он человеком нехорошим. Вот и началась у меня не жизнь, а каторга. Муж и бил меня, и деньги пропивал последние и вещи. А потом того хуже стало. Связался муж с попами, вроде бы сам в бога поверил и стал нас с дочкой без конца стращать, безбожницами обзывать, пугать адскими муками. Сам-то он ни в какого бога не верил! Да уж раз в церкви работать стал, пришлось ему за нас взяться. Очень худо мне стало. А тут еще явился к нам однажды посланник бога, а попросту говоря — поп. Он к мужу пришел да разговорился со мной. Сказал, что все беды у меня происходят вроде потому, что я в бога не верю, не молюсь ему. Раз со мной так поговорил, другой... Может, и нарочно его к нам подсылали. Я отчаялась совсем в это время и подумала: «Пойду в церковь. Может, и

правда полегчает». Стала ходить молиться, да и Катюшку с собой таскать по молебнам, все обычаи христианские справляла. Гляжу — ничего не меняется в моей жизни. Вот я и говорю однажды тому самому священнику: мол, жизнь у меня такая же трудная, хоть и молюсь я исправно. А он и отвечает мне: мол, на земле участь людская мучаться, зато после смерти попадешь ты на тот свет и будешь жить райской жизнью. В евангелии Христос, говорит, учит: «Не заботьтесь, что вам есть, что пить и во что одеться, ищите прежде есего царства небесного и правды его, а остальное приложится вам...» Что же, думаю, получается: сиди, человек, на земле и жди, когда умрешь да на тот свет попадешь? Так зачем же тогда вообще жить? Ну, ладно мне еще! А Катюшке как? Ведь у ней вся жизнь впереди! Неужто и ей надо того света ждать?

И еще подумала: «Почему сами-то священники как раз совсем другой жизнью живут? Проповедуют одно: мол, в слабости — сила божья, в тесноте — безграничность, в бедности — богатство. А сами? А сами не ждут, когда им суждено будет на тот свет попасть, а пользуются на земле всеми благами: и едят, и пьют хорошо, и особняки себе строят, и машины покунают, и веселятся так, что не каждому человеку в голову придет. А ведь для всего этого большие деньги нужны. Вот и одурманивают попы глупых людей. Чем больше народу в церковь приходит, тем больше они денег себе в карман кладут: по копеечке, по рублику... Потому попы и дурачат народ сказками о бже, что от этого им только выгода... И как морочат! И за Советскую власть молятся! И космос признают! Вроде бы передовые люди! А на деле свое проповедуют: мол, вера христианская особую задачу имеет — подготовить нас к наследованию царства божьего, которое не на земле, а на небе находится...»

Много передумала я обо всем и решила, что в сети меня затянули. А тут еще и через мужа многое поняла. Темными он делами с попами занимается! Перестала я ходить в церковь и стала решать, как самой жизнь поправить. Ведь человек сам хозяин счастья своего, и порой много сил надо положить, чтоб завоевать это счастье.

И еще об одном хочу сказать. Вот сидит дочка моя, Катюшка, ваша одноклассница и подружка ваша. Ей, как и мне, многие годы очень трудно жилось, и если бы не было вас, товарищей ее, вот Павлика, и Нины, и всех других, которые ее поддерживали и помогали, было бы ей еще хуже. За это мне хочется сказать вам душевное спасибо! А теперь у нас с Катюшей жизнь совсем другая пойдет. Намного лучше прежней. Никакой господь бог нам в этом не поможет, а мы сами ее такой сделаем. Вот и все, что я хотела вам сказать, для чего пришла сюда...

Ксения Степановна села.

В комнате еще с минуту было тихо, и даже председательствующая Клава продолжала молчать, будто забыв о своих обязанностях.

Наконец она встала.

— Прежде чем переходить к решению о Киселевой, давайте еще раз послушаем саму Женю. Говори, Киселева.

Женя вышла к столу уже чуть успокоившейся.

— Меня ругали... верно, — сказала она. — Виновата я... И пусть меня накажут...

При голосовании споров не было. Решили строго предупредить Киселеву, а если она не исправится, исключить ее из пионеров.

— А теперь, — сказала Клава, — за дело! Через десять минут всем собраться на улице. А вам, Ксения Степановна, спасибо! Вы очень хорошо выступили. Спасибо вам! — сказала вожатая.

— И заходите к нам почаще,— добавила Серафима Кузьминична.— За советом, за помощью. Всегда охотно поможем.

Тем временем ребята были уже на улице, и Павлик говорил Кате:

— Мама-то твоя как выступила! Во! А ты боялась! Она может прямо с лекциями выступать «Как я перестала верить в бога»!

— Что ты! Она так волновалась! — призналась Катя.— А ты — лекции!..

— А что? Такие лекции читают. Даже в газете было напечатано,— пояснил Павлик.— Поэтому мы и придумали насчет твоей мамы.

— Хорошо,— подтвердила Нина.— Всем на пользу!

— Вот только я насчет Киселевой переборщил, с монашками этими,— сказал Павлик, и вдруг у него родилась идея: — А знаете что? Давайте Киселеву привлечем к нашей истории! Здорово будет: вроде как бы доверие окажем человеку! И поручим ей как раз эту самую церковь с Иваном Грозным. А?

— Ты с ума сошел! Да Женя теперь к церкви на сто шагов не подойдет,— сказала Нина.— А ты — церковь поручим!

— Это, пожалуй, верно,— согласился Павлик.— Ну, тогда что-нибудь другое...

Катя и Нина согласились.

Вокруг школы уже всю работала ребячья бригада.

Работали возле яблонь и вишен, у ягодного кустарника и на цветнике, на огородных грядках и по берегам пруда.

Многое здесь изменилось с того недавнего апрельского дня, когда Нина впервые пришла в школу. Покрылись первой робкой листвой яблони и вишни, и уже всю сверкал на солнце всеми красками мая цветник.

Вот-вот готовы появиться из-под земли стрелки зеленого лука, вытянуть первые ростки моркови, редис, свекла; нежными мохнатыми ковриками зазеленели участки многолетних трав. И, глядя на все это, казалось, что лето уже зародилось в сегодняшней ранней солнечной весне, зародилось близкое будущее нового урожая.

Да и солнце уже парило совсем не по-весеннему, а горячим летним жаром. Оно выглядывало из-за высокой школьной ограды, пригревало высокие сосны, на ветвях которых, будто солдатики, вытянулись свечи. Майский жук приземлился прямо на дорожку да, так и не спрятав крылья, пополз с глаз человеческих долой, поспешил в траву, успев лишь показать свою коричневую припудренную спину.

Ласточки и стрижи взвизгивали от радости в небе, и казалось, что это на их радость откликались откуда-то иволги и перепела.

Дорожки между участ-

ками, редко посыпанные песком, вовсе сухи, подсохла и земля на грядках, но стоило копнуть ее — и там уже был густой, пропитанный влагой чернозем, готовый дать жизнь любому ростку.

Сколько раз в жизни, вот так же как и сейчас, с лопаткой в руках, Нина копалась в земле! Это было и давным-давно, еще в яслях, и в детском саду, и во дворе большого московского дома, и позже, в пионерских лагерях, на дачах, куда она ездила отдыхать. Но такого, как сейчас, не было никогда. Нина копалась в земле, сажая рассаду, — она работала. И удивительную радость доставляла ей эта работа своей полезностью и нужностью.

А вернувшись домой, Нина достала дневник. Последняя запись в нем гласила:

«16 апреля. Переехали в Песочное. Насовсем. Ничего интересного пока нет».

Нина улыбнулась, взяла ручку и написала:

«4 мая. Все хорошо».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

САМАЯ КОРОТКАЯ И САМАЯ ВАЖНАЯ

Хорошим прозрачным утром первого сентябрьского дня из ворот небольшого двухэтажного дома, что стоял среди сосен на месте отступившего в сторону леса, вышел мужчина, державший под руку небольшого роста худенькую женщину. Рядом с мужчиной, почти вровень с плечом его, шла девочка в коричневом школьном платье и черном переднике, на который спадали концы красного пионерского галстука. В правой руке у нее был портфель, а в левой — рука маленького бра-

тишки, который вовсе не считал себя маленьким. Брат тянул ее вперед, что-то спрашивал, и они, как равные, о чем-то спорили.

У ворот их встретили знакомые придорожные сосны, и клен, горевший всеми осенними красками, и березки — молодые, чуть постарше и совсем старые. Молодые уже успели подрасти за это лето. Вытянулись и те, что были постарше. И только совсем старые вроде бы и не изменились, лишь немного ниже, может быть, опустили свои ветки к земле.

На дороге стояли еще двое ребят с портфелями: такая же девочка-школьница с косами за плечами и с красным галстуком на груди и мальчишка, почти уже парень, в новой школьной форме, которая, видимо, порядком смущала его, а особенно этот берет на голове!

Все пошли по шоссе в сторону станции.

На лице у мужчины были глубокие рубцы и шрамы, а левый рукав его

пиджака был заправлен в карман. Но, пожалуй, только этим он и отличался от других прохожих. Он шел по шоссе и разговаривал так же весело, как все, а настроение у него, судя по всему, было даже лучше, чем у тех, с кем он шагал рядом.

Впереди они нагнали еще одну девочку с портфелем — лишь не было у ней кос да пионерского галстука.

— Киселева, подожди! — крикнул парень.

И девочка остановилась.

Дальше они пошли все вместе: ребята с портфелями — в школу, а остальные — на станцию, откуда поезд умчит мужчину в новую, заманчивую студенческую жизнь.

Шли по дороге хорошие люди. А впереди них и позади, вокруг и на тысячи километров окрест было еще много хороших людей, с которыми им суждено, а может, и не суждено будет свидеться.

Так пожелаем всем им большого счастья!

1957—1962 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Ласточкин-младший и Ласточкин-старший. <i>Повесть</i> . 3
Новый адрес Нины Стрешневой. <i>Повесть</i> 165

Для детей среднего школьного возраста

Баруздин Сергей Алексеевич

**ЛАСТОЧКИН-МЛАДШИЙ И ЛАСТОЧКИН-СТАРШИЙ
НОВЫЙ АДРЕС НИНЫ СТРЕШНЕВОЙ — повести**

М. «Московский рабочий». 1969
328 с. Р₁

Редактор А. Дугинец

Художник А. Шульц

Художественный редактор А. Игнатьева

Технический редактор М. Похлебкина

Корректоры З. Карпова, Ю. Черникова

**Издательство «Московский рабочий».
Москва, пр. Владимирова, 6.**

**Подписано к печати 3/III-1969 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆.
Бум. л. 5,125. Печ. л. 14,35. Уч.-изд. л. 13,86. Тираж 100 000.
Тем. план 1968 г. № 334. Цена 54 коп. Зак. № 1894.**

**Типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.**

